

**А.А. Иванов
В.М. Воронов**

НЕГАТИВИСТСКАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ

Учебное пособие

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
2014

УДК 316.48:159.923(075.8)
ББК 66.4(0)+88.53
И20

Иванов А.А.
И20 Негативистская конфликтология [Электронный ресурс] : учеб. пособие /
А.А. Иванов, В.М. Воронов. – М. : ФЛИНТА, 2014. — 302 с.

ISBN 978-5-9765-2076-6

Первое в своем роде учебное пособие, содержащее подробный рассказ о развитии научных школ конфликтологии, относящихся к негативистской доктрине. На основе инновационного подхода показана параллельная эволюция различных представлений о конфликтах как негативных социально-психологических явлениях и способах выхода из них. Книга сочетает научную новизну с богатой палитрой исторических примеров и практическими советами в области предотвращения и урегулирования различных конфликтных ситуаций. В качестве учебных материалов в пособие включены краткий терминологический словарь по конфликтологии, Этический кодекс конфликтолога, содержащий основные нормы и правила осуществления данного вида деятельности, образец Должностной инструкции конфликтолога на предприятии, а также произведения классиков конфликтологической мысли.

Пособие может быть использовано в преподавании дисциплин «Конфликтология», «История конфликтологии», «Политическая конфликтология» и представляет практический интерес как для студентов, обучающихся по направлениям «Конфликтология» и «Психология», так и для специалистов в иных областях гуманитарного знания.

УДК 316.48:159.923(075.8)
ББК 66.4(0)+88.53

ISBN 978-5-9765-2076-6

© Иванов А.А., Воронов, 2014
© Издательство «ФЛИНТА», 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРОВ	
ВВЕДЕНИЕ.....	
ГЛАВА 1. Теологическая школа.....	
ГЛАВА 2. Идеалистическая школа	
ГЛАВА 3. Пацифистская школа.....	
ГЛАВА 4. Антифутуральная школа	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	
ЛИТЕРАТУРА	
КРАТКИЙ СЛОВАРЬ КОНФЛИКТОЛОГА	
ЭТИЧЕСКИЙ КОДЕКС КОНФЛИКТОЛОГА.....	
ДОЛЖНОСТНАЯ ИНСТРУКЦИЯ КОНФЛИКТОЛОГА (ОБРАЗЕЦ).....	
ХРЕСТОМАТИЯ.....	
Исидор Пелусиотский «О сребролюбии и о многих древних, восстававших против него» (послание схоластику Касию).....	
Эразм Роттердамский «Жалоба мира».....	
Иммануил Кант «К вечному миру» (раздел первый).....	
Генри Дэвид Торо «О гражданском неповиновении».....	
Лев Николаевич Толстой «Карфаген должен быть разрушен (о войнах и милитаризме)».....	
Эдин Баллу «Учение о христианском непротвлении злу насилием» (глава 1).....	
Мартин Лютер Кинг «Паломничество к ненасилию».....	
ОБ АВТОРАХ.....	

ОТ АВТОРОВ

В современном мире, когда гуманитарные технологии привлекают все больше внимания экспертов и широкой общественности, а образование становится объектом масштабного реформирования для соответствия веяниям времени и ожиданиям граждан, развитие новых отраслей знания и появление новых наук предстает вполне закономерным и логичным.

В связи с этим в последние годы в России ходит все больше разговоров о конфликтологии — дисциплине далеко не новой, но появившейся в учебных планах российских университетов и институтов сравнительно недавно. На эту науку была возложена ответственность воспитывать профессионалов, задача которых состоит не в поиске виновного в конфликте или наложении какого-либо наказания, а в помощи противоборствующим сторонам в нахождении наиболее оптимального, взаимовыгодного решения в сложившейся ситуации.

О перспективности такого подхода неоднократно писали и зарубежные, и отечественные специалисты. Например, по словам президента Центра «Судебно-правовая реформа» Р.Р. Максудова, *«в обычных условиях большинство людей в состоянии сами наладить конструктивный диалог, преодолевающий разобщение, злобу и желание отомстить. Но криминальная или конфликтная и поэтому стрессовая ситуация, в которую попадают люди, часто “съедает” ресурс для построения диалога»,* вдобавок *«эту способность нивелируют и современные урбанизированные формы жизни, когда жизнь в определенных ролях не требует и часто запрещает личностное общение друг с другом».*

Иными словами, конфликтология призвана вырабатывать навыки конструктивного решения спорных ситуаций, что, без сомнения, является благородной задачей. Вместе с тем нужно учесть, что становление этой научной дисциплины в России проходило бессистемно, при отсутствии общепринятых норм и правил проведения исследований и формулировки выводов.

В результате, практически каждый специалист (особенно в научно-педагогической среде) подчас убежден в правильности собственного подхода, в то время как иные трактовки конфликтности признаются неверным, а то и антинаучными. Многие современные педагоги и исследователи часто исходят из позиций близких солипсизму¹, поэтому полагают собственную картину развития науки о конфликтах, подчас основанную на обрывочных представлениях, единственно верной и не подлежащей сомнению. В учебных планах российских вузов регулярно появляются все новые и новые «отраслевые» конфликтологические курсы: «Политическая конфликтология», «Экономическая конфликтология», «Юридическая конфликтология», «Организационно-управленческая конфликтология», «Педагогическая конфликтология», «Этноконфликтология», «Наркоконфликтология» и т.д.

Это привело к тому, что от профессиональных философов, социологов, политологов, историков можно услышать мнение, что науки конфликтологии попросту не существует — это мифическая (в лучшем случае — синтетическая) дисциплина, созданная на стыке разных гуманитарных областей, и она не несет в себе никакой пользы ни для общества, ни для фундаментальной науки. Дипломаты считают, что конфликтологи покушаются на их монополию в разработке методов урегулирования международных столкновений; политологи рассуждают так же о конфликтах внутриполитических; социологов не устраивает использование их методологического аппарата современными конфликтологами; историки, в свою очередь, считают их дилетантами в вопросах изучения динамики конфликтных ситуаций.

Дошло до того, что в некоторых исследовательских работах и даже словарях стало тиражироваться мнение, будто между терминами «конфликтология» и «социология конфликта» необходимо поставить знак равенства, так как именно эта составная часть науки о конфликтах *«претендовала на глобальный подход в изучении социальных процессов»*. С этой точки зрения, основная идея конфликтологии — *«не в устранении конфликтов, а в уменьшении или устранении их разрушительного влияния и в использовании их позитивных возможностей»*. Конечно, нельзя не признать частичную правоту этих слов, однако это

¹ **Солипсизм** — радикальное учение, признающее собственное индивидуальное сознание единственной несомненной реальностью и отрицающее объективную реальность окружающего мира.

отражает лишь часть проблемного поля конфликтологии и является попыткой ее редукции. Для других авторов «конфликтология» — это просто синоним политологии или психологии. Наряду с этим некоторые исследователи вообще стремятся представить конфликтологию лишь описательной наукой, но никак не практико-ориентированной или прогностической: к примеру, профессор Киево-Могилянской академии А. Гирнык в одном из интервью 2014 г. сказал, что *«конфликтолог, как и сова Минервы, уже в основном анализирует то, что произошло»*.

При этом в самом общем смысле изучение конфликтологии в высшем учебном заведении — это не столько ознакомление с идеями и фактами, которые необходимо механистически выучить, а более выработка навыка видения причинно-следственных связей между этапами конфликта и составляющими их событиями. Познание подобных связей в привязке к различным конфликтологическим концепциям обеспечивает усвоение и овладение студентами как базовыми мыслительными операциями, так и специальными методами урегулирования разногласий.

Как следствие, содержание образовательной программы по конфликтологии должно базироваться не только на точности приводимых примеров и достоверности сюжетов, но и на их проблемном, развивающем характере. Преподавателю конфликтологии в вузе требуется осознание того принципиального факта, что итогом его работы должно стать не ознакомление студентов с палитрой фактов и идей (о которых они могут самостоятельно узнать из учебной и научной литературы), а формирование и развитие у них креативности², неординарности мышления, воспитание творческого подхода к трудовой деятельности. Чем более необычным, непривычным для обучающихся будет подход преподавателя, тем больший интерес вызовут у аудитории его занятия и тем большее стремление к изучению курса будет проявлено студентами в попытке подтвердить или опровергнуть его слова. Ведь удивление студентов может вызвать появление оригинальных решений поставленных задач: учащегося необходимо ставить в ситуацию интеллектуального затруднения, из которого ему нужно самостоятельно найти выход.

² **Креативность** — способность порождать необычные идеи, отклоняться от традиционных схем мышления, быстро решать проблемные ситуации.

На данный момент приходится констатировать, что из сознания многих научно-педагогических работников пропало понимание связи между знаниями, которые получает от них студент, и личностной позицией, формируемой в числе прочего на основании этих знаний. Бытует мнение, что информация сама по себе гарантирует определенный формат усвоения, и достаточно знать, скажем, об истории репрессивной политики в России в XIX–XX веках, чтобы стать идеологическим противником применения таких методов. Однако наличие знаний как таковых отнюдь не является единственным условием формирования общественно полезных качеств — эти качества нужно развивать на базе знаний, а для этого требуется создание определенной научной «оболочки» конфликтологических курсов.

Вдобавок, достижения студентов в вузе определяются не только суммой конкретных знаний, умений и навыков, но и совокупностью выработанных в ходе обучения личностных качеств, в том числе обеспечивающих психологическую готовность к профессиональной деятельности. В самом понятии личности оттеняются прежде всего интегративные социально-психологические особенности человека: мировоззрение, самооценка, характер, чувство собственного достоинства, ценностные ориентиры, принципы образа жизни, нравственные и эстетические идеалы, социально-политические позиции и убеждения, стиль мышления, эмоциональная среда, сила воли. Вот к их формированию и развитию и следует приложить свои усилия преподавателю конфликтологии. В древней «Книге Екклесиаста» сказано: *«...во многой мудрости много печали»*, однако эти слова в нынешних условиях не вполне верны — в настоящее время в мудрости одних людей бывают скрыты печаль и бедствия других. Соответственно, быть полноценным конфликтологом без того, чтобы быть личностью (в полном смысле этого слова), невозможно — полученные навыки по управлению конфликтными ситуациями нельзя использовать в личных, корыстных целях.

В общем, нужно констатировать, что конфликтология — это наука, которая и существует, и не существует одновременно. С одной стороны, она есть на страницах научных изданий, а с другой — представления о ней преподавательского сообщества слишком сильно различаются, чтобы ее развитие в России было стабильным и поступательным. Хотя любой обществовед, наверное, согласится с мнением автора

учебника «Психология конфликта» Н.В. Гришиной, что конфликт — это *«важнейшая сторона взаимодействия людей, своего рода клеточка бытия»*, в реальности сейчас у каждого специалиста какая-то «своя» конфликтология.

Конфликтология — это наука-призрак, которой еще предстоит завоевать право находиться в ряду других гуманитарных наук, а для этого необходимо понять, каковы ее корни. Надеюсь, что настоящее издание поможет читателю разобраться в данном вопросе.

*Иванов Андрей Александрович,
г. Санкт-Петербург,
24 февраля 2014 г.*

ВВЕДЕНИЕ

Конфликты на протяжении долгого времени привлекали внимание политиков, ученых, религиозных деятелей, стремившихся найти способ мирного сосуществования различных социальных групп, цивилизованного урегулирования возникающих между ними споров, а также эффективные методы предотвращения войн и избегания насилия в отношениях между людьми. Веками мыслители выдвигали различные теории, призванные решить эти задачи, а государственные деятели воплощали в жизнь проекты, направленные на снижение уровня агрессии на различных уровнях социума. Свообразным итогом этой деятельности стало создание целой системы мер по предупреждению и урегулированию конфликтных ситуаций в сфере политических, имущественных, семейных и иных отношений.

Ведущее место в этой системе до сих пор занимает судебная власть, благодаря которой спорные ситуации решаются на базе письменных законов. Однако этот порядок урегулирования далеко не является идеальным и достаточно часто критикуется, поскольку граждане нередко не доверяют судам, процесс принятия решения в них является достаточно длительным, а законы подчас несовершенны. Судебным органам в разных странах мира могут быть присущи милитаризованность или излишняя политизированность. Законы в такой системе становятся средством организационного и административного контроля, построенного на выполнении количественных показателей.

В этой связи органичным ответом на запросы общества стало появление параллельно с судебными альтернативных методов разрешения конфликтных ситуаций. К примеру, в США еще в 1898 г. принимается «закон Эрдмана», согласно которому споры между железнодорожными компаниями и их сотрудниками по вопросам трудовых отношений (размера заработной платы, продолжительности рабочего времени и т.д.) могут быть разрешены без обращения в судебные органы.

Истоки подобных процедур могут быть легко найдены в исторических источниках, начиная с античных времен. Еще в IV веке до н.э.

оратор Демосфен в известной речи «Против Афоба» (своего опекуна) прямо указывал на желательность внесудебного решения межличностных конфликтов:

«Если бы Афоб хотел... действовать по справедливости или предоставить наши спорные вопросы на третейское решение близким, не было бы никакой надобности ни в судах, ни в хлопотах».

Процитированный отрывок свидетельствует о том, что досудебный порядок урегулирования конфликтов представляется Демосфену более справедливым и соответствующим морально-этическим нормам общества, т.е. обладает целым рядом преимуществ перед судебным процессом.

В эпоху Средневековья примирительные процедуры, по данным правоведа А.Ф. Волкова, также активно поощрялись франкскими королями, а в кодекс английского короля Этельреда III (составлен на рубеже X–XI веков) даже было включено следующее положение: *«если у человека есть выбор между примирением и правом, и он выберет мировое соглашение, то оно будет иметь ту же обязательную силу, что и судебное решение».* В данном случае судебный и досудебный порядок разрешения спорных ситуаций признавались имеющими равную силу.

В конечном итоге западная политико-правовая мысль способствовала появлению к XX веку в странах англо-саксонской правовой модели (США, Великобритании, Австралии и др.) специальной процедуры урегулирования конфликтов, получившей название **медиация** — *это форма внесудебного разрешения споров с помощью нейтральной, беспристрастной стороны*³. Данная процедура приобрела на Западе столь большую популярность и масштабы, что, по словам современных авторов, в названных странах *«свыше 95% конфликтов между работниками и работодателями не доходят до судов, снимаются с помощью независимых и авторитетных профессионалов экстра-класса, осуществляющих посредническую деятельность и приводящих конфликтующие стороны к компромиссу».*

³ В Российской Федерации с 2010 г. используется несколько другое определение: **медиация** — это способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения.

Согласно данным американского Министерства юстиции, к 1998 г. в США функционировало 293 программы медиации (для сравнения: в Германии — 348, в Финляндии — 130, во Франции — 73, в Италии — 4), большая часть которых реализовывалась не государственными или муниципальными органами, а частными фирмами и религиозными учреждениями (в сумме — 65%).

В этой связи нельзя не сказать об отечественном опыте использования досудебных механизмов урегулирования споров.

По мнению российских правоведов, к древним формам досудебного примирения следует отнести «мировой ряд» — особый способ урегулирования споров с участием посредников в средневековом Великом Новгороде. Согласно имеющимся в распоряжении историков данным, указанная процедура осуществлялась следующим образом:

«Спорящие стороны выбирали себе двух человек. Их называли рассказчиками. Они выступали в роли примирителей. Рассказчики вникали в суть спора и предлагали способы, какими его можно уладить. Когда тяжущиеся (спорящие) на это соглашались, тяжба (разбирательство) прекращалась сама собою».

В дальнейшем в нашей стране на разных этапах ее развития имели место попытки государственных и общественных деятелей внедрить примирительные процедуры в практику конфликто разрешения и популяризировать подобный формат решения проблем среди населения страны. Применительно к событиям новейшей истории, многие авторы (например, петербургские ученые О.В. Аллахвердова и А.Д. Карпенко) считают, что интеграция западных образцов медиации в отечественную правовую систему активно начинается с конца 1980-х гг., когда по инициативе «Комитета защиты мира» в СССР приезжают американские медиаторы для чтения лекций. Например, в ноябре 1989 г. по приглашению Верховного Совета Советского Союза цикл лекций по теории медиации прочитали американские специалисты Дж. Маркс, Дж. МакДональд и др.

Однако распад СССР поставил перед новой властью несколько иные проблемы, и развитие института медиации на длительное время отошло на дальний план. Возврат к этому проекту произошел лишь в 2010 г., когда Государственной Думой Российской Федерации был принят Федеральный закон № 193 «Об альтернативной процедуре

урегулирования споров с участием посредника». С этого момента начинается внедрение медиации в практику работы различных государственных и общественных учреждений, интенсивность которого в последнее время имеет тенденцию к усилению, хотя процесс идет далеко не без сложностей.

С принятием этого закона медиативные технологии начинают использоваться в самых разных сферах жизнедеятельности общества. Например, в регионах России при образовательных учреждениях создаются «Школьные службы примирения», в задачу которых входит конструктивное решение конфликтных ситуаций с участием несовершеннолетних учеников. Так, только за 2011 г. и только в Москве, благодаря работе 14 медиаторов, работающих в восьми примирительных службах, удалось урегулировать конфликты с участием 72 взрослых и 354 подростков.

Авторы аналитической справки «Медиация в России. Современное состояние», составленной по запросу Европейского Парламента в апреле 2011 г., небезосновательно указывали:

«для успешной интеграции медиации, обеспечения высокого качества медиативных услуг в нашей стране России необходима совместная работа государства, общественных институтов и юридического сообщества по формированию информированного спроса на медиацию и компетентного ее предложения. Ведется работа с предпринимательским сообществом, с другими профессиональными и социальными группами. Наряду с этим активные действия предпринимаются по интеграции медиации в образовательно-воспитательную систему в целях воспитания культуры конструктивного поведения в конфликте уже со школьной скамьи».

Тот факт, что проблемы с реализацией положений закона № 193-ФЗ все-таки есть, свидетельствует опрос, проведенный Пермской торгово-промышленной палатой среди нескольких десятков предпринимателей региона. Опрос показал, что около 50% опрошенных не стали бы обращаться к процедуре медиации для разрешения трудовых конфликтов, лишь 10% готовы обратиться к посреднику (медиатору) при возникновении подобной ситуации, а примерно 15% работодателей вообще ничего не знают о возможностях разрешения спора таким

путем. Следовательно, для развития медиации в России необходима, с одной стороны, ее популяризация, а с другой — создание инструктивных документов для медиаторов, этических норм деятельности и правил поведения, без которых внедрение этой процедура в практику реальной жизни будет хаотичным и бессистемным.

Особая роль в данном процессе, без сомнения, принадлежит ученым, так как именно их общетеоретические и методические разработки должны лечь в основу совершенствования правил проведения медиации, повышения ее эффективности.

Поскольку в нашей стране на протяжении нескольких веков использование внесудебных примирительных процедур носило в большей степени дискретный характер, ни научное сообщество, ни представители государственной власти не были заинтересованы в формировании отдельной науки, посвященной исследованию конфликтов за рамками исключительно правового поля. На современном этапе развития России эту функцию взяла на себя конфликтология⁴.

Как верно заметил петербургский философ Ю.Е. Смагин, само название этой науки *«уже содержит в себе определенное противоречие, то есть античный “логос” и средневековый “конфликт” образуют единое словосочетание»*. Впрочем, этот парадокс является далеко не самым главным в развитии российской науки о конфликтах.

В настоящее время конфликтология как отдельная научная и учебная дисциплина в России переживает этап становления. Интерес к ней у отечественных исследователей зародился практически сразу после распада СССР и снятия с исследователей значительной части идеологических и методологических ограничений. Так, еще в 1991 г. в структуре Российской Академии наук был образован Центр конфликтологии, в Москве и Санкт-Петербурге под эгидой Международной ассоциации конфликтологов (председатель — доктор философских наук, профессор Е.И. Степанов), начинает издаваться специализированный журнал «Конфликтология», в Казани регулярно проводятся конгрессы ученых, занимающихся анализом различных видов конфликтов.

⁴ **Конфликтология** — это междисциплинарная наука о закономерностях зарождения, возникновения, развития, разрешения и завершения конфликтов любого вида и уровня.

В 2003 г. в структуре Санкт-Петербургского философского общества даже появляется Фонд развития конфликтологии (директор — доктор политических наук, профессор А.И. Стребков), а несколькими годами позже — в 2010 г. — при поддержке Правительства России в СПбГУП⁵ даже открывается факультет конфликтологии, призванный стать базовой площадкой для подготовки квалифицированных специалистов в области разрешения общественно значимых проблем.

Хотя для формулировки каких-либо выводов прошло еще недостаточно времени, однако можно утверждать, что первые шаги отечественных специалистов в направлении накопления и развития конфликтологических знаний, несмотря на поддержку государства и большой интерес исследователей, носят в целом разнонаправленный характер. Отдельные ученые, занимающиеся изучением конфликтов в различных областях общественной жизни, по-прежнему видят лишь одну из сторон данного явления и подходят к нему с точки зрения лишь одной научной дисциплины: психологии, социологии, юриспруденции, экономики и т.д. В этой связи не удивительно, что отечественными специалистами еще не решены многие терминологические неточности и в проблемном поле конфликтологических исследований остаются своеобразные белые пятна. Ученые часто не могут сойтись в определении даже таких фундаментальных для этой науки категорий, как «конфликт», «эскалация», «урегулирование» и др. Вновь обратимся к мнению Ю.Е. Смагина в данном вопросе: *«...необходимо рассматривать понятие “конфликт” не в какой-либо узкой области сугубо прикладных наук (позитивизм, социология, структурализм и др.), а в контексте становления и развития мысли вообще».*

Нередким является отрицание зарубежного опыта изучения социально-политических, экономических и иных противоречий, ввиду необходимости формирования особой, отличной от западной конфликтологии. Как показывает практика, некоторые представители научного сообщества даже не всегда знакомы с достижениями и идеями их недавних предшественников из-за рубежа, не говоря уже об истоках конфликтологии как особой отрасли знания. Любопытно, что с аналогичными проблемами в свое время столкнулись и зарубежные конфликтологи. По меткому замечанию сотрудника Свободного Брюссельского университета Р. Зайдельмана, *«родившись в тени при-*

⁵ Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов.

знанной политической науки» американские теоретики конфликтологии «претендовали на то, что они составляют нечто совершенно новое и неизвестное, и поэтому нередко игнорировали уже существующую концептуализацию или пренебрегали ею». Следовательно, эта черта является общей для конфликтологов разных стран, даже если они исходят из разных теоретических положений для построения своих концепций.

Это не может не накладывать отпечаток на образовательный процесс в высших учебных заведениях. Практика показывает, что студентам-конфликтологам из разных российских вузов часто не удается совместить полученные в ходе обучения общетеоретические представления о сущности конфликтов, выработанные в рамках вышеуказанных наук независимо друг от друга, с реальными задачами и функциями, возлагаемыми на них работодателями. Отчасти именно это обстоятельство и создает препятствия для трудоустройства конфликтологов, с чем вынуждены были столкнуться выпускники российских университетов в недавнем прошлом. В результате специалисты по урегулированию конфликтных ситуаций пока остаются невостребованными на рынке труда, хотя спектр их возможного использования чрезвычайно широк: от проведения психологических тренингов и семейных консультаций до решения трудовых споров и противоречий на этнической почве.

Более того, по мнению главного научного сотрудника Института социологии РАН Л.И. Никовской, профессиональные конфликтологи должны быть востребованы в большинстве регионов Российской Федерации:

«Все пограничные районы являются высококонфликтными. Высококонфликтным является Юг России, не только республики — весь Юг. Район Приморья — тоже достаточно конфликтный регион. Но он конфликтен по-другому. Если Юг — в силу близости цивилизационных, геополитических “разломов”, то Дальний Восток конфликтен в силу отдаленности, оторванности этого региона от Центра, от единого гражданско-правового пространства страны».

По сути, данная экспертная оценка свидетельствует об актуальности развития конфликтологической теории и практики на отечественной почве в целях передачи этих знаний студентам, овладевающим

сейчас искусством урегулирования спорных ситуаций. Поэтому российской науке необходимо выработать относительно унифицированный терминологический аппарат конфликтологии, так как без этого невозможно не только полноценное научное сотрудничество между группами исследователей, но и обучение студентов эффективным методам управления конфликтными ситуациями. Также необходимо детально познакомить научно-педагогическое сообщество с достижениями российской и зарубежной конфликтологической мысли, поскольку без этого невозможно не только двигаться дальше по пути эволюции научного знания, но и понять эффективность ранее созданных методов конфликто разрешения на фоне исторических событий.

Как правило, наиболее распространенным является определение конфликта, данное московскими психологами А.Я. Анцуповым и А.И. Шипиловым, по мнению которых конфликт — это *«наиболее острый способ разрешения значимых противоречий, возникающих в процессе взаимодействия, заключающийся в противодействии субъектов конфликта и обычно сопровождающийся негативными эмоциями»*.

Это определение строится на негативном понимании сущности, природы и последствий конфликта как события, связанного с отрицательными переживаниями его участников, с чем вряд ли можно полностью согласиться. При определенных условиях (о чем будет подробно сказано в дальнейшем) конфликты могут иметь и положительное воздействие как на их непосредственных участников, так и на систему, в которой они зародились и протекали. Кроме того, например, в ходе вооруженных столкновений (которые признаются формой конфликта практически всеми учеными) военнослужащие противостоящих армий могут сражаться, не испытывая негативных эмоций по отношению к противнику, а просто исполняя приказы командования. В подобных неточностях наглядно видны вышеупомянутые недостатки современной конфликтологии, когда термины, составленные на основе психологического понимания конфликта, с трудом применимы к конфликтам в области политики или экономики.

Как следствие, наиболее рациональным представляется следующее определение: **конфликт — это разновидность взаимодействия между лицами и группами лиц, вызванная наличием между ними**

противоречий и имеющая своей целью их разрешение посредством участия в процессе активного и/или пассивного противодействия.

В данном случае главной сущностной характеристикой конфликта является не его эмоциональное восприятие (что весьма субъективно и неточно), а наличие противоречия по каким-либо вопросам между участниками столкновения и противодействия на пути достижения поставленных противоборствующими сторонами целей и задач. Тем самым именно отсутствие противодействия равнозначно отсутствию конфликта. С такой трактовкой допустимо спорить, так как, основываясь на ней, конфликтом можно признать не только войны, забастовки, бытовые ссоры, но даже спортивные состязания. Однако именно указанное определение в наибольшей степени раскрывает междисциплинарный подход к пониманию термина «конфликт».

Заметим, что подобная трактовка в определенном смысле была близка еще К. Шмитту, который в труде «Понятие политического» как раз и писал о том, что конфликт возникает на основе дифференциации «своего» и «чужого» и последний вовсе не обязательно наделен исключительно набором негативных качеств.

По словам немецкого мыслителя, *«смысл различения друга и врага состоит в том, чтобы обозначить высшую степень интенсивности соединения или разделения», «не нужно, чтобы политический враг был морально зол, не нужно, чтобы он был эстетически безобразен, не должен он непременно оказаться хозяйственным конкурентом, а может быть, даже окажется и выгодно вести с ним дела. Он есть именно иной, чуждой, и для существования его довольно и того, что он в особенно интенсивном смысле есть нечто иное и чуждое»,* так что *«врага в политическом смысле не требуется лично ненавидеть».*

Задаваясь вопросом об истории конфликтологии в России и мире, большинство авторов, основываясь на собственных определениях конфликта и понимании задач данной науки, пытались соотнести эволюцию представлений о природе исследуемого явления с общим развитием человеческого общества.

В частности, такой подход был ярко реализован в учебном пособии тюменских ученых Д.Ю. Трушников и В.И. Трушниковой «История конфликтологии». В этой книге читателю предлагается поэтапный процесс развития конфликтологических и протоконфликтологических идей, в котором стадиями выступают Древний мир, Античность,

Средневековье, Возрождение, Новое и Новейшее время. Схожую картину развития предлагает и создатель учебно-практического пособия «Конфликтология» М.В. Цыбульская.

По-видимому, на авторов данных изданий определенное влияние оказала концепция смены научных парадигм⁶ американского историка Т. Куна, согласно которой наука развивается за счет регулярного переосмысления учеными фундаментальных принципов мироустройства, когда они сталкиваются с различными аномалиями, не объяснимыми в рамках общепринятой картины мира. Применительно к конфликтологии, это означает, что каждая новая эпоха развития человеческого общества заставляла мыслителей по-новому взглянуть на существующие конфликты, реструктурировать ранее накопленные знания о них в соответствии с ранее незамеченными и неактуальными аспектами.

Однако такое понимание развития конфликтологии вряд ли может полностью устроить современных исследователей, поскольку при таком подходе междисциплинарный характер эволюции знаний и представлений о конфликте несколько упускается из виду. Без сомнения, фундаментальные принципы развития психологии, социологии, политологии, экономики неоднократно пересматривались учеными, когда прежние идеи устаревали, но соотносить этапы эволюции мнений о конфликтах, по отдельности сформулированных этими науками, в рамках единой хронологии не представляется возможным — ведь смены циклов, скажем, в экономике и психологии проходила в разное время.

Более того, анализ конфликтологической мысли позволяет с уверенностью утверждать, что на протяжении долгих веков развития человечества практически на каждом из этапов, в разных странах и на разных континентах в кругах философов, историков, социологов и т.д. циркулировали практически одни и те же идеи, которые переживали минимальную трансформацию под воздействием среды, в которой они формулировались. Так, идеи, возникшие в Древнем Египте, совершенно независимо появлялись на страницах работ английских философов эпохи Просвещения; многие средневековые представления о политических конфликтах были активно развиты в XX в.; а античная

⁶ **Парадигма** — дисциплинарная матрица, характеризующая совокупность убеждений, ценностей, технических средств, которые объединяют специалистов в научное сообщество.

конфликтологическая мысль по-прежнему в неявной форме занимает умы многих ученых и государственных деятелей.

В этой связи следует говорить не столько о поэтапной смене парадигм, сколько о параллельном развитии нескольких концепций конфликта на протяжении всей истории этой науки.

Проведенный анализ показывает, что для отнесения тех или иных ученых к конкурирующим концепциям, доктринам и научным школам необходимо посмотреть на их труды через призму двух основных вопросов: «Является ли конфликт позитивным или негативным процессом?» и «Каковы главные причины, порождающие конфликты?».

Основываясь на этих вопросах, можно выделить три основные конфликтологические доктрины, которые для удобства и краткости будут названы:

- 1) **негативистская** доктрина;
- 2) **нейтралистская** доктрина;
- 3) **позитивистская** доктрина;

Как видно из названия, представители негативистской доктрины исходили из отрицательного, негативного понимания природы и последствий конфликтов (о чем вкратце говорилось выше), воспринимали его как явление, с которым нужно усиленно бороться. Ученые и мыслители этого направления искали способы построения бесконфликтного общества и системы межличностных отношений, и их достижения на этом пути заслуживают внимания.

Нейтралистская доктрина строилась преимущественно на понимании конфликта как естественного для человеческой жизни процесса, который не должен наделяться какими-либо личностными оценками. Иными словами, конфликт не может иметь положительные или отрицательные характеристики, он просто есть и с этим нужно смириться. Рано или поздно при наличии объективных противоречий конфликт возникнет вне зависимости от желания или нежелания его непосредственных участников, поэтому к нему нужно элементарно быть готовым всегда.

Главным тезисом позитивистской доктрины конфликтологии (не путать с философским позитивизмом О. Конта) является возможность конструктивного, положительного воздействия конфликта на личность, общество, организацию и даже государство. Именно с этой доктриной, которая наиболее активно стала развиваться в XX в., многие

исследователи связывают формирование конфликтологии как отдельной, самостоятельной научной сферы.

Естественно, указанные доктрины не были унитарными — в рамках описанных представлений многими авторами были выработаны целых 12 различных подходов к пониманию природы и источников конфликта, а также действий конфликтолога в этой ситуации. Методологическим основанием подразделения доктрин на независимые исследовательские школы в каком-то смысле служит теорема К. Гёделя о неполноте, согласно которой *«любая формальная система аксиом содержит неразрешенные предположения»*. Собственно, выявление набора этих предположений позволяет не только проложить границы между научными подходами, но и понять истоки базовых принципов практической конфликтологии, созданных в рамках этих подходов.

О каждой из научных школ, объединенных общими идеями по указанным вопросам, будет подробно и детально рассказано в дальнейшем повествовании.

При этом нельзя не сказать, что в XIX–XX вв. многие авторы стали сочетать идеи разных доктрин и научных школ, что проявлялось не только в исследовательской, но и художественной литературе. С одной стороны, это существенно усложняет типологизацию, а с другой — расширяет идейную базу науки.

В качестве примера подобного синтеза, известного широкому кругу читателей, можно привести слова одного из героев романа «Остров проклятых» американского писателя Д. Лихэйна:

«Откуда на земле столько насилия? Оно сидит в нас и рвется наружу. Оно дается нам естественнее, чем дыхание. Мы воюем. Мы приносим жертвы. Мы мародерствуем и истязаем наших братьев. Мы заваливаем поля смердящими трупами. А зачем? Чтобы показать Ему, что мы усвоили Его урок... Господь дал нам землетрясения, ураганы, торнадо. Он дал нам вулканы, извергающие на наши головы огонь и серу. Океаны, пожирающие наши корабли. Вообще природу, этого улыбающегося убийцу. Он дал нам болезни, чтобы на смертном одре мы окончательно осознали: все отверстия в человеческом теле существуют только для того, чтобы через них уходила жизнь. Он дал нам вождеделение, и ярость, и жадность, и грязные мысли, дабы мы совершали насилие во славу Его».

В этом небольшом отрывке причудливым образом сочетаются теологическая и натуралистическая школы конфликтологии, относящиеся к совершенно разным течениям.

В известном романе Ю. Семенова «Семнадцать мгновений весны» в уста нацистского генерала писатель вкладывает следующие слова: *«Война, так или иначе, необходима... Государства — как люди. Им претит статика. Их душат границы. Им нужно движение — это аксиома. Движение — это война»*. Эти фразы отражают приверженность к милитаристской, натуралистической и геополитической школам, сочетать которые весьма непросто.

При этом стоит заметить, что предложенная выше схема разграничения научных представлений в области конфликтологии имеет не только теоретическое значение. Если учесть, что в методическом арсенале конфликтолога находятся на данный момент три базовых понятия — предупреждение конфликта, урегулирование конфликта и управление конфликтом, — предложенная схема почти идеально совпадает с данными видами практической деятельности. Так, негативисты направляли свои усилия на недопущение (предупреждение) конфликтов, нейтралистов интересовало в основном быстрейшее завершение столкновений с приемлемыми для системы последствиями (урегулирование), а позитивисты считали необходимым извлекать выгоду из конфликтного взаимодействия, минимизируя негативный потенциал и увеличивая положительные последствия (управлять конфликтом).

Таким образом, обращение к классическим работам конфликтологического толка для специалистов в области мирного разрешения противоречий необходимо не меньше, чем знание современных концепций в данной сфере. Изучение истории и теории конфликтологии является обязательным условием эффективной деятельности конфликтологов. Надеемся, что в ближайшем будущем это позволит устранить все неопределенности и противоречия законодательства о досудебном примирении и в России появится устойчивая модель медиации, которая будет способствовать эффективной разгрузке судебной системы, экономии бюджетных средств, повышению привлекательности медиации в глазах российских граждан и организаций.

Обратимся к фактам.

Дополнительная литература к разделу

1. Аллаhverдова О.В., Карпенко А.Д. Методическое пособие для посредников-медиаторов. СПб.: СПбГУ, 2005.
2. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. СПб.: Питер, 2007.
3. Врачинская Т.В. История отечественной педагогической конфликтологии в контексте идеологии // Альманах современной науки и образования. 2009. № 10—2.
4. Давыденко Д.Л. Примирительные процедуры и арбитраж в Древней Греции // Третейский суд. 2010. № 5.
5. Давыденко Д.Л. Из истории примирительных процедур в Западной Европе и США // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2004. № 1.
6. Максудов Р.Р. Восстановительная медиация: идея и технология: Методические рекомендации. М., 2009.
7. Трушников Д.Ю., Трушникова В.И. История конфликтологии: учеб. пособие. Тюмень: ТюмГНГУ, 2009.
8. Цыбульская М.В. Конфликтология: учеб.-практ. пособие. М.: ЕАОИ, 2009.

ГЛАВА 1

Теологическая школа

Теологическая школа конфликтологии является одной из наиболее древних. Ее зарождение (как видно из названия) тесно связано с появлением религиозных верований и институтов. Представители религиозных культов, предлагавших людям не только ответы на беспокоившие их вопросы, но и ценности, идеалы, к воплощению которых следовало ежеминутно стремиться, не могли не пытаться ответить на вопрос об источниках войн, насилия, социального протеста и т.д. Религия, которая не была способна разумно и ясно ответить на эти вопросы, с трудом могла претендовать на широкую популярность.

По этому поводу немецкий философ Ф. Энгельс писал: *«Всякая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, — отражением, в котором земные силы приобретают форму неземных»*. Фактически именно этой фразой он смог наиболее точно отразить один из главных постулатов теологической школы конфликтологии. Этот тезис весьма прост: ***главным источников конфликтов между людьми, странами и народами является воля сверхъестественных сил.***

Не стоит забывать о том, что религиозно мыслящий человек в той или иной мере вынужден признавать господство над собой не только земной, но в большей степени божественной власти, повлиять на которую он не в состоянии. Эту мысль очень точно выразил отечественный этнограф Л.Я. Штернберг еще в 1930-х гг.: *«Какими же методами человек борется за свое существование? В первую очередь применяет он свои собственные силы. Наряду с грубой физической силой он применяет свое великолепное орудие — свой интеллект, свои изобретения... Но вот оказывается, что все его гениальные изобретения недостаточны для борьбы с природой»*. На человека воздействует масса сил и факторов, которые крайне сложно осознать. Как сказано в Талмуде, *«у каждой травинки есть свой Ангел, который склоняется над ней и говорит ей: “Расти, расти!”»*.

Окружающие события могут быть совершенно случайны, и это в числе прочего заставляет обратиться к идеям божественного поощрения и наказания за наши поступки в зависимости от результата обыденных, повседневных действий.

В подобной цепочке размышлений очевидным становился вопрос об обращении за помощью к высшим силам, обладающим возможностями и ресурсами, которых у человека нет. Конфликт с кем-то более сильным был одной из тех ситуаций, где без божественной помощи, казалось бы, невозможно обойтись. Эту идею можно встретить в работе М. Йингера «Научное изучение религии», изданной в Нью-Йорке в 1970 г. Автор утверждает, что *«религиозное существование включает веру человека в то, что зло, боль, разрушение и гибель, несправедливость и бесправие относятся не к случайным, но к фундаментальным условиям жизни, и что все же есть силы и действия (священные), благодаря которым человек способен преодолеть зло во всех его облициях»*. В таком контексте, по мнению Йингера, религия олицетворяет собой своего рода *«отказ капитулировать перед смертью»*.

Мало того, как пишет французский культуролог Ж. Минуа: *«великая заслуга религий состоит в том, что они укоренили войну в сакральном и придали ей космическое и божественное измерение. Это положение парадоксально, но именно таким образом был осознан иррациональный характер войны... Военное насилие выходит за пределы человеческого понимания»*, вооруженный конфликт понимается, как *«восстание иррациональности против разума»*.

Как следствие, победа и поражение в войнах и столкновениях воспринимались людьми через призму того, на сторону какого из противоборствующих лагерей встали высшие силы.

В такой трактовке Бог или боги (в зависимости от типа религии — монотеистической или политеистической) являлись не только инициаторами земных конфликтов, но нередко и их непосредственными участниками. Почти во всех политеистических религиях существовали боги войны как особого рода деятельности: Нергал — у древних шумеров, Сехмет — у египтян, Арес (Арей) — у греков и т.д. Люди же становятся, в некоторой степени, невольными заложниками столкновения высших сил, и их главная задача в конфликте — следовать намеченным свыше путем.

При этом не стоит забывать, что мир во многих религиозных учениях был ареной борьбы сил, олицетворявших добро и зло. Современный российский социолог А.Г. Дугин назвал эту особенность *«общекоsmическим дуализмом противостояния светлых и темных сил»*. По его словам, даже в монизме⁷ такая борьба не исчезает, она лишь разворачивается не между богами, а между *«враждующими лагерями... творений или проявлений»* единого Бога. Дугин смог совершенно верно сформулировать второй тезис теологической школы, разделяемый большинством ее представителей: ***война, конфликт является отклонением от изначальной гармонии, элементом беспорядка в универсальной системе порядка, наказанием людей за их грехи.***

Весьма интересные выводы о хеттской религии сделал советский историк Н.М. Никольский, по данным которого *«хетты считали, что бог одной страны может вредить другой стране, насылать на нее эпидемии, неурожай и другие несчастья... бог определенной страны или местности совсем не связан в своей деятельности только с ее границами; наоборот, как каждый феодальный властитель может объявить войну соседу и ворваться в соседнюю страну, так же и бог той или иной страны может вредить соседней стране своими средствами»*. Более того, *«бог феодального пантеона при измене своего народа может действовать во вред ему, подбивая к войне с ним и натравливая на него другие народы»*.

Наряду с этим древнеиндийский эпос «Махабхарата», повествующий о войне между Пандавами и Кауравами — потомками царей Лунной династии, подводит читателя к мысли о постоянном вмешательстве богов в людские политические распри. Ведь на стороне Пандавов в эпосе выступает Кришна — аватара (воплощение) бога гармонии Вишну, а Кауравов поддерживает бог разрушения Шива. При этом именно божественная помощь становится залогом побед. Эта идея отражена в диалоге между царем Пандавов и. В 17-й главе 10-й книги царь обращается к герою с вопросами о причине поражения его войска: *«Как смог ничтожный грешник Драуни, неутомимый в своих деяниях, погубить всех моих сыновей, великоколесничных воинов?!»*. На это он слышит следующий ответ: *«Драуни обратился за*

⁷ **Монизм** — философское учение, согласно которому кажущиеся различными виды бытия или субстанции в конечном счете сводятся к единому началу, общему закону устройства мироздания.

покровительством к непреходящему Ишваре, Владыке богов над богами, и потому он один уничтожил многих! Махадева, Житель гор, был убаглотворен и мог бы даровать ему даже бессмертие, дать и такую мощь, благодаря которой он сокрушил бы самого Индру). Иными словами, только сверхъестественные силы, а вовсе не исключительные человеческие качества помогали участникам конфликтов добиваться поставленных целей.

Схожие мотивы можно обнаружить в другом эпическом произведении уже Античной эпохи — «Илиаде» Гомера. Этот текст достаточно хорошо изучен, и несмотря на то что при описании Троянской войны автором было допущено значительное число неточностей и откровенных ошибок, с точки зрения представлений о роли божественных существ в вооруженных конфликтах эпос представляет значительный интерес.

Напомним, что война между царями Агамемноном и Приамом согласно народным сказаниям была косвенным образом спровоцирована ссорой богинь Геры, Афины и Афродиты⁸. Не удивительно, что правитель Трои Приам так объясняет причины конфликта: *«Боги с плачевной войной на меня устремили ахейан»*. Однако, по мнению Гомера, на этом участие греческих богов в конфликте вовсе не закончилось: они оказывали непосредственную помощь противоборствующим сторонам, давая различные советы, оказывая моральную поддержку, наконец, направляя их оружие. Гера и Афина выступают на стороне ахейцев, а Аполлон и Афродита — на стороне троянцев. В частности, бог Аполлон помог троянцу Агенору тем, что *«сердце наполнил отвагой и сам недалеко стал, чтоб над мужем удерживать руки тяжелые Смерти»*.

Вообще, боги в «Илиаде» показаны довольно воинственными существами, в отличие от людей, порицавших ненужное насилие и нарушение традиций. Олимпийцы, напротив, считают невозможным для себя остаться в стороне от битв, получают от них удовольствие. Вот лишь несколько цитат: *«дрогнули все, и дружины троян, и дружины ахейан, с ужасом: так заревел Арей, ненасытный войною»; «и тогда к Аполлону вещал Посейдон земледержец: “Что, Аполлон, мы стоим в отдалении? Нам неприлично! Начали боги другие. Постыдно, когда мы без боя оба придем на Олимп, в меднозданный дом Олимпийца!”»*.

⁸ Об этих событиях повествует знаменитая легенда о «Яблоке раздора».

Совершенно не удивительно, что для предупреждения конфликтных ситуаций, за создание которых отвечали боги, в греческих полисах вводились различные ограничительные законы и меры относительно свободы вероисповедания. Так, приезжим в Афинах разрешалось почитать собственных богов только при условии отказа от осквернения местных божественных покровителей, так как те могли жестоко наказать жителей полиса, допустивших подобное. То есть для жителей Древней Греции воля богов была одним из реальных факторов политического процесса и государственного управления.

Страх божественного наказания, которое могло выразиться в неудачной войне, распространении болезней, стихийных бедствиях и т.д., вынуждал греков жестоко карать вероотступников. Например, философ Протагор был изгнан из Афин, так как ему было предъявлено обвинение в произнесении следующих слов: *«О богах я не могу знать, есть ли они, нет ли их, потому, что слишком многое препятствует такому знанию, — и вопрос темен, и людская жизнь коротка»*. Подобные мнения отнюдь не поощрялись ни государством, ни обществом, ни некоторыми коллегами Протагора — даже древнегреческому философу Платону, взгляды которого относятся скорее к идеалистической школе конфликтологии, не были чужды религиозные мотивы. В числе прочего он полагал неверие в богов видом преступления, болезни или нравственного порока, за которым должно было следовать наказание (пятилетнее тюремное заключение или смертная казнь).

Любопытно, что и греческие историки при описании реальных конфликтов не обходились без поиска в них сверхъестественной составляющей. В частности, у Геродота при описании Фермопильского сражения упомянут факт, что спартанцы не могли отправиться на войну с персами, так как события происходили накануне праздника Карней и богов нельзя было гневить. В уста спартанской знати он вкладывает следующие слова: *«Пусть наши союзники не думают, что Спарта будет медлить. Тогда они, увидев это, и сами поторопятся послать свои войска. А мы, как только отпразднуем Карней, почтим нашего бога Аполлона Карнейского, придем к тебе всем войском. Пока персы дойдут до Фермопил, мы закончим праздник»*.

Также в известном труде Арриана «Поход Александра» содержится эпизод толкования македонскими полководцами предзнаменований:

«Парменион советовал Александру завязать морское сражение: он надеялся, что эллины вообще сильны на море, а к тому же уверенность вселяло в него и божественное знамение: видели, как орел сел на берегу около кормы Александрова корабля... Александр ответил, что мнение Пармениона ошибочно, а его толкование знамения противно вероятию. Бессмысленно маленькому флоту вступать в сражение с гораздо большим, и его неопытным морякам идти на искусившихся в морском деле киприотов и финикийцев... Божественное же знамение он истолковал иначе: орел послан ради него, но так как он сидел на земле, то это скорее знаменует, что он одолеет персидский флот с суши».

Вслед за греками, римские авторы в целом поддерживали заложенные предшественниками идеи теологической школы. На войне для них были обязательны религиозные ритуалы (например, гадания, жертвоприношения и др.), а полководцы перед выступлением или в разгар боя часто давали обеты построить в случае победы храм или принести дары какому-либо божеству. По данным историков, во исполнение таких обетов только во время 2-й Пунической войны в Риме было сооружено около 40 храмов.

В этой связи нельзя не сказать, что даже известный юрист и оратор Марк Туллий Цицерон, всегда призывавший придерживаться фактов, совершенно не стеснялся указывать на божественное происхождение побед римского оружия: *«Мы не превзошли ни испанцев своей численностью, ни галлов силой, ни пунийцев хитростью, ни греков искусствами; ни, наконец, даже италийцев и латинов внутренним и врожденным чувством любви к родине, свойственным нашему племени и стране; но благочестием, почитанием богов и мудрой уверенностью в том, что всем руководит и управляет воля богов, мы превзошли все племена и народы».*

Более того, как небезосновательно считает российский историк А.В. Махлаюк:

«...с точки зрения древних римлян, военачальник был всего лишь посредником между войском и богами, чью волю ему надлежало неукоснительно выполнять. Но при этом считалось, что победа одерживается под непосредственным командованием полководца, то есть на основе его личной энергии, опыта и знаний. Вместе с

тем, таланты и доблесть полководца были неразрывно связаны с его счастьем, которое представлялось римлянам особым даром. Наградить же этим даром могли только боги».

Вообще, для язычества были очень важны принципы «единения» и «гармонии» в сфере человеческих взаимоотношений, поэтому конфликты часто рассматривались, как форма девиации — отклонение от нормы.

А как на вопросы о войне и мире отвечали монотеистические религии?

Наиболее яркой мировой религией негативистского толка, был, бесспорно, буддизм, возникший в Древней Индии в VI–V вв. до н.э. Основателем этой религии традиционно считается индийский принц Сиддхартха Гаутама, который в ходе философских размышлений о смысле жизни пришел к следующим основным выводам.

1. Жизнь — это страдание.
2. Причина страдания — человеческие желания.
3. Выход из положения состоит в избавлении от желаний.

Для того чтобы добиться полного отказа от желаний, необходимо следовать «восьмеричному пути»:

- правильное знание;
 - правильная воля;
 - правильная речь (отказ от грубости, лжи и клеветы);
 - правильное поведение (отказ от убийства живых существ, воровства, пьянства и разврата);
 - правильный образ жизни (добывание жизненных благ честным путем);
 - правильное усилие (искоренение дурных мыслей);
 - правильное направление мысли (осознание бренности всех вещей);
 - правильная сосредоточенность.
- Будда утверждал, что соблюдение этих правил приведет человека в состояние *нирваны* и он более не будет страдать.

Что касается конфликтных ситуаций, то в буддистском трактате «Дхаммапада» содержится следующее замечание: *«Победа порождает ненависть, побежденный охвачен болью, счастливо живут мирные, отказавшись от побед и поражений».* Иными словами, любой исход конфликта негативен по определению, поэтому его не

стоит и начинать. При этом буддистская община должна быть *«едина и долговечна»*, а значит, внутренние противоречия в ней недопустимы.

Это резко контрастировало с ведической традицией, где идеальный образ правителя был неразрывно связан с мощной армией и обширными завоеваниями. Попытка объединения этих образов была предпринята в «эдиктах Ашоки», составленных в III в. до н.э. В этом источнике воинственный царь раскаивается в совершенных поступках, и конфликт для него становится фактором морального перерождения. Ашока обретает славу не за счет массовых жертв, а благодаря отказу от убийств. Фактически в данном документе хронологически показан процесс смены ценностей — от насилия к ненасилию. Это должно было обеспечить логичный переход в новую веру жителей Индии.

В свете подобных образов и правил буддизм представляется почти пацифистской религией. Даже известный пацифист граф Л.Н. Толстой признавал значение восточных религий в развитии бесконфликтных форм отношений: *«...если только Япония и Китай так же вполне забудут учение Будды и Конфуция, как мы забыли учение Христа, то скоро выучатся искусству убивать людей»*.

Вместе с тем с течением времени начинается процесс, который американский исследователь М.К. Джеррисон назвал «милитаризацией буддизма». Он занял несколько веков и был вызван дискуссией о роли вооруженных конфликтов в развитии общества, а как следствие — возможности участия в них буддистов. Так, в сутре «Львиный рык миродержца» содержится следующее обращение Будды к правителю государства: *«...ты должен обеспечить защиту, охрану и безопасность в своих владениях для воинов в армии, для знати и вассалов, для браминов и мирян, горожан и деревенских жителей, аскетов и жрецов, животных и птиц»*. Таким образом, необходимость армии вовсе не отрицалась — скорее, наоборот, она должна была стать инструментом защиты интересов и граждан буддистского государства. Да и служба в вооруженных силах не была включена в перечень неблагоприятных средств заработка.

Помимо этого на основе анализа буддистских текстов генерал-майору А. Вирасекера удалось установить, что в буддизме была принята собственная классификация воинов.

- Воин, позволивший врагу сразить себя в ходе битвы.
- Воин, храбро вступающий в битву, но умерший от полученных ран.
- Воин, храбро вступающий в битву, но умерший от болезни, несмотря на усилия своих родственников.
- Воин, храбро вступающий в битву, излечившийся от полученных ран.
- Воин, храбро вступающий в битву, громящий и побеждающий своих врагов.

Солдаты также различались по используемым видам оружия и поведению на поле боя. В любом случае само наличие классификации участников военных конфликтов свидетельствовало о возможности их существования безотносительно оценки подобных действий.

В этой связи весьма характерно появление на Востоке (в Японии, Таиланде и т.д.) сообщества воинов-монахов, исповедовавших буддизм. Эти люди активно участвовали в войнах и даже украшали свое оружие религиозными орнаментами, воспринимая свои действия в контексте самосовершенствования. Изготовление оружие даже было для них формой аскетизма. По словам самурая Ямамото Цунэтомо, ставшего буддистским монахом, *«у меня нет ни малейшего желания достичь состояния Будды, хоть это и противоречит моему теперешнему положению буддийского монаха. В сердце моем глубоко запечатлено лишь одно искреннее желание, одна непоколебимая решимость — семь раз возродиться самураем»*.

Известно, что в 1221 г. монахи из японского города Нара участвовали в войне Сёкю, хотя к этому моменту отношение к вооруженным столкновениям у служителей культа меняется — они агитируют против применения силы, и *«по отчаянной просьбе священства армия вернулась к столице»*. Тайский воин-монах Фра Экс в XX в., столкнувшись с непониманием его позиции со стороны американцев, пытался объяснить им, что видит свою задачу в *«предотвращении социальных беспорядков»* и *«препятствовании людям оскорблять других»*, в том числе и силой оружия (в момент произнесения этой речи в руках монаха была автоматическая винтовка М-16). Следствием такого подхода можно признать и кровавый режим «красных кхмеров» в Бирме и противоречия между Индией и Пакистаном.

В итоге, пройдя через цепь конфликтов различного уровня, к середине прошлого столетия буддисты пришли к выводу, что для соблюдения основ собственной религии необходимо придерживаться следующих принципов.

- Взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета.
- Ненападение.
- Невмешательство во внутренние дела.
- Равенство и взаимная выгода.
- Мирное сосуществование.

Именно благодаря этим достижениям и буддистской «философии прощения», которую в XX в. активно проповедовал монах Маха Госананда (дважды был выдвинут на соискание Нобелевской премии мира), были амнистированы многие участники репрессий в Камбодже, инспирированных премьер-министром Полом Потом. Положительно это повлияло на развитие государств Юго-Восточной Азии или отрицательно — вопрос спорный, но буддизм доказал приверженность негативному взгляду на конфликты.

Наряду с буддизмом аналогичные проблемы пытались решить и другие мировые религии.

В частности, воинские аспекты божественной сущности находят отражение в древних иудейских текстах — в первую очередь речь, конечно, идет о Ветхом Завете. В этом религиозном памятнике Бог способен даровать победу практически в любом конфликте, так как ради этого он, по словам политолога В.П. Макаренко, *«отменяет законы природы, использует космические силы и коварство... применяет средства, непропорциональные результатам... останавливает солнце... посылает на врагов каменный дождь... уничтожает урожай и применяет “биологическое оружие” — эпидемию, язвы и струпья».*

Бог у иудеев — инициатор, вдохновитель, организатор войны. При условии соблюдения определенных правил, он позволит одержать победу даже над превосходящим противником и заменит собой армию: *«Господь Бог ваш идет с вами, чтобы сразиться за вас с врагами вашими и спасти вас».* В 17-м псалме Соломона также содержится указание на божественную помощь иудеям на войне: *«Их царь — помазаннык Божий. Ибо он не полагается ни на коня, ни на всадника, ни на лук. Он также не копит себе золота и серебра для войны и не полагает свои надежды на численность людей в день сражения... Его надежда — на*

Господа: кто может дерзнуть против него?». При таком подходе не требовались ни опытные военачальники (их личность для победы не имела существенного значения), ни многочисленная армия.

Казалось бы, иудейская религия выбивается из общей канвы негативистской школы. Однако в ряде случаев Ветхий Завет признает войну несправедливой, неправедной. Вышеупомянутому культурологу Ж. Минуа удалось выявить ограниченный круг обстоятельств, делающих военные действия несправедливыми, — это братоубийственные войны; войны, начатые без божественного одобрения; войны, в которых Бог использует врагов, чтобы преподать какие-либо уроки своей пастве. Фактически, за исключением первой причины, рядовому иудею почти невозможно понять степень справедливости конфликта, который он начинает, и тем более соотнести свои действия с целями и мотивами Бога.

В то же время иудейские тексты наполнены и отрицательным отношением к войнам. Например, в книге пророка Исаяи прямо говорится: *«...и делом правды будет мир, и плодом правосудия — спокойствие и безопасность вовеки»*; и наступит время, когда народы *«перекуют мечи свои на орала, и копыя свои — на серпы: не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать»*. А ветхозаветная заповедь *«не убий»*, по определению, имеет антиконфликтную направленность. То есть наряду с воинственностью в иудаизме заложены и противоположные начала, прямо относящиеся к негативистской доктрине.

Исследование других еврейских текстов, например Талмуда, позволяет установить наличие определенных правил и законов ведения войны (т.е. ее ограничений).

1. В войне могут участвовать люди, верящие в Бога. Все те, кто построил новый дом, насадил виноградник, обручился (но не успел жениться), не должны воевать.
2. Всякому осажденному городу должно быть сделано предложение о мире на условии выплаты дани.
3. В ходе военной осады города не должны срубаться деревья.

Отрицательное отношение к вооруженным конфликтам несложно обнаружить в трудах иудейского теолога XIII в. Нахманида, который предостерегает: *«...когда толпы идут на войну, они едят непотребное, грабят, творят насилие, не стыдятся даже совершать прелюбодея-*

ние и прочие отвратительные вещи, так что и честнейший из людей облекается в жестокость и злобу, когда выходит на битву с врагом». Этого зла, естественно, следовало всячески избегать.

Спустя два века испанский богослов Исаак Арама, развивая эти идеи, приходит к выводу что иудеи *«должны позаботиться, чтобы не причинить смерти и вреда человеку».* Аналогично, рассуждая на тему войны и мира, доминиканский теолог XV в. Франциск де Виктория придает значение тому неоспоримому факту, что согласно Ветхому Завету *«народ Израиля никогда не захватывал земли неверных, только потому, что они неверные или идолопоклонники, или потому что виновны в иных грехах».* В сущности, это отражает наличие зачатков религиозной веротерпимости и стремления ограничить военное насилие.

Однако профессор Оксфорда Н. Соломон в статье «Иудаизм и этика войны» обращает внимание на еще одно интересное обстоятельство: *«Обязанность защищать третью сторону, которой грозит опасность, даже за счет жизни агрессора, выводится из эпизода с помолвленной девушкой, ставшей жертвой насилия... Уже в самом Писании изнасилование сравнивается с убийством, и потому всякий, кто слышит крики жертвы, обязан защитить ее и при необходимости убить насильника. Точно так же следует поступить и по отношению к человеку, замыслившему убийство другого».*

Тем не менее конфликтологический негативизм оказался сильнее других тенденций в иудаизме, поэтому в период Первой мировой войны в проповеди «От тьмы к свету» раввина Д.Х. Гертца звучали такие слова: *«...давайте молиться, чтобы новый порядок был лучше прежнего. Чтобы он был укоренен в праведности, широко опирался на свободу и уважение ко всем без исключения национальностям и достиг своего апогея в гармонии между народами».*

С образованием государства Израиль в XX в. иудейские теологи были вынуждены столкнуться с необходимостью анализировать множество войн, в которые оказалась погружена молодая страна, ставшая неудобным соседом для арабских держав.

Еще в 1943 г. раввин М. Земба предложил своим единоверцам участвовать в конфликтах (он говорил: *«...в силу необходимости, мы должны сопротивляться врагу на всех фронтах»*), однако победила иная концепция. Ее озвучил еще в 1938 г. главный раввин Тель-Авива

М.А. Амиель, провозгласивший верховенство заповеди «не убий»: «... даже если мы арестуем нескольких убийц-арабов, но останется малейшее подозрение в том, что один из них не виновен, то мы не должны трогать их — иначе пострадает невинный». А главный раввин израильской армии Ш. Горен даже подчеркнул: «...мы не должны испытывать радость от уничтожения врагов Израиля».

Тем самым и в иудейской религии основные догмы теологической школы конфликтологии были реализованы, пусть и не в полном объеме.

На этом основании можно сделать промежуточный вывод, что далеко не каждый богослов был сторонником негативистской доктрины и относить всех священников к данному направлению было бы опрометчиво. В качестве примера можно привести одно из наиболее ярких учений эпохи Средневековья — манихейство⁹. Догматический фундамент данного учения, сформулированного мистиком Мани в III в. н.э., до сих влияет на образ конфликтов в сознании как рядовых граждан, так и государственных деятелей разного уровня.

По авторитетному мнению российского социолога А.С. Ахиезера, «манихейство — вечный соблазн культуры. Оно выражается в стремлении решать сложные проблемы, редуцируя, упрощая их до плоской древней идеи, что в любом случае есть злобный виновник». Иначе говоря, «решение проблемы, каким бы оно ни было сложным, сводится к выявлению, разоблачению и изгнанию бесов». В этой картине мира любой человек мог обладать либо абсолютным набором добродетелей, либо быть подобным демону. Хотя манихеи старались ограничивать даже уничтожение растений и животных (они представлялись бессознательными хранителями души мира), в отношении людей для данного вероучения была характерна «абсолютизация ненависти к врагам». В этом свете не удивительно, что уже в IV в. император Восточной Римской Империи Феодосий издал закон против манихеев. Тем не менее корни их учения, с точки зрения современных авторов, могут быть найдены в более поздних источниках, включая даже большевистскую идеологию.

⁹ **Манихейство** — древнее персидское учение о вечной борьбе между началами добра и зла.

И в буддизме, и в иудаизме, и (как станет видно дальше) в христианстве и исламе шла и продолжает идти борьба между разными, порой диаметрально противоположными тенденциями в восприятии конфликтов. Будь иначе, то в христианской Европе никогда бы не появились духовно-рыцарские ордена (Тамплиеры, Госпитальеры и др.), создание которых, по мнению историка Н.Д. Тальберга, нарушало сами основы христианской этики, так как *«дикая страсть к войне и военным подвигам, совершенно противная христианским понятиям, считалась главным достоинством рыцаря»*. Не было бы ни Святой инквизиции (*«Святого отдела расследований еретической греховности»*), ни Ордена иезуитов¹⁰, существующего и поныне. Жестокие времена и необходимость решения сложных социально-политических задач часто доводили религию до воинствующего фанатизма, даже милитаристского стиля управления конфликтами. Однако даже в условиях, когда война была *«эндемическим состоянием западноевропейского общества»* (выражение английского историка М.Н. Кина), большинство богословов не отрекались от идей мира и согласия.

Заметим, что детальное рассмотрение творчества представителей теологической школы конфликтологии показывает, что рождение наиболее ярких и неординарных идей в данной области связано с эпохой Средневековья, что неудивительно — ведь именно в этот период начинается активная борьба нескольких мировых религий, заставившая их представителей искать корни развернувшихся масштабных конфликтов. Говоря о развитии теологической школы в Средние века, нельзя обойти стороной христианскую философскую мысль.

Анализируя Новый Завет, крайне сложно воспринимать христианство в каком-либо контексте, кроме миротворческого. Миротворческие мотивы отчетливо выражены, например, в Евангелии от Матфея, где прямо указывается на поощрение Богом примирения конфликтующих: *«Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами*

¹⁰ **Орден иезуитов** (Общество Иисуса) — мужской монашеский орден Римско-католической церкви, созданный в целях распространения и утверждения христианской веры и церкви и использованный в борьбе со сторонниками Реформации.

Божими». Даже когда речь заходит о войне, она, как правило, понимается в духовном, а не политическом значении. Как сказал апостол Павел, *«оружия воинствования нашего не плотские, но сильные Богом на разрушение твердынь»*, т.е. христиане могучи не силой армии и оружия, а верой в Бога. Несмотря на крайнюю простоту и доступность этой идеи, она получила развитие в виде множество трактовок и гипотез.

В первую очередь коснемся взглядов одного из ранних последователей Христа по имени Татиан. В своих работах II в. н.э., в полном соответствии с христианской догматикой и вышеупомянутыми доктринальными положениями негативизма, он пришел к выводу, что любой христианин должен отказаться от мирских дел, в том числе военной службы и участия в войнах. Отвергая мирские блага, Татиан призывает: *«Умри для мира, отказавшись от его безумия»*. По-видимому, военное насилие как раз и являлось для него неотъемлемой частью этого «безумия мира».

Автор предлагает оригинальную мысль: войны придуманы людьми, а не Богом, и именно за счет этого они могут быть искоренены: *«Богом ничего худого не сотворено, — мы сами произвели зло; а кто произвел его, может снова отвергнуть его»*. Кроме того, в «Речи против эллинов» он призывает отказаться от идеологических распрей между язычниками. *«Не будьте, эллины, враждебно расположены к варварам, — пишет он, — и не питайте ненависти к их учениям. Ибо какое из ваших учреждений получило начало не от варваров?»*. Ведь для христианина, действительно, принципиальной разницы между политеистическими системами разных стран нет. Татиан порицает их общие культурные принципы: *«...красноречие вы употребляете на неправду и клевету; за деньги продаете свободу вашего слова и часто, что ныне признаете справедливым, то в другое время представляете злом. Поэзия служит у вас к тому, чтобы изображать битвы, любовные похождения богов и растленность души»*. Отсюда — несправедность эллинского мира, его конфликтность, вследствие чего эллины не могут претендовать на воспеваемую ими элитарность. И Татиан был отнюдь не единственным, кого интересовали подобные вопросы.

Одной из главных фигур христианской средневековой протоконфликтологии считается Тертуллиан. Поначалу этот, без сомнения,

выдающийся автор в труде «Апологетика» настаивал на том, что христиане могут исполнять воинский долг наравне с другими гражданами Римской Империи, а также молиться Господу о ниспослании Императору могучей армии. Однако с течением времени Тертуллиан меняет свою точку зрения — он пишет произведение, известное как «De Corona militis» («О венце воина»). Ключевой характер в нем имеет глава 11, в которой доказывается порочность военной службы: теперь автор считает, что христианин не должен вступать в армию, а крестившийся солдат не может там оставаться. В еще одном трактате — «Об идолопоклонстве» — Тертуллиан заключает, что, *«обезоружив Петра, Господь распустил пояс всякому солдату, начиная с того времени и впредь»*, к тому же *«не согласуется Божья присяга с человеческой»*. Христианин не сможет исполнять на войне приказы, противоречащие его вере, поэтому и вступать в армию просто не имеет смысла.

Тертуллиан был явно против того, чтобы христиане шли на военную службу, но главным аргументом для него была вовсе не библейская формула *«взавшие меч, мечом погибнут»*, а существование в римской армии языческих обрядов, которые христианин ни соблюдать, ни одобрять не может. Поведение последователя Христа, по Тертуллиану, должно быть лишено конфликтного потенциала за счет отказа от удовлетворения эгоистических потребностей, являющихся фундаментом многих противоречий в политике и экономике:

«...мы, не будучи одержимы пристрастием ни к славе, ни к почестям, не находим никакой для себя выгоды составлять скопища или заговоры. Мы никогда не мешаемся в общественные дела: весь мир есть наша республика».

Крайне негативной трактовки конфликтов придерживается и Климент Александрийский, который в труде «Педагог» обращает внимание на крайне важную особенность конфронтации: *«Война требует сложных приготовлений, жизнь раздольная требует больших издержек; мир же и чувство, проникнутое христианской любовью, простые и довольствующиеся малым, братья не нуждаются ни в каком оружии и ни в каких сложных снаряжениях»*. Тем самым Клименту удалось понять, что конфликт требует от человека мобили-

зации, активности, порой даже сверхусилий, при том что успех вовсе не обязательно достижим. Результатом этих размышлений становится вывод: *«не в военное время, а во времена мирные совершается наше спасение»*.

Цепь этих рассуждений продолжил еще один христианский мыслитель — Амвросий Медиоланский. Основываясь на идеях своих предшественников о возможности существования «справедливой» войны, он приходит к выводу, что только церковь может судить о степени праведности конфликтов. Церковь была мерилом справедливости и, исходя из христианского стремления к порядку, могла считать праведной только войны, направленные на поддержание мира.

Базируясь на идеях Амвросия, можно сформулировать третий основополагающий принцип теологической школы конфликтологии — *конфликты являются допустимыми, только если их итог гарантирует возможность мирного существования людей*. Отцы церкви даже теоретически не могли поддержать идею войны ради самой войны, войны ради мести или войны за ресурсы. Лишь высокие идеалы в какой-то степени оправдывали использование насильственных средств для их достижения.

В то же время в трактате «О девстве» Амвросий касался и темы семейных конфликтов. Он отстаивает идею сохранения женского целомудрия, так как это, по его словам, обеспечит минимизацию возможных негативных последствий. Священник писал: *«Разве бывали когда-нибудь войны из-за девицы? И погиб ли кто-нибудь из-за нее? Между тем из-за супружеств происходит вот что: и любовника жены приходится схватывать, и похитителя вызывать на битву. И все это всегда причиняло вред государству. Из-за посвященной же девы никто не был осужден; ведь целомудрие не сдерживается наказанием, напротив, его умножает благочестие, охраняет вера»*.

Идея «справедливой» войны наиболее активно отстаивалась учеником Амвросия Медиоланского Августином, который задается одним из наиболее актуальных вопросов своей эпохи и одновременно пытается ответить на него: *«Почему война означает зло? Разве это не смерть людей, которые вскоре погибнут в любом случае ради того, чтобы другие могли жить в мирном повиновении?»*.

Поскольку правители стран являются исполнителями божественной воли, непостижимой для человеческого разума, *«приказ начальника делает солдата невиновным в совершенных государем злодеяниях»*. Следовательно, *«естественный порядок вещей, стремящийся к установлению мира среди людей, требует, чтобы решение и право начать войну принадлежали государю. Солдаты же должны беспрекословно выполнять приказы своих командиров во имя мира и общего спасения»*. Разумеется, Августин не отрицал, что конечной целью всякого сражения должен быть мир: *«мира не ищут для того, чтобы творить войну, но творят войну для того, чтобы добиться мира»*. Тем не менее он исходил из наличия у солдат права на убийство, так как военнослужащие совершают зло не по собственной воле и не под влиянием страстей. То есть для определения степени вины в конфликте наиболее важным является мотивация его участников и степень их субъектности: солдат вправе убивать, так как он лишь «инструмент» в руках полководца.

Живший в одно время с Августином святой Григорий Нисский предлагал иное толкование задач христиан в сфере управления конфликтами. По его словам, *«война пресекает наслаждение всеми благами»*, и в условиях военных действий люди становятся эгоистичными, бесчувственными к *«скорбным случаям»*, поскольку *«общее бедствие горестями своими превышает бедствия частные»*. Христианам необходимо всеми силами препятствовать эскалации военного насилия, стремиться к миру. Ведь, по мнению святого Григория:

«из всего, чем люди домогаются наслаждаться в жизни, есть ли что сладостнее мирной жизни? Все, что бы ты ни назвал приятным в жизни, приятно бывает только тогда, когда соединено с миром. Пусть будет все, что ценится в жизни: богатство, здоровье, жена, дети, дом, родные, друзья; пусть будут прекрасные сады, места для веселых пиршеств и все изобретения удовольствий... пусть все это будет, но не будет мира, — что пользы в том?».

Это замечание нельзя не признать справедливым.

В полном соответствии с догматами теологической школы находятся слова святителя Иоанна Златоуста: «...войны постоянно произрастают от корня грехов». Вторит ему и святитель Василий Великий: «Бог в войнах насылает казни на достойных наказания».¹¹

Развернутое мнение о вооруженных конфликтах оставил после себя египетский богослов V в. Исидор Пелусиотский. Хотя его учение в данном вопросе отличалось некоторой противоречивостью, совершенно однозначный вывод мыслитель сделал о внутривосточных конфликтах и гражданских войнах:

«...война с иноплеменниками почитается и законною, и необходимою, а война с единоплеменниками беззаконна, и обративший их в бегство не получает похвал. Он в такой мере покрывается большим стыдом по сравнению с другими, в какой преуспеет в войне больше других, потому что всего ужаснее война междоусобная».

Исидор считал совершенно невозможным для христианина участвовать во внутренних распрях и раздорах. «...в войнах междоусобных победители более жалки, нежели побежденные, — продолжает он, — потому что понесут на себе по сравнению с теми больший стыд — настолько больший, насколько более других достигнут чего-либо в этой войне». Вообще, этому выдающемуся философу принадлежит множество отдельных мыслей и афоризмов, крайне полезных любому конфликтологу. Вот лишь некоторые из них: «малые причины воспаляют нередко великие войны»; «и у людей, и у зверей есть пределы вражды и войны, которых преступать не надлежит»; «не найдется в жизни ни одного худого дела, которое бы производилось не из любви к деньгам»¹²; «никто не вправе указывать другому в том, чего не имеет сам».

¹¹ Есть еще одно известное изречение Иоанна Златоуста о грехе сребролюбия: «...оно сделало Иуду предателем; оно растлило иудейских начальников, которые принимали дары и стали сообщниками воров. Оно породило бесчисленные войны, наполнило кровью пути, плачем и слезами — города. Оно и вечера сделало нечистыми, и трапезы — оскверненными, и самые яства исполнило беззакония».

¹² Это утверждение полгал справедливым и русский святитель XIX века Феофан Затворник, дававший христианам совет: «Изгони сребролюбие — и не будет ни войн, ни вражды, ни блуда».

Без сомнения, Исидор был одним из первых христианских мыслителей, предложивших собственную систему предупреждения и разрешения конфликтов, базировавшуюся на следующих принципах.

1. Установление однозначной иерархии господства и подчинения.

По его словам, наличие у людей начальства *«происходит не просто и не случайно»*, поскольку *«равноправие обыкновенно возжигает войну»*. Хотя этот подход крайне недемократичен (Исидор выступает за царскую власть), он в чем-то вполне верен — ведь при отсутствии главенствующего авторитета равные по рангу участники отношений могут начать бороться за превосходство.

2. Гуманное отношение к противнику. Данному тезису посвящены следующие слова проповедника: *«...не гневайся на побежденных»*, ведь во время войны даже *«того, кто стоит в рядах противника, но не бросает в нас стрел, должно почитать некоторым образом другом»*.

3. Отказ от междоусобиц. На вопрос о возможности и справедливости гражданских войн египетский богослов дает недвусмысленный ответ: *«...война с иноплеменниками почитается и законною, и необходимою, а война с единоплеменниками беззаконна, и обративший их в бегство не получает похвал»*.

4. Посредничество в конфликте через духовное наставление.

По этому поводу у Исидора находим следующие строки, обращенные к враждующим правителям:

«Признаю себя другом вашим, но, приглашаемый на помощь кажда́м из вас, так как теперь не знаю, почему оба вы идете друг против друга и ведете войну, не приду к вам, избегая того, чтобы сделать одному добро, а другому зло. Но если вы сделаете то, что надлежит и, отложив непримиримую вражду, обратитесь к миру, то приду — не помогать одному против другого, но обоих снова соединить узами дружбы».

Весьма любопытно, как сформулированные богословами правила находили практическое воплощение в правовых нормах и практике судебных учреждений средневековой Европы. В частности, в каноническом праве, благодаря постулатам теологической школы, появилось понятие «решительный человек». Исследователь данного понятия Е.В. Плешков (заведующий кафедрой государственно-правовых дис-

циплин СКГИ¹³) пришел к выводу, что, с точки зрения средневековых правоведов, такая личность должна была отличаться храбростью, твердостью и постоянством характера. «Решительного человека» невозможно запугать или склонить к каким-либо действиям иначе как физическим насилием или угрозой тяжелого наказания.

Фактически именно этот термин стал главенствующим при определении границ допустимого давления на человека при склонении к тем или иным действиям против его воли. Так, Папа Римский Александр III постановил, что ребенок, чьи родители вынудили его насилием согласиться на помолвку, не обязан соблюдать соглашение, поскольку он был принужден к согласию. Правда, с другой стороны, если в отношении молодой женщины, которую склоняли к браку против ее воли, не было осуществлено физического насилия (побоев), а имела место лишь угроза такого насилия, судья должен признать брак действительным — эта угроза была слишком слаба, чтобы по-настоящему поколебать «решительного человека».

Что касается особенностей юридического восприятия вооруженных конфликтов, сформированного под воздействием христианской догматики, то и в этом плане наблюдалась любопытная картина. Ведь признавая теоретическую допустимость войны (пусть и порицая убийства в ходе нее), церкви требовалось согласовать ряд вопросов, касающихся владения захваченным на войне имуществом, правил воинской дисциплины, прав мирного населения в условиях конфликта и т.д.

Крупнейшим специалистом в данной области стал автор трактатов «О войне, ответом ударе и поединке» и «О мире» Дж. да Леньяно. По мнению современных исследователей, он *«был первым, кто синтезировал доктрины всех предшествующих авторов в логически последовательное исследование не только способов ведения войны, но и правовую основу для взаимоотношений между монархами»*. Основываясь на морально-этических аспектах христианского вероучения, да Леньяно смог изложить тезисы богословов юридическим языком, дав ответ на вопросы о правилах объявления войны и заключения мира, выплате жалования солдатам и наемникам, содержании военнопленных, распределении трофеев между участниками сражения и т.д. Все эти пра-

¹³ Северо-Кавказский гуманитарный институт.

вила должны были придать войнам хотя бы относительно цивилизованный характер.

Несмотря на то что христианство обладало заметным миротворческим потенциалом, на его базе стали появляться различные еретические учения, в которых этот потенциал был даже усилен. Например, Маркион из Понта в середине II в. н.э. начал проповедовать идею, что в отличие от Христа *«проповеданный законом и пророками Бог есть виновник зла, ищет войны, непостоянен в своем намерении и даже противоречит себе»*. Понятно, что христиане не одобряли такую трактовку, хотя при этом отцы церкви не могли не признавать необходимой борьбу с греховностью, не говоря уже о противостоянии порождениям дьявола. По сути, христианин, ведущий активный образ жизни, был обречен на столкновения и конфликты с проявлениями зла. Следовательно, он должен понимать логику и принципы ведения войны, одинаковые и для материального, и для духовного фронта.

Вышеупомянутый Григорий Нисский по этому поводу писал:

«Есть и брань духовная, в которой также потребно искусство противоборства и бегства. Зная сие, Павел ведет свое воинство к тому и другому роду искусства благочестивой брани... Если случится война со стороны неверия, то полезно противостоять ему; если же враг угрожает коварством, то хороша против таких противников засада. Если напрягается лук клевет, то полезна борьба с ложью лицом к лицу; если же уязвляет образ блудный, то полезнее дать тыл и бежать от прямой встречи с ним; ибо прелюбодеяние направляет свои стрелы в глаза».

Сходным образом рассуждал и известный богослов VIII–IX вв. н.э. Феодорит Студит. Вот весьма характерный отрывок из его работ:

«...разными способами губители прилагают к нам все ужасное и трудное. И блажен среди вас тот воин Христов, в которого стреляют, но он не уязвляется, которого ранят, но он не поражается, вводят в плен, но он не сдается. Наоборот, своим духовным мечом веры он ранит семьсот и восемьсот [демонов], ибо он есть воин по [примеру] Давида и помогает своим братьям. Восплачем же, чада, и о нас самих, будем непрестанно иметь в виду поднимающуюся против нас войну, рассудительно выстроимся против врагов»

наших, помогая друг другу и для разрушения демонских укреплений, вооружась не телесным, а духовным оружием. Будем отражать воюющих против нас. Пусть никто не будет без оружия, что, по апостолу, есть добрая вера; никто — без щита, то есть смирения; никто — без меча, то есть божественной молитвы; никто — без шлема, то есть послушания; никто — без коня, то есть душевной ревности; никто — без прочего высшего оружия, которым охраняется наш внутренний человек».

В этом отрывке обращает на себя внимание фраза «*помогает своим братьям*». Не стоит забывать, что для христианина помощь ближнему является не только желательной, но и обязательной. Следовательно, христиан, подвергшийся нападению, не должен сопротивляться (в Евангелии от Матфея сказано: «*кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую*»), но его единоведец вправе встать на защиту. Фактически речь идет о принципе «круговой поруки», ставшем незаменимым во многих сферах человеческих взаимоотношений. Особенно этот принцип прижился в России.

Вообще, анализируя развитие теологической школы конфликтологии, нельзя не отметить приверженность ей со стороны Православия. Европа, пережившая деклерикализацию государственного управления уже в XVI–XVII вв., перешла к развитию несколько иных направлений в науке. Русская протоконфликтологическая мысль от религиозных основ ушла гораздо позже.

Поиск сверхъестественных причин конфликтных ситуаций до сих пор свойствен значительной части россиян. Многие современные ученые убеждены, что подобная ситуация вызвана стойким укоренением в русском менталитете эсхатологических¹⁴ мотивов. Регулярно переживаемые социально-политические, экономические, нравственные трансформации, по мнению философа И.Г. Яковенко, заложили основы такого концептуального видения:

«Неприятие происходящего обостряется при переходах общества через стадияльные рубежи, когда изменение носит тотальный характер, переходах от раннего государства к зрелому, от жизни

¹⁴ **Эсхатология** — учение о конце мира и человека.

на периферии или в рамках догосударственной окраины к жизни в пределах регулярного государства... От крестьянского общества к урбанистическому, от бесписьменной фольклорной культуры к письменной. От одной идеологии к другой. Наконец, от конкретной идеологии к ситуации деидеологизации. Все эти ситуации осмысливаются в рамках эсхатологической парадигмы и провоцируют эсхатологические настроения».

По мнению исследователей (А.Л. Юрганова, А.В. Каравашкина и др.), начиная со Средневековья, в политических воззрениях русских царей и простонародья проступают картины скорого Страшного суда. В этом контексте понимались и опричные казни Ивана IV, и Смута XVII в., и даже преобразования Петровы. Соответственно, и выход из конфликтных ситуаций также был заслугой Бога. Например, освободителю Москвы князю Дмитрию Пожарскому приписываются следующие слова: *«Теперь у нас в Москве благодать Божья возсияла, мир и тишину Господь Бог даровал: станем у Всещедраго Бога милости просить, дабы нам дал Самодержателя всей России»*. Использованная формула *«мир и тишину Господь Бог даровал»* позволяет судить о неперенном участии высших сил в миротворческом процессе.

Кроме того, россиянам этот подход может быть знаком по произведениям публициста XVI в. И. Пересветова, который в челобитной царю Ивану IV неразрывно связывал стабильное существование государства и следование религиозным заповедям. В своем послании он приводит следующие слова одного из европейских правителей той эпохи: *«Турецкий царь султан Магомет великую правду ввел в царстве своем, хоть иноплеменник, а доставил Богу сердечную радость. Вот если б к той правде да вера христианская, то бы ангелы с ними в общении пребывали»*. Иными словами, вне зависимости от вероисповедания Бог может поощрять правителей за праведные поступки и карать за отступление от веры.

Вскоре после этого (в XVII в.) польский проповедник Ф. Млодзяновский приходит к еще более интересной формуле: *«Больший есть грех желать Отчизне зла, чем напиться; [больший есть грех] домашние конфликты разжигать, господина с подданным, а подданных с господином ссорить... и славное состояние Речи Посполитой уничтожать, чем убивать»*. Получалось, что провоцировать конфликты —

грех, и чем созданный конфликт масштабнее, тем больше вина человека.

На этом фоне происходит развитие изначальной российской науки о конфликтах (в основном — вооруженных). Вообще, термин «священная» или «святая» война неоднократно использовался в России — так называли в XIX в. войну с Турцией славянофилы, так же именовали и Великую Отечественную войну советские граждане. Вместе с тем этот факт вовсе не равнозначен оправданию военного насилия. Все дело в том, что русская религиозная этика войны в числе прочего строилась на убеждении, что война — это относительное, а не абсолютное зло. В некоторых случаях вести ее нравственно оправдано — ведь отказ от боевых действий может повлечь более тяжелые последствия, чем вступление в войну. Помимо этого не могло быть никакого оправдания войне гражданской, которую следовало предотвращать любыми средствами, даже военными.

По этому поводу иеросхимонах Амвросий Оптинский в середине XIX в. высказал ряд в высшей степени интересных умозаключений об отношении Церкви к войнам.

1. Отвергая обвинения в поощрении военного насилия, Амвросий пишет: *«Тогда как государственная власть отправляет воинов карать врагов дерзких и непокорных, св. Церковь, наоборот, внушает воинам не щадить своей собственной жизни, свою собственную кровь проливать за св. православную веру, державу, царя и дорогое отечество. Так она и молится в св. храмах за убиенных воинов: о упокоении душ всех православных воинов».*
2. Если Православная Церковь запретит своей пастве участвовать в конфликтах, то *«тогда она должна столкнуться с государственною властью, и в таком случае одни из воинов перейдут на сторону Церкви, а другие останутся на стороне правительства, и произойдет взаимная резня; а враги, узнав об этом, свободно заполняют наше отечество. Ужели это лучше будет?».*
3. *«Господь запрещает не убийство, запрещенное еще в Ветхом Завете, а, как Совершитель закона старается искоренить из сердца человеческого самую страсть гнева, отчего люди доходят иногда и до убийства».*

Религиозный философ Н.А. Бердяев также уделил много внимания проблемам понимания конфликтов и насилия. Как пишет по этому поводу историк философии Л.Э. Сутягина, *«источник бесконечных войн человечества, по Бердяеву, связан непосредственно с проблемой зла; путь к миру стоит искать только в том случае, когда можно искоренить зло»*, а сделать это можно только благодаря отказу от насилия — *«насилие и принудительность бессмысленны в искоренении зла»*.

Правда, Бердяев демонстрировал довольно противоречивое отношение к вооруженным столкновениям. С одной стороны, он считал, что *«войну можно принять лишь трагически-страдальчески. Отношение к войне может быть только антиномическое. Это — изживание внутренней тьмы мировой жизни, внутреннего зла, принятие вины и искупления»*. С другой стороны, *«борьба — дитя греховного раздора, она происходит от неполноты. Война — одна из благородных, хотя и ужасных, форм борьбы. Во имя жизни ведется война, и служит она полноте жизни»*. Впрочем, подобная противоречивость вполне оправдана для философа, родившегося в стране, пережившей так много войн.

Параллельно с православными богословами и философами, деятели католической церкви постепенно порывают с традицией «справедливых» войн.

Одним из первых на этом пути стал основатель движения квакеров англичанин Дж. Фокс. В 1657 г. он пишет следующие строки: *«Все войны и раздоры происходят от вожделений... Так, дух мира сего вожделеет к зависти, он вожделеет к ссоре, он вожделеет к спору, он вожделеет против духа Божия»*. По мнению Фокса, именно борьба между Богом и дьяволом, которая идет внутри каждого человека, и есть источник конфликтов, зла, насилия и несправедливости. Поэтому в обращении к солдатам и офицерам английской армии, он призывает: *«...начните внутреннюю войну, которая устраним причины внешней»*. Нельзя не отметить, что взгляды Фокса были близки все же теологической школе конфликтологии, а не пацифистской, хотя его последователи — квакеры — уже исходили из идеи полного отказа от насилия и возлагали ответственность за него не на дьявольские козни, а на порочность власти. Квакеры прямо указывают: *«наш отказ участвовать в войне и военных приготовлениях не допускает никаких “если”*

и «однако». Он является абсолютным и приложим ко всем видам войн, внутренним и внешним, агрессивным и оборонительным». Как станет видно в дальнейшем, именно в теологической школе лежат корни другого негативистского учения — пацифизма.

В том же XVII в., к которому относятся труды Фокса, другой — на этот раз православный — священник Иоанникий Галятовский заключает, что «войну ведут с недругами души и их побеждают». Следовательно, внутренний конфликт искоренит противоречия внешние.

Хотя работы Дж. Фокса и иных мыслителей подобного толка относятся еще к XVII в., лишь в XX столетии Святой Престол окончательно приходит к осознанию необходимости отказа от поощрения военных конфликтов.

Вначале Папа Римский Пий XII в годы Второй мировой войны активно проповедует отречение от насилия:

«Не в революции, а в закономерной эволюции спасение и правда. Насилие не приводит не к созиданию, а к уничтожению; оно разжигает страсти, а не укрощает, нагромождает ненависть и разрушения, а не приводит к братству спорящих, оно привело людей и государства к необходимости постепенно восстанавливать все из руин после трагических испытаний, причиненных раздорами».

Затем, в 1963 г. Папа Римский Иоанн XXIII (видимо, под влиянием Карибского кризиса 1962 г.) пишет энциклику «Pacem in Terris» («Мир на земле»). Уже в первых строках этого документа понтифик четко обозначает свою позицию: «Мир на земле, которого во все времена жаждут люди, может быть восстановлен и упрочен только при полном соблюдении порядка, созданного Богом». Дальнейшие рассуждения Папы приводят его к мысли, что «недостаточно быть озаренным верой и охваченным желанием блага, для того чтобы принести добро в нашу цивилизацию и оживотворить ее духом Евангелия. Для этого нужно включиться в ее институты и действовать изнутри». Именно фраза «оживотворить духом Евангелия» в данном случае является ключевой — по мнению понтифика, именно отказ современной цивилизации от следования христианским заповедям и устоям провоцирует конфликты, способные привести к гибели человечества.

Этот тезис является логичным следствием всего предшествующего развития теологической школы конфликтологии и может быть выражен

следующим образом — *соблюдение религиозных заповедей являются залогом построения бесконфликтного общества*. Иными словами, заповеди — это данные нам Богом правила бесконфликтного поведения. С такой трактовкой согласны как христиане, так и буддисты.

Наконец, Папа Римский Иоанн Павел II квалифицировал всякую войну как несправедливую — мир в его истолковании является универсальной ценностью, реализуемой в рамках всемирного объединения христиан и всех «людей доброй воли» на основе принципов гуманизма. В настоящий момент эта доктрина является общепринятой Католической церковью.

Далее необходимо задаться вопросом о том, какое место отводилось конфликтам в исламских концепциях миропорядка. Данный вопрос представляет значительный интерес и имеет большую актуальность на фоне событий конца XX — начала XXI в., когда во многих странах мира под воздействием угрозы терроризма и некоторых других факторов начинает распространяться исламофобия. Большинство исследователей (умышленно или нет) сводят конфликтологические взгляды мусульман к проблеме джихада¹⁵, который понимается в контексте вооруженной борьбы, что уже не совсем верно. Как следствие, формируется крайне одностороннее видение конфликтов в исламе.

Постараемся подойти к данной проблеме научно, а не идеологически.

Историки не могли не обратить внимания на факт, что слово «аль-харб» (светское понятие войны) упоминается в Коране значительно реже, чем «джихад». Обычно это связывают с историей распространения мусульманства, когда после переезда пророка Мухаммеда из Мекки в Медину исламская община была вынуждена вступить в конфронтацию со сторонниками язычества, а позже — и с иудеями. Религиозная окраска противоборствующих лагерей вытесняла иные мотивы конфликтов, поэтому и джихад стал пониматься исламскими

¹⁵ **Джихад** — понятие в исламе, означающее усердие на пути Аллаха; может иметь разные формы: «джихад сердца» — борьба с собственными дурными наклонностями, «джихад руки» — применение наказаний к преступникам и нарушителям норм морали, «джихад меча» — вооруженная борьба с противниками ислама.

теологами и правоведами, как «война против неверных путем нанесения им ударов, изъятия их собственности, разрушения их святилищ, уничтожения их идолов». К сожалению, часто забывают, что джихад является обязанностью государства, а не личности, поэтому приписывать всем мусульманам воинственные черты по меньшей мере опрометчиво. Шейх Мухаммад аль-Баكري даже заявил, что джихад и терроризм — это прямо противоположные явления.

Ислам, будучи самой молодой из мировых религий, не прошел такой длительный путь эволюции, как буддизм или христианство, однако и он произвел на свет оригинальную конфликтологическую концепцию — рассмотрим ее основные компоненты.

В первую очередь, с точки зрения исламских богословов, мир разделяется на «область ислама» («дар-ал-ислам») и «область войны» («дар-ал-харб»). «Область ислама» — это территория, находящаяся под властью мусульманского правительства и управляемая на основании права. Соответственно, в «область войны» входили все страны, населенные немусульманами или управляемые ими. Иногда выделяется еще одна категория земель — «область мира» («дар-ал-сульх»), т.е. немусульманские страны, признавшие себя вассалами исламского государства. Принято считать, что с немусульманскими государствами мусульмане находятся в состоянии вечной войны, и допускаются лишь временные перемирия на срок до 10 лет (перемирие может быть продлено путем возобновления соответствующего договора).

В то же время даже «вечная война» с немусульманами не предполагает использования неконтролируемого насилия.

Во-первых, в плане распространения мусульманства среди язычников Коран предписывает «приобщать их к вере мирными средствами», поэтому стремление некоторых последователей Мухаммеда к распространению веры путем завоеваний не совсем соответствует установленным правилам и нормам поведения.

Во-вторых, любой вооруженный конфликт (как внутренний, так и внешний) должен вестись с неременным соблюдением следующих правил.

1. Отказ от крайних мер, вероломства и несправедливости.
2. Воспрещение причинения противнику дополнительного зла.

3. Запрет причинения ничем не оправданных разрушений (особенно уничтожение посевов).
4. Запрет на использование отравленного оружия.
5. Необходимость проводить различие между участвующими в войне людьми и гражданскими лицами, не вовлеченными в военные действия.
6. Воспрещение чинить насилие над ранеными и военнопленными.
7. Гуманное обращение с пленными, которые подлежат обмену или освобождению по окончании войны, если в руках противника не остался ни один мусульманин.
8. Защита гражданского населения, уважение к его религии и священникам, отказ от убийства заложников и насилия над женщинами.
9. Воспрещение наказывать людей за преступления, которых они сами не совершали.
10. Сотрудничество с противником в осуществлении гуманитарных мероприятий.
11. Осуждение действий, противоречащих заключенными мусульманами договорам.

При этом многие исламские богословы исходили из отрицания вооруженного насилия. Например, в XIX в. египтянин Мухаммад Абду пришел к выводу, что ислам должен распространяться не за счет насилия, а с помощью убеждения. Задача мусульман — достичь общественного благополучия на основе религиозной морали, а вовсе не борьба с неверными.

В конце XX в. муфтий королевства Саудовская Аравия шейх Абд аль-Азиз ибн Абдуллаха ибн База также склонился к необходимости ухода от применения мер военного характера для решения проблем. В ответ на вопрос рядового мусульманина о возможности принять участие в джихаде богослов написал: *«Великим джихадом станет для тебя забота о твоей матери. Не покидай ее и оказывай ей благодеяния».*

Современный мусульманский философ, профессор Тегеранского университета Саид Хусейн Наср предложил своим единоверцам воспринимать джихад в контексте моральных конфликтов, а отнюдь не борьбы с неверными: *«Джихад — это не просто защита или расширение исламских границ... но постоянная внутренняя война против всего, что скрывает от человека правду и колеблет его равновесие».*

Следовательно, ислам (как и христианство) перенес основной центр тяжести в жизни человека с попытки переустройства мира за счет насильственного перевоспитания окружающих людей на внутреннее самосовершенствование.

Таким образом, можно сделать вывод, что основными положениями теологической школы конфликтологии являются следующие тезисы:

- 1) главным источником конфликтов между людьми, странами и народами является воля сверхъестественных сил;
- 2) конфликт является отклонением от изначальной гармонии мира, формой наказания людей за их грехи;
- 3) конфликты являются допустимыми, только если их итог гарантирует возможность мирного существования людей;
- 4) соблюдение религиозных заповедей является залогом построения бесконфликтного общества.

Хотя данные тезисы могут показаться по меньшей мере спорными и бездоказательными, но труды представителей данной школы заложили основы многих дальнейших научных разработок и привели конфликтологов к пониманию, как представляется сейчас, очевидной истины — *одним из эффективных способов урегулирования конфликтов является апелляция к религиозным чувствам и принципам его участников.*

Дополнительная литература к разделу

1. Баширов Л.А. Учение ислама о войне и мире // Власть. 2008. № 10.
2. Минуа Ж. Священное писание, война и сакральное // Философия права. 2001. № 1.
3. Никольский Н.М. Избранные произведения по истории религии, М., 1974.
4. Соломон Н. Иудаизм и этика войны // Международный журнал Красного Креста. 2005. Т. 87. № 858.
5. Трушников Д.Ю., Трушникова В.И. История конфликтологии: учеб. пособие. Тюмень: ТюмГНГУ, 2009.
6. Шубаро О.В. Религиозные аспекты феномена войны: учеб.-метод. мат-лы. Минск: БГУ, 2005.

Контрольные вопросы

1. Перечислите основные постулаты и догмы буддизма.
2. В чем заключались идеи Татиана?
3. Каковы иудейские и мусульманские правила ведения войны?
4. Какое влияние на конфликтологию оказало эсхатологическое учение?
5. Что такое джихад?
6. Каковы основные принципы предупреждения и урегулирования конфликтов Исидора Пелусиотского?
7. Объясните суть учения Амвросия Оптинского.

Темы докладов и рефератов

1. Энциклика «Pacem in Terris» и Карибский кризис.
2. Исламское учение о войне и современный религиозный терроризм.
3. История «милитаризации» буддизма.
4. Трактат «De Corona militis» и религиозные войны.
5. Милленаристские конфликты: история и современность.
6. Национально-ирредентистские войны.

ГЛАВА II

Идеалистическая школа

Начиная рассказ об идеалистической школе конфликтологии, стоит сказать, что ее представители, как ни странно, известны практически каждому студенту. Среди них есть и античные философы, и европейские утописты, и даже советские писатели.

Название школы — идеалистическая — во многом является производным от тезиса советского психолога Е.С. Кузьмина, убежденного, что гармоничные и бесконфликтные взаимоотношения личности с обществом и с самой собой возможны только в идеальном социально-психологическом смысле. Это убеждение разделяет сейчас, наверное, большинство ученых в самых разных отраслях знания: психологии, экономике, социологии и т.д. Однако принципиальная недостижимость идеала вовсе не равнозначна отказу от попыток его достичь. Ведь именно усилия в направлении установления бесконфликтного и мирного сосуществования различных стран, народов и социальных групп способствуют развитию общества.

Рассматриваемую школу также можно назвать «гуманистической», поскольку ключевыми понятиями для нее всегда были «справедливость», «благополучие», «гармония». Ученые и философы исходили из оптимистичного взгляда на человечество и его будущее, надеясь на то, что все проблемы рано или поздно будут успешно решены.

Идеалисты считали и считают борьбу людей друг с другом отклонением от изначальной гармонии внутреннего и внешнего мира человека. Еще древнеримский император и философ II в. до н.э. Марк Аврелий полагал противодействие людей друг другу *«противным природе»*. До нашего дня дошли многие его афоризмы, пропитанные надеждой на возможность мирного разрешения возникающих противоречий и благосклонность людей. Императору принадлежит следующее изречение: *«Против доброты невозможно устоять. Что может сделать вам даже самый непонятливый человек, если вы постоянно добры к нему?»*.

В соответствии с данной мыслью добро — это главный инструмент человека для решения любых стоящих перед ним задач, а прибегать к злу неразумно и недостойно. При этом Марк Аврелий советовал каждому человеку начинать день со следующей мысли:

«Сегодня я встречу с противодействием, неблагодарностью, дерзостью, предательством, злобой и себялюбием — и все они будут вызваны невежеством обидчиков, их неумением отличать добро от зла».

Характерно, что идеалистам (и у Марка Аврелия данная черта выражена достаточно ярко) был свойствен альтруизм как средство пропаганды своих взглядов и одновременно достижения успехов на пути преодоления конфликтности. Как выразился по этому поводу римский император: *«то только истинное благо и добро, что благо и добро для всех».*

Еще более ранним апологетом конфликтологического идеализма был греческий мыслитель Эпиктет. Он был стоиком и считал, что человек должен сопротивляться превратностям жизни, при этом быть свободным и счастливым. Правильность этого пути Эпиктет доказывал собственным примером, живя в крайней бедности. В его философии центральное место занимало обращение человека к своему внутреннему миру, в чем и состояло подлинное освобождение. Проповедуя моральный образ жизни и поведения, Эпиктет писал:

«Когда ты бранишь человека и враждуешь с ним, тогда ты забываешь, что люди — твои братья, и ты делаешься их врагом вместо того, чтобы быть их другом. Этим ты сам себе вредишь, потому что когда ты перестаешь быть добрым и общительным существом, каким тебя Бог создал, — тогда ты теряешь самую дорогую свою собственность».

Эпиктет был абсолютно прав, полагая источником большинства конфликтов разные взгляды противоборствующих сторон на один и тот же объект. При таком подходе любые распри можно предотвратить, выработав единое для всех отношение к потенциально спорным вопросам. Если научиться *«безошибочно применять эти понятия в каждом отдельном случае»*, то *«не будет больше ни споров, ни войн».* Наверное, любой опытный конфликтолог посчитал бы такие надежды

античного философа опрометчивыми — ведь мир столь многообразен в этническом, религиозном, общекультурном плане, что выработать единые стандарты поведения для всех людей нереально. Однако современные тенденции глобализации и политической интеграции государств в союзы и блоки, а также развитие международного права в целом подтверждают правоту замысла Эпиктета. Значит, в чем-то идеалисты, несмотря на приписываемую им «наивность», были правы.

Тем самым, первый постулат рассматриваемой школы конфликтологии звучит следующим образом: ***бесконфликтное поведение является главным условием и гарантией достижения блага.***

В дальнейшем греческие философы еще не раз обращались к проблеме построения бесконфликтного общества. Крупнейшей фигурой античной эпохи на этом поприще стал Платон. Его знаменитые диалоги содержат богатый материал для анализа, позволяющий сделать ряд выводов о конфликтологических аспектах платонизма.

Во-первых, Платон дает определение понятию «мир» как «*всеобщее дружелюбие*». Ключевым для нас является слово «всеобщее», что характеризует стремление добиться тотального искоренения злобы и ненависти между отдельными людьми и группами. Даже признавая возможность внешних войн (по не зависящим от государства причинам), философ выступает принципиальным противником агрессивной внешней политики. По его мнению, войны отвлекают государственных деятелей от решения социально-экономических и иных проблем всех граждан, заставляя обращать внимание на нужды одних только военных. Такой лидер «*не может стать настоящим государственным человеком*».

Во-вторых, Платон провозгласил, что с помощью конфликта невозможно добиться чего-то положительного ни в плане личностного развития, ни в контексте государственной политики. Причина состоит в том, что любой конфликт усиливает расхождение между миром материальным и совершенным миром идей, познание которого только и гарантирует человеку благо. Получается, что блага невозможно добиться конфликта, так как это уводит в сторону от достижения истины.

В-третьих, подготовкой людей к созерцанию мира идей должно заниматься государство, во главе которого следует находиться мудрецам-философам. Именно философствование Платон считал залогом предотвращения войн и разногласий: «*Пока в государствах не будут царствовать философы, либо так называемые нынешние цари и вла-*

дыки не станут благородно и основательно философствовать... государствам не избавиться от зол». Только в такой системе может быть найден разумный баланс между частными и общественными интересами, что позволит гражданам возвыситься над низменными конфликтами и гармонично сосуществовать.

В-четвертых, справедливость, устойчивость и эффективность функционирования государственного механизма должны быть обеспечены качественными законами. Их появление связано с тем, что люди, уставшие от непрерывной борьбы и несправедливости, *«нашли целесообразным договориться друг с другом, чтобы и не творить несправедливости, и не страдать от нее»*. При этом каждый гражданин в идеальном государстве должен придерживаться отведенных ему законом прав и строго соблюдать обязанности, занимая в социальной системе положение, которому соответствует состояние его души.

Фактически Платоном был разработан целый план по созданию государства для выполнения грандиозной задачи полного искоренения конфликтности. В этом государстве не должно быть частной собственности (если имущество общее, то и конфликтов на этой почве удастся избежать). Ничто не должно совершаться без четкого приказа начальства, а каждый гражданин занимается только тем, что пристало его профессии и социальному статусу. Тем самым высокая исполнительность, законопослушность и ответственность граждан должны гарантировать общее единообразие жизни, что позволит не допустить противоречивых распоряжений и конфликтов на почве их исполнения.

Для облегчения функционирования подобной системы общество делится на три группы: мудрецов (заботящихся о правильном образе жизни всех граждан), стражей (оберегающих покой граждан от внешних и внутренних угроз) и земледельцев-ремесленников (обеспечивающих государство необходимыми товарами). Государство должно заниматься воспитанием в гражданах добродетели, а для этого даже дети должны быть ограждены от влияния родителей и воспитаны по законам государства:

«Таким вот образом всего легче и скорее установится тот государственный строй, о котором мы говорим, государство расцветет, а народ, у которого оно возникнет, достигнет блаженства и извлечет для себя великую пользу».

Как заметил английский историк А.Х. Армстронг, главная цель государства у Платона заключалась в *«установлении разумного и справедливого порядка, который объединит разрозненные элементы таким совершенным образом, что изменение и разложение будут отодвигаться как можно дальше, а наилучшая совместная жизнь будет продолжаться»*. По сути, речь идет об относительно бесконфликтном обществе, которое, достигнув пика развития, будет свободно от необходимости введения дальнейших новшеств. А это, в свою очередь, гарантирует отсутствие конфликта между сторонниками традиций и новаций.

Конечно, ни Эпиктет, ни тем более Платон не были политическими прагматиками, заботящимися о скорейшем претворении своих планов в жизнь. Однако их усилиями был сформулирован второй краеугольный тезис идеалистической школы: ***залогом предотвращения конфликтных ситуаций является общая унификация ведущих сфер человеческой жизни.***

Ученик Платона Аристотель не был согласен с предшественниками по целому ряду параметров, и в его взглядах прослеживается гораздо больший реализм. Так, второй тезис идеализма он разделял лишь отчасти, поскольку достижение полной унификации в реальной жизни казалось задачей слишком абстрактной.

Главную причину конфликтов Аристотель видел в людских пороках: *«наглости, страхе, превосходстве, презрении, чрезмерном возвышении»*, а также *«пренебрежительном отношении, мелких унижениях, несходстве характеров»*. В этом перечне преобладают субъективные причины конфликтов, однако философ понимал, что разногласия бывают порождены и причинами совершенно объективными.

В частности, войны, по словам Аристотеля, имеют место из-за стремления к *«приобретению собственности»* (в первую очередь — рабов). При этом *«конечной целью войны служит мир»*, и именно мирную жизнь должен обеспечить своему народу достойный правитель. Если же политический лидер заботится только о собственном благе, страну ждет неминуемый государственный переворот. К такому же итогу может привести и социальное неравенство, для преодоления которого *«люди вступают в распри»*.

Хотя у Аристотеля организационной формой преодоления конфликтов между людьми, опять-таки, служит государственная адми-

нистрация, гораздо большее значение имеет принцип справедливости¹⁶. Именно справедливость исполняет роль регулятора отношений между гражданами, являясь, как выразился украинский философ В.Л. Павлов, *«нравственным знаменателем, на основании которого субъекты бесконфликтно осуществляют совместную жизнедеятельность»*.

Справедливость в некоторых сферах жизни предопределена природой вещей, однако человеку доступна и *«справедливость по закону»*, созданная им в процессе общественного развития. По сути, граждане должны неуклонно следовать требованиям закона, а государственные деятели — следить за тем, чтобы законы были справедливы, поскольку совершенно невозможно *«удержаться государственному строю, находящемуся в противоречии со справедливостью»*.

Аристотель отлично понимал, что значительная часть конфликтов в сфере человеческих взаимоотношений связана с повышенными притязаниями некоторых граждан на обладание предметами, правами и привилегиями. Эти притязания порождают противодействие, так как *«никто не хочет терпеть несправедливость»*. Для решения данной проблемы философ предлагал установить четкий порядок распределения различных социальных благ *«по достоинству»*. Этот принцип требовал не только справедливых законов, но и их беспристрастного исполнения. Как пояснял это Аристотель, *«ищущий справедливости ищет чего-то беспристрастного»*, что, в свою очередь, заставляет обратить внимание на поведение людей, ответственных за принятие решений.

Интересны следующие слова Аристотеля: *«...добродетели существуют в нас не от природы и не вопреки природе, но приобрести их для нас естественно»*. Как ни странно, этот несложный тезис в идеализме является одним из ключевых. Суть его в том, что ***человеческая природа предполагает предрасположенность к сотрудничеству, взаимопомощи и ведению конструктивного диалога***. Однако степень воплощения этих добродетелей в каждой личности определяется комбинацией множества взаимодействующих условий и факторов.

¹⁶ В эпоху Античности понятие «справедливость», наверное, как никакое другое привлекало внимание мыслителей. Например, римский юрист Марк Туллий Цицерон считал, что справедливость состоит в том, чтобы «никому не наносить вреда, если только тебя не вызвали на это несправедливостью».

Этому феномену посвящены следующие слова из трактата «Большая этика»: «...от нас зависит быть людьми достойными или дурными».

В соответствии с данной мыслью бесконфликтное состояние любой системы отношений является для нее не переходом в новое качество, а возвращением к идеалу, предопределенному самой природой этой системы.

Сколь ни велик был вклад античных авторов в развитие идеалистической школы, вышеназванные постулаты были полнее всего раскрыты китайским мыслителем Конфуцием. О трудах этого философа, к сожалению, известно немного, и знаменитая книга «Беседы и суждения» была составлена не им, а его учениками. Конфуций, как и его греческие коллеги, разделял мнение, что причиной конфликтов является неравенство людей и их пороки (упрямство, лесть, лживость, корыстолюбие и т.д.). Однако его взгляды предполагали совершенно иной формат поведения людей в конфликтной ситуации.

Например, в конфуцианстве достоинством считалось проявление сдержанности, спокойствия в конфликте. Доказательство собственной правоты должно строиться на внятной и сдержанной аргументации, не допускающей эмоциональных реакций. Способность примириться с причиненной несправедливостью является добродетелью, в то время как подчеркивание и обострение возникших разногласий не пристало достойному человеку. Попытка открыто уличить кого-то в совершенном преступлении считалась грубым и невоспитанным поступком¹⁷, а человек готовый к компромиссу заметно выигрывал в глазах общества. Как говорил по этому поводу Конфуций: «*Не делай другим того, чего не желаешь себе, и тогда в государстве и в семье к тебе не будут чувствовать вражды*».

Мыслитель считал, что конфликтное поведение свойственно простолоудинам, которые заботятся лишь о личной выгоде, а аристократы (благородные мужи), напротив, ведут себя достойно и своими поступками не возбуждают противоречий, так как для них самое

¹⁷ В этом Конфуцию вторил греческий философ Сократ, по словам которого «лучше терпеть несправедливость, нежели причинить ее».

главное — порядок¹⁸. Без сомнения, этот подход ярким образом свидетельствует об идеалистической природе конфуцианского учения. Об этом же говорят и следующие слова Конфуция, обращенные к правителям государства: «...*стоит захотеть добра, и народ станет добрым*».

Причины подобного взгляда на жизнь обусловлены тем, что общество, по мнению китайских мыслителей, изначально находится в состоянии покоя и лишь действия отдельных его членов нарушают стабильность, что выражается в конфликтах. При этом между социальным покоем и социальным конфликтом есть промежуточное звено — духовное пространство, в котором заложены главные законы существования окружающего мира. Неправедные действия людей способны поколебать этот пласт мироздания, что приводит к негативным последствиям в материальном мире не только для виновника нарушения, но и для других людей. Соответственно, конфликты в обществе свидетельствуют не о разногласиях между конкретными личностями, а о проблемах глобального порядка в мистическом плане бытия, из-за которых конфликт вообще стал возможен.

В этом ключе фраза Конфуция «*я предпочитаю предотвращать спорные вопросы*» приобретает особый смысл — способность людей избежать конфликтов равнозначна соответствию их поведения скрытым от обывателей законам мироздания. Одним из факторов подобной гармоничности являются отношения преданности между начальником и подчиненным, существующие на нематериальном уровне. Помимо этого необходимо соблюдение традиций, следование ритуалам, почитание старших и т.д.

¹⁸ Французский писатель первой половины XX в. Р. Роллан, соглашаясь с данной мыслью в неявной форме, в статье «Долг интеллигенции в борьбе с войной» 1927 г. именно интел-лектуальную элиту посчитал наиболее близкой к описанному идеалу и обратился к ней с призывом: «*Я хотел бы, чтобы именно теперь интеллигенция, осознав общую для всех опасность и ответственность, взяла на себя почин проведения “мобилизации в защиту мира” в противовес горячечному бреду военных мобилизаций, который охватил все правительства. Я хотел бы, чтобы между интеллигенцией разных стран крепились дружественные связи, чтобы они создали международные Центры для обмена мыслями, как европейские, так и всемирные, ибо в наши дни на карту поставлена судьба всего человечества, и каждый народ лишь часть одного гигантского тела*».

Естественно, в таком ракурсе конфликт является злом, его необходимо устранить, вернув социальный покой, не предполагающий столкновения интересов. Человек, допустивший нарушение установленных правил, должен быть наказан: Конфуций однажды потребовал от одного из китайских правителей казнить чиновника, допустившего ошибку при составлении официальных документов. Мало того, с точки зрения конфуцианства, если в какой-то стране имел место государственный переворот, то в такую страну можно и нужно вторгнуться, чтобы восстановить в ней законное правительство. Когда один из китайских правителей поднял поземельный налог, а ученику Конфуция Жань Цю было поручено исполнение этого поручения, философ сказал остальным ученикам: *«Вы можете, развернув флаги, с барабанным боем напасть на него»*.

Иными словами, идеализм Конфуция не носил исключительно гуманистического характера, так как и для восточных, и для многих античных мудрецов материальный мир был не так важен, как «мир идей».

Как следствие, бесконфликтность изначально носит не материальный, а идеальный характер и потому должна быть образцом, который необходимо перенести на современную социально-политическую почву.

В юридическом плане конфуцианская доктрина в итоге способствовала распространению принципа «10 зол» — наиболее тяжких преступлений, сурово каравшихся в Китае испокон веков.

Первое зло — *«заговор о мятеже против государя»*, что включало любое посягательство на благополучие правителя.

Второе зло — *«великое непокорство»*, т.е. сопротивление существующим порядкам правового и морального характера (к данной категории можно было отнести, например, разрушение храма или разграбление могил предков императора).

Третье зло — *«измена»*, а именно мятеж против законной власти, бегство из страны или переход на сторону противника в ходе войны.

Четвертое зло — *«неподчинение»* включало преступления против близких родственников (убийство, попытка такого или умысел

убить) и являлось нарушением конфуцианского требования уважать и почитать старших.

Пятое зло — *«порочность»* означало совершение преступлений с особой жестокостью или ухищрениями (расчленение трупа, использование колдовства или яда).

Шестое зло — *«великое непочтение»* означало нарушение особо значимых запретов (кражу предметов культа, личных вещей императора и т.д.), а также непреднамеренное допущение оплошностей при исполнении важных служебных обязанностей.

Седьмое зло — *«выражение сыновьей непочтительности»*, т.е. неподчинение родителям, включало обвинение старших родственников в неблагоприятных поступках, раздел имущества без согласия родителей и т.д.

Восьмое зло — *«несогласие»* между кровными родственниками, по сути, выражалось в форме физического насилия по отношению к членам семьи, доноса на старших или умысла продать родственника в рабство.

Девятое зло — *«неправедность»* включало преступления, совершенные друг против друга субъектами вертикального подчинения, т.е. покушение солдата на командира, подчиненного на начальника, оскорбление женой мужа и т.д.

Десятое зло — *«кровосмесительные половые связи»*, которые приравнивались к поведению животных.

Характерно, что наказания за подобные поступки в Китае, с точки зрения современного человека, с трудом можно назвать гуманными. К примеру, первые три «зла» предполагали в качестве наказания смертную казнь (обезглавливание), которой также подвергались отцы преступников, сыновья старше 16 лет, а женщины семьи обращались в рабынь.

Как следствие, более позднее китайские философы вовсе не стремились критиковать Конфуция за идеализм, а развивали его учение в гуманистическом, морализаторском направлении. Так, мыслитель Мэн-цзы говорил: *«Если подчинять людей силой, они покорятся не сердцами, а только внешне, ибо у них недостаточно сил противиться. Но если завоевывать людей добродетелью, их сердца будут довольны и они подчинятся сами, как это сделали семьдесят учеников Конфуция»*. Только совершенномудрый правитель — «ван» — спосо-

бен воплотить этот принцип в жизнь, так как его власть носит нравственный характер. В свою очередь, правитель, опирающийся на силу вместо добродетели, является всего лишь гегемоном.

Стоит заметить, что большинство вышеназванных представителей идеалистической школы, описывая схему построения бесконфликтного государства, вовсе не предполагали его всеобщности. Иными словами, отсутствие конфликтов, по их мысли, можно обеспечить лишь в ограниченных территориальных рамках. Фактически, говоря об «идеальном государстве», философы имели в виду не абстрактное, а конкретное государство, которое может существовать без внутренних противоречий только в обозначенных ими условиях.

Это означало, что отсутствие внутренних конфликтов в таком государстве вовсе не равнозначно искоренению конфликтов внешних. По-видимому, это было обусловлено тем, что для большинства мыслителей внутренний мир человека был гораздо важнее внешнего, и данный принцип был экстраполирован на межгосударственные отношения.

Продолжая изучение творчества идеалистов, заметим, что описанные идеи стали особо популярными в Европе в XV–XVI вв. Это было время, когда широкой популярностью стала пользоваться идея четкого разграничения идеалистического и теологического учений. Речь шла как об «очищении» христианства от античных идей, так и о возвращении к греко-римскому наследию в политической теории и практике.

Вообще, понимание новоевропейской (в широком смысле) модели интерпретации роли конфликтов и противоречий в обществе невозможно без осознания степени трансформации общих мировоззренческих конструктов. Генезис новоевропейской философской традиции был связан с разрывом со средневековой схоластикой. Новый тип философствования и мышления предполагал обоснование собственных принципиально новых установок. Человеческий разум стал краеугольным базовым основанием новой европейской философии. Своеобразной «вершиной» новоевропейского мировоззрения стала эпоха Просвещения, которая осознавала себя в качестве *«эпохи разума и света, возрождения свободы, расцвета наук и искусств»*.

Впрочем, первые представители возрожденного идеализма поначалу старались следовать намеченным предшественниками путем, обращая свое основное внимание на политические и этические аспекты преодоления конфликтности. Лидирующее место здесь заняли итальянские философы.

Стремление к бесконфликтности в эпоху Возрождения для жителей Апеннинского полуострова, по-видимому, являлось прямым и естественным следствием регулярных конфликтов между итальянскими республиками. Так, великий поэт Ф. Петрарка в письме кардиналу Дж. де Колонна приводит следующее суждение о традициях и жителях местечка Капраника, где он однажды остановился по пути в Рим:

«Здесь ничего не делается без оружия. Всю ночь со стен доносятся крики стражи; возгласы призывающих к оружию заменили мне звуки, которые я привык извлекать из нежных струн. Ничего безопасного ты не увидишь у жителей этих пределов, ничего миролюбивого не услышишь, ничего человеческого не заметишь — лишь война и ненависть и все прочее, подобное дьявольским козням».

Эти строки весьма красочно выражают отношение интеллектуалов той эпохи к вооруженным столкновениям, получившим широкое распространение и препятствовавшим интенсивному возрождению античной культуры, к чему призывали многие мыслители.

В конце XIV в. писатель и педагог-гуманист Дж. Конверсини да Равенна, ссылаясь на античный опыт, в работе «Драгмалогия о предпочтительном образе жизни» приписывает республиканской форме правления наибольшую политическую конфликтность: *«Силы и богатства знаменитых республик афинян и лакедемонян постоянно истощались во внешних войнах и гражданских распрях, и лишь при царях они вздохнули спокойно».* В этом видна его солидарность со многими древнегреческими идеалистами, полагавшими правление «лучших людей» более адекватным задаче всеобщего примирения.

Другой итальянец — Дж. Пико делла Мирандола — в «Речи о достоинстве человека» (конец XV в.) приходит к такому заключению:

«Дома у нас идет тяжелая междоусобная распря и гражданская война. Если бы мы захотели и страстно пожелали мира, который

поднял бы нас так высоко, что мы оказались бы среди возвышенных Господа, то единственное, что успокоило бы и обуздало нас вполне, это философия морали. И если бы человек в нас самих просил бы у “врагов” только перемирия, то и тогда обуздал бы свои животные порывы и пылкий гнев льва. И если, заботясь о себе, мы пожелали бы затем вечного мира, то он наступил бы, обильно утолив наши желания, и, принеся в жертву двух животных, заключил бы между телом и духом нерушимый договор о священном мире».

Для понимания данного отрывка необходимо в первую очередь обратить внимание на следующие ключевые моменты. Во-первых, мирная жизнь в данном фрагменте признается абсолютным благом, которое способно «поднять» человека, т.е. способствовать его личностному развитию. Во-вторых, именно единение духовного и материального мира (договора «*между телом и духом*») является одновременно условием и последствием отказа от насилия. В-третьих, «*философия морали*» как универсальное средство решения противоречий является фактором снижения уровня агрессивности в обществе за счет того, что позволяет обуздать «*животную*» часть человека.

Как писал Пико делла Мирандола, «*естественная философия уймёт споры и борьбу мнений, которые угнетают, раскалывают и терзают беспокойную душу*». Говоря о том, что «*невозможно найти в природе настоящего покоя*», мыслитель обращает внимание читателей на необходимость духовного самосовершенствования, которое как раз и достигается благодаря философии и религии.

Эта концепция является, в каком-то смысле, попыткой синтеза античной философии и христианской догматики, что было характерно для некоторых мыслителей эпохи Ренессанса. Однако завоевать умонастроения людей в то время оказалось сложнее, чем в Древней Греции. И обывателям, и элите требовались конкретные рецепты избавления от бедствий, опирающиеся на опыт социально-политического развития и гарантирующие успех. Как заметил польский публицист А. Свентоховский, «*недостаточно бывает дать людям принципы желательного общественного строя, им надо видеть этот строй целиком, во всех мелочах и найти в нем удовлетворение всех своих нужд и опасений*». В результате сторонники идеалистической

школы стали стремиться обрисовать бесконфликтное общество во всем его многообразии, не упуская даже мелких деталей, чтобы создать о нем максимально реалистичное представление. Первым на этот путь встал английский писатель Т. Мор, перу которого принадлежит книга «Утопия», давшая название целому жанру.

Хотя известный российский психолог и философ А.С. Кармин и предлагал оставить «*утопические социальные теории*» вне поля зрения конфликтологии, в указанный период именно утописты подхватили «знамя» идеалистической школы.

В книге Мора, как несложно догадаться, описывался очередной вариант «идеального государства». Практически все принципы, на которых оно строилось, были в той или иной мере заимствованы у предшествующих авторов-идеалистов. Так, мифическая страна состояла из 54 городов с идентичным внутренним устройством, что свидетельствует о согласии автора со вторым тезисом идеалистической школы. В Утопии нет частной собственности, как и у Платона (Мор тоже считал ее корнем почти всех бед и конфликтов¹⁹). Наконец, как и предшественники, английский писатель не исключал возможность внешних войн, вследствие чего граждане Утопии должны упражняться в военном деле. По сути, своей книгой Мор пытался реанимировать идеи прошлого, несколько поколебленные в период доминирования христианской догматики.

Главное отличие взглядов автора «Утопии» от других идеалистов состоит, наверное, в том, какую форму правления он избирает для своего идеального государства. Несмотря на наличие монарха, большинство государственных должностей носят выборный характер. Это принципиально отличает строй Утопии от «идеального государства» Платона или Конфуция.

¹⁹ Некоторым повторением этих идей стал и роман английского поэта XIX в. У. Морриса «Вести ниоткуда, или Эпоха спокойствия», в котором показан мир без частной собственности, без государства и институтов принуждения (люди объединены в самоуправляемые общины), без неравенства (ликвидирован даже институт брака). Города трансформировались в огромные сады, и человек живет в мире с природой. Труд, основанный на творчестве, является ценностью и мотивирован желанием преобразить окружающий мир. Британский историк А.Л. Мортон сказал, что только «*Моррису удалось изобразить такое утопическое государство, в котором хочется жить*».

Идеалисты все более склоняются к мысли, что избежать социальных конфликтов без эффективно действующих институтов демократии невозможно. Человек нуждается в свободе самовыражения, в том числе и политического. После наблюдения за поведением себялюбивых монархов в период Средневековья обывателю сложно поверить в стремление элиты заботиться исключительно о благе народа. Как следствие, идеал общественного устройства может существовать только при разделении властных функций, а высокая концентрация власти (в руках философов или благородных мужей), напротив, крайне ненадежна²⁰.

20

Надо сказать, что даже много лет спустя выхода в свет «Утопии», европейские ученые поддерживали данную идею. К примеру, французский математик XVIII в. Ж.А. Кондорсе разделял подобные убеждения. Фундамент его учения включал в себя веру, что основной конфликт, красной нитью проходящей через все историческое развитие человечества, — это конфликт между прогрессивными и регрессивными общественными силами. Исторический прогресс определяется как прогресс разума, который проявляется в увеличении, углублении и распространении знаний. Показателями регресса становятся, напротив, утрата, забвение и искажение знания. В ходе истории разворачивается борьба между силами, поддерживающими суеверие и невежество, и людьми, открывающими новое знание.

В процессе исторического развития градус этого конфликта повышался, однако разрешение его представлялось французскому философу делом недалекого будущего. Разрешение основного социально-исторического противоречия и окончательная победа разума связываются Кондорсе в его периодизации всемирной истории с десятой исторической эпохой, представляющей окончание, завершение пре-

²⁰ До сих пор подобное отношение к демократии пользуется популярностью у профессиональных конфликтологов. В частности, профессор Е.И. Степанов в одной из статей 1998 г. проводил мысль, что конфликтология *«выступает необходимым компонентом, демократизирующим общество переходного периода»*. Собственно, в задачи конфликтологов в числе прочего входит внедрение демократии в сферу общественных отношений, так как это является залогом предотвращения и цивилизованного урегулирования значительной части конфликтов в обществе.

дыдущей истории человечества. Будущая эпоха должна кардинально отличаться (безусловно, в лучшую сторону) от прошлой истории человечества. В числе прочего это должно проявиться в смягчении и нивелировании социальных конфликтов любого уровня. Такая возможность открывается перед человечеством, поскольку прогресс разума не ограничивается материально-техническим прогрессом, а раскрывается также в социальном и морально-этическом измерении. Объективные факторы, которые могут продуцировать антагонизмы и столкновения в обществе в результате материального прогресса, будут разрешаться рациональным образом.

Американская и французская революции трактовались в качестве пролога новой эпохи, а скорое повсеместное распространение принципов и идей французской конституции в мире рассматривалось как нечто неизбежное. Победа прогрессивных сил в Европе и Северной Америке, казалось, означала глобальную победу разума. Опираясь на свои достижения, Европа должна была просветить колониальные народы, прогресс которых благодаря этому окажется гораздо более быстрым и легким. В ходе распространения принципов нового порядка Кондорсе допускал использование как «мягких», так и «жестких» методов, поскольку «дикие» племена, цивилизовать которые будет невозможно, должны или исчезнуть вообще, или раствориться в среде более развитых.

Безусловно, философско-историческая идея Кондорсе о возможности достижения оптимального, практически бесконфликтного общественного порядка с позиций современной эпохи может представляться утопической. Однако установка на рационализацию как общественного, так и личного отношения к причинам и предпосылкам любых конфликтов является актуальной и в настоящее время.

Продолжая мысль французского философа, можно говорить о том, что в каждой конфликтной ситуации всегда наличествует потенциальная возможность ее разрешения рациональными средствами, путем воздействия на конфликтогенные факторы или на наше к ним отношение.

Например, социально-экономические причины, продуцирующие социальную напряженность, могут быть существенным образом

нивелированы посредством активной социальной политики. Кондорсе, рассматривая этот вопрос, не говорит об установлении полного равенства людей и необходимости уничтожения истоков неравенства, наоборот, такие попытки чреваты открытием новых, *«более обильных источников неравенства»*. Речь шла не о кардинальной трансформации структуры общества в сторону тотальной эгалитарности, а скорее о социальной инженерии, направленной на смягчение последствий неизбежного неравенства. Французский философ предлагает ряд практических мер в данной области: уменьшение имущественной дифференциации (искоренение нищеты и чрезмерного богатства), обеспечение социальных гарантий для людей, живущих своим трудом, развитие и реформа институтов образования, направленных на профессиональную подготовку и социализацию.

В условиях рационального миропорядка количество конфликтов неизбежно должно будет уменьшиться, поскольку поведение индивидов будет определяться не эгоистическими мотивами, традиционными нормами или аффективными импульсами, а рациональными установками²¹. Характерно, что господствующие социальные слои, согласно Кондорсе, скорее оказываются регрессивными силами. Жреческо-священный слой ради сохранения власти пытается монополизировать знания, а следовательно, тормозит прогресс и способствует распространению невежества и суеверий. Властные элиты, несмотря на заинтересованность в материально-техническом прогрессе своих государств, из-за стремления сохранить властную монополию также проводят политику ограничения распространения знаний и борьбы со свободомыслием. Напротив, простой народ по мере широкого распространения знаний становится прогрессивной общественной силой.

Несмотря на спорность подобных утверждений и достаточно скептическое отношение к ним современных социологов, они просуществовали весьма продолжительное время. Например, в 1964 г. американский исследователь Д. Бабст в краткой статье «Выборные правительства — сила для мира», следуя логике Т. Мора и Ж.А. Кондорсе, настаивал на том, что в период с 1789 по 1941 г. в мире не было ни

²¹ Решение конфликтов на почве возможного перенаселения Кондорсе также находил в рационально-этическом ключе: люди, понимая свою ответственность перед будущими поколениями, начнут более осознанно подходить к рождению детей.

одной войны между независимыми государствами, возглавляемыми выборными правительствами. Именно в выборности государственных органов автор видел причину миролюбия этих стран по отношению друг к другу. Спустя 12 лет его выводы и аргументы были полностью опровергнуты профессиональными конфликтологами М. Смоллом и Д. Сингером, но до сих пор цитируются некоторыми зарубежными сторонниками демократии.

Рациональность подхода Мора пытался оспорить еще в XVII в. итальянский монах и мыслитель Т. Кампанелла. Его книга «Город Солнца» содержала как уже известные нам формулы построения бесконфликтного общества, так и определенный набор нововведений. Например, Кампанелла видел причины ссор и распрей в людских пороках и считал необходимым *«отрешиться от себялюбия»*. Помочь в этом рядовым гражданам, по уже сложившейся традиции, должно государство, следящее за соблюдением строгого социального равенства. В представлении автора людские пороки можно искоренить за счет обучения (с детского возраста) и наказания за несправедливые поступки. В целом еще платоновская схема воспроизводилась с довольно высокой точностью.

Однако в вопросе о характере верховной власти Кампанелла разошелся с коллегами-идеалистами. В его представлении управление страной должен осуществлять первосвященник, сочетающий знание философии с религиозными убеждениями. По сути, в «идеальном государстве» и правитель должен быть «идеальным» — он обязан разбираться в метафизике, богословии, астрологии, математике, истории, знать законодательство, обычаи и обряды всех стран и народов, владеть иностранными языками и различными ремеслами и т.д.

Интересно, что в этой системе глава государства является исповедником для всех граждан и через исповедь узнает их помыслы. Помимо этого имеет место рабовладение, труд является обязанностью (не правом), а любой враг государства и господствующей религии преследуется самым жестоким образом.

Современные читатели назвали бы этот строй тоталитарным, поскольку в нем реализованы основные принципы данного политического режима: культ личности вождя, всеобщий надзор и слежка, преследование инакомыслящих и т.д. В каком-то смысле подобное сравнение справедливо, так как Кампанелла смог осознать одну из важ-

нейших особенностей развития социальных систем — **уровень конфликтности зависит от уровня свободы**. В этом состоит четвертый постулат идеалистической школы, с которым в каком-то смысле нельзя не согласиться. Свободный человек имеет право на конфликт и в любой момент может им воспользоваться, значит, для предотвращения конфликтов права граждан должны быть ограничены. В XVII в. казалось, что чем сильнее это ограничение, тем более стабильным и гармоничным («идеальным») будет общество. Даже в настоящее время есть мыслители, убежденные в правоте данной мысли. Например, в работе «Книга небытия» российский философ В. Филатов выразил согласие с утопистами следующей фразой: *«Парадоксально, но чтобы реализовать собственную свободу, человек должен убить в себе и в обществе иллюзию свободы, пока она не убила его самого»*.

Подтверждая родство этой мысли с тоталитарными тенденциями, российский социолог А.Г. Здравомыслов пишет: *«В обществе тоталитарного типа конфликт не признается. Он изгоняется из области регулирования общественных отношений и заменяется единообразием и полным согласием с существующей системой власти»*.

Так что основные принципы тоталитаризма, как ни странно, были созданы мыслителями идеалистического толка и имели своей целью не столько достижение безграничной власти, сколько улучшение жизни людей.

Надо сказать, что подход Кампанеллы вовсе не был необычным для утопистов — почти все они стремились ограничить свободу людей. Так, в утопическом романе Э. Кабэ «Путешествие в Икарию» жестко регламентирована не только экономическая или политическая, но даже интеллектуальная жизнь граждан, например, в литературе господствовала цензура. В сказке К. Мережковского «Рай земной» руководители общин максимально ограждают воспитываемых детей от интеллектуальных занятий и распространения потенциально «опасных» знаний.

Как указал в одной из своих статей профессор ВГГУ²² А.Е. Ануфриев:

«утопические жанры ограничивают поведение человека лишь заданной ролью в ритуале. Она предполагает отказ от свободного

²² Вятский государственный гуманитарный университет.

выбора, подчинение иерархическим отношениям, полное растворение в близком множестве, потерю индивидуальных качеств».

Собственно, именно это и обеспечивает отсутствие конфликтов любого рода.

Интересно мнение об утопиях британского историка Дж. Дэвиса. В работе 1984 г. «История Утопии: хронология несуществующего места» исследователь пришел к выводу, что настоящим «идеальным государством» ни остров Мора, ни город Кампанеллы не были. Их несовершенство обусловлено наличием политической системы, а политика как раз и нужна для регуляции отношений в ситуации конфликта по поводу каких-либо дефицитных благ. По-настоящему бесконфликтное общество может быть только при наличии и совершенной системы управления, и лишенных недостатков граждан. В проектах же представителей идеалистической школы реализуется лишь один из этих двух компонентов.

Продолжая эту мысль, отметим, что утопические идеи, вполне применимые для внутренней политики, никоим образом не касались предотвращения войн и вторжений. Поскольку в XVII в. рассчитывать на помощь высших сил в этом вопросе стало неактуально, некоторые конфликтологи-идеалисты обратились к поиску возможностей добиться искоренения внешних конфликтов людскими усилиями.

В частности, великий чешский педагог Я.А. Коменский в работе «Всеобщий совет об исправлении человеческих дел» приводит ряд интереснейших суждений в русле конфликтологического идеализма. Вот его слова о специфике военно-политических конфликтов:

«Распри этого рода я называю бесчеловечностью, ибо человек, сотворенный по образу Божьему, обязан быть всегда и во всем приветливым, благопристойным и миролюбивым».

Ключевым моментом является употребление Коменским слова «обязан», что переводит конфликт из категории неблагоприятного поведения в категорию поведения преступного по отношению к себе и окружающим. «Мы должны неустанно искать пути к тому, чтобы заменить бесчеловечность человечностью», — продолжает Коменский. Опять звучит глагол долженствования. Это означало, что уже не государство, как считали античные греки, должно обеспечивать бес-

конфликтность, а каждый гражданин обязан направлять на это свои усилия.

Что касается средств достижения идеальной гармонии в обществе, то Коменский предлагал запретить телесные наказания, забыть обо всех ранее нанесенных обидах и несправедливостях, *«каждому предоставить свободно высказывать свои взгляды и спокойно заниматься своим делом»*.

Любопытно, что главный акцент в рассматриваемой книге был сделан на преодолении эффекта пролонгации конфликта.

Часто конфликтологи вынуждены сталкиваться с тем, что даже после достижения какой-либо договоренности между противоборствующими сторонами возникшая в ходе ссоры эмоциональная неприязнь приводит к возобновлению конфликта.

Коменский, очевидно, понимая эту особенность человеческой психики, настаивал на необходимости *«забвения прошлого»*. В этом же ключе выстроены и его советы государственным деятелям, которым предлагается *«действовать сообща, мирными средствами, не насильственно»*. Необходимость отказа от насилия объясняется тем, что подобным образом расчищается *«дорога новому (вероятно, большему) разладу»*.

В остальном Коменский повторял идеи предшественников: он, как и античные авторы, требовал *«выбрать выдающихся людей, которые посвятят себя тому, чтобы повседневно следить, словно с высокой звонницы, за сохранением справедливо установленного порядка»*. Как Платон и Аристотель, он призывал к честности и беспристрастности правителей и судей, которым следует быть *«неподкупно справедливыми, гуманными, единодушными в своем стремлении насаждать мир повсюду»*.

Объясняя суть этого взгляда, сотрудник Свободного Брюссельского университета Р. Зайдельман посчитал, что для идеалистов *«общества в принципе способны учиться и в качестве одного из важных шагов в таком историческом процессе обучения они могут научиться использовать ненасильственные механизмы как средство замены войн и*

других типов военных конфликтов». Интересно, что данный подход уже не совпадает с взглядами Аристотеля: теперь мира следовало добиваться не благодаря усилиям людей, а вопреки им. Людей необходимо обучить не конфликтовать, чего от рождения они не умели.

Отталкиваясь от выводов предшественников в области соотношения свободы и конфликтности, немецкий мыслитель И. Кант²³, по выражению философа Л.Е. Балашова, выступил с идеей ограничения свободы каждого человека и государства не далее тех пределов, *«которые необходимы для обеспечения равной свободы для всех»*.

Согласно концепции Канта социальные конфликты не являются *«непременными спутниками»* человечества. Первая историческая эпоха — эпоха *«мира и покоя»*, связанная с такими хозяйственными занятиями, как охота и собирательство, была бесконфликтной эпохой. Отсутствие конфликтов связывается с отсутствием принципиальных противоречий между группами людей, а также, по-видимому, с редкостью контактов между ними (*«ибо если бы люди жили бы близко друг около друга, оставаясь чуждыми, между ними возникла бы тотчас война»*).

Анализируя конфликтологические идеи И. Канта, необходимо разграничивать философско-антропологические основания социальных конфликтов и ситуативные причины. Исторически, по мнению мыслителя, первые столкновения между людьми вызываются конфликтом их хозяйственных интересов. Изменение хозяйственного уклада, т.е. переход от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству, привело к первым столкновениям в сообществах людей. Хозяйственные интересы скотоводов (например, свободный выпас скота без ограничения) вступали в противоречие с интересами земледельцев. Постоянная опасность вынуждала земледельческие сообщества удаляться от скотоводческих территорий и объединяться в большие поселения. В дальнейшем общественное развитие оказывается неразрывно связанным со скрытым напряжением и открытыми столкновениями

²³ Философская публицистика И. Канта хотя и связана в определенной мере с общей системой трансцендентальной философии, но в то же время в достаточно отличается от его теоретической философии и скорее характеризует его не как представителя немецкой классической философии, а как мыслителя эпохи Просвещения.

между людьми. Следует заметить, что очевидные причины конфликтов могут быть определены как ситуативные.

Вместе с тем, с философско-антропологической позиции немецкого философа основной причиной конфликтов является такое неотъемлемое свойство человеческой природы, как *«недоброжелательная общительность»*. Само это выражение может представляться оксюморонам наподобие выражений «горячий снег» или «бодрый меланхолик». Однако под общительностью следует понимать практику социальных интеракций.

Так, одним из неотъемлемых свойств человека является стремление к взаимодействию с другими людьми, но в то же время практически каждый стремится решать все по собственному усмотрению, исходя из своих целей и устремлений. Именно эти неотъемлемые свойства человеческой природы являются глубинными антропологическими основаниями конфликтов. Историческое развитие общества и культуры, по всей видимости, было связано именно с антагонизмами, которые заставляли людей не пребывать в состоянии покоя, а напряженно работать, для того чтобы занять положение в обществе.

В свою очередь, зарождение и развитие политико-правой сферы как раз и было связано с необходимостью «усмирения» изначальной конфликтности людей. Создание института права было вызвано необходимостью совместного противостояния наиболее опасным преступлениям. Генезис политических институтов, согласно Канту, также был обусловлен внутренней потребностью общества бороться с *«недоброжелательной общительностью»* людей, постоянно порождавшей антагонистические столкновения. В результате этого были заложены условия как для морального, так и для материально-технического прогресса.

В своих работах Кант нарисовал гипотетическую картину исторического развития человечества, согласно которой первые конфликты между земледельческими и скотоводческими племенами, вызванные имманентной человеческой неуживчивостью, привели к объединению и значительному прогрессу первых. Вследствие этого в поселениях земледельцев должны были появиться *«зачатки гражданского устройства и общественной справедливости»*. Однако если постоянная внешняя угроза со стороны кочевых скотоводов вынуждала первых правителей земледельческих поселений сохранять определенные

внутренние свободы, то объединение племен и снятие перманентной военной опасности, напротив, привело бы к регрессу в гражданском устройстве и способствовало установлению тирании, поскольку исчезал основной фактор, сдерживающий произвол правителя. Как следствие, верховная власть приобретала деспотический характер. Таким образом, риск внешнего вооруженного конфликта оказывался едва ли не основным фактором, обуславливающим определенный уровень внутривнутриполитической свободы.

При этом Кант, как и любой последователь конфликтологического идеализма, конечно, не мог быть апологетом войны. Сама по себе война определяется им как зло, которое могло исполнять положительную функцию лишь в прошлом. Действительно, исторический прогресс, наверное, был бы невозможен без войн, благодаря которым происходили повсеместное расселение людей, развитие политической и культурной сферы. Война и ее перманентная угроза долгое время играли роль факторов ускорения исторического прогресса, однако с течением времени, согласно Канту, их позитивный социально-политический потенциал был исчерпан.

Материально-технический прогресс неизбежно приведет к ситуации, когда война из-за разрушительности своих последствий станет неоправданной ничем. Страх перед тотальными разрушениями должен заставить все страны предпринять максимальные усилия для блокирования возможности вооруженных столкновений между государствами. Достижение этой цели связывается немецким философом с проектом «вечного мира», т.е. такого мира, который является не длительным перемирием между войнами и не результатом навязывания воли одной стороны, а скорее особым миропорядком. Этот миропорядок не есть нечто естественное для человека, но есть человеческое установление.

Положение о целесообразности всемирно-исторического развития является основной идеей социально-философских построений Канта, поэтому если конечная цель по какой-либо причине окажется недостижимой, то всемирно-исторический процесс потеряет смысл, *«как спектакль без развязки и замысла»*.

Крупнейшим конфликтологическим опусом Канта стал трактат «К вечному миру» (1795).

В этом произведении автор признал специфической чертой сложившейся в XVIII в. системы международных отношений «вечную угрозу» войны. Причина этого — в «независимости от внешних законов», вследствие чего каждая страна не признает авторитета и прав других стран и народов. То есть государства сами создают законы, по которым живут, а значит, для их правителей нет высшего авторитета. Таковой силой должно стать международное право, а странам следовало заключить юридические соглашения о мирном разрешении возникающих противоречий. Однако полное искоренение межгосударственных противостояний возможно только при условии объединения всех стран в общемировое государство, существующее по единым для всех законам и правилам²⁴.

Возможность рационального установления «вечного мира» для Канта означала триумф человеческого разума, развитие которого подстегивалось именно «недоброжелательной общительностью» людей. Политико-юридическими основаниями универсального мира должны стать три принципа: гражданское устройство каждого государства должно быть республиканским; международное право должно быть основано на федерализме свободных государств; международные контакты ограничиваются условиями «*всеобщего радушия*».

Опираясь на эти общеполитические принципы, философ уже в начале вышеупомянутого трактата вывел несколько правил международных отношений, которые должны сделать возможным существование мира между странами.

1. *«Ни один мирный договор не должен считаться таковым, если при его заключении тайно сохраняется основание для будущей войны».*
2. *«Ни одно самостоятельное государство (большое или малое — это безразлично) не должно быть приобретено другим государством ни по наследству, ни в обмен, ни куплей, ни в виде дара».*
3. *«Постоянные армии должны со временем полностью исчезнуть».*

²⁴ Данную идею поддерживали не только европейские мыслители. Например, японский публицист второй половины XIX в. Уэки Эмори ратовал за создание «всемирного объединяющего правительства», призванного провести массовое сокращение вооруженных сил в мире.

4. *«Государственные долги не должны использоваться для внешнеполитических дел».*
5. *«Ни одно государство не должно насильственно вмешиваться в политическое устройство и правление других государств».*
6. *«Ни одно государство во время войны с другим не должно прибегать к таким враждебным действиям, которые сделали бы невозможным взаимное доверие в будущем состоянии мира, как, например, засылка убийц из-за угла, отравителей, нарушение условий капитуляции, подстрекательство к измене в государстве неприятеля и т.д.».*

Обращает на себя внимание, что, следуя заветам некоторых утопистов, Кант считал возможным устранение профессиональных вооруженных сил и введение вместо них добровольного обучения граждан обращению с оружием. Следует учитывать, что добиться добровольности в любом деле, по Канту, можно только на основе утверждения этой идеи в коллективном сознании общества — усилий отдельных личностей для реализации такой задачи недостаточно.

При этом окончательное прекращение вооруженных внешнеполитических конфликтов не единственно возможное измерение успеха человеческого разума в борьбе с социальными конфликтами. «Вечный мир» является необходимым условием установления всемирно-гражданского состояния (общественного устройства, при котором индивиды, обладая максимальной внешней свободой, оказываются скованными максимальной моральной необходимостью соблюдения прав других людей). Таким образом, люди, добровольно подчиняясь общепризнанной воле, будут при этом ощущать себя свободными.

Для Канта подчинение общей воле не означает порабощения человека — напротив, только оно и дает ему возможность быть свободным. Читателям, не согласным с этой мыслью, автор предлагал поразмышлять о том, почему они, находясь в окружении других людей, вообще могут свободно совершать самые элементарные действия (перемещаться по городу без оружия, оставлять на время свои квартиры, помещать свои деньги в банк и т.д.). Признавая охраняющую функцию закона и стоящую на его страже силу государственного принуждения, читатель вынужден согласиться, что ограничения не отнимают, а даруют свободу. И речь не идет о страхе наказания как опре-

деляющем основании всемирно-гражданского состояния, а о моральном понимании другого как равнозначной цели.

«Целевое» отношение к другому человеку неизбежно ограничивает стремление к нарушению его прав в угоду своим интересам. Таким образом, всемирно-гражданское состояние должно базироваться на двух взаимосвязанных основаниях: морально-практическом и политико-юридическом. Правда, подобное всемирно-гражданское состояние, вероятнее всего, может быть связано только с весьма отдаленной исторической перспективой.

Впрочем, одной из важнейших заслуг Канта в конфликтологическом смысле было четкое, аргументированное обоснование еще античной идеи о непрерывности существования однажды достигнутого всеобщего мира. Всемирно-гражданское состояние понималось немецким философом не просто как конструируемая возможность, а как необходимая цель общественного развития. По сути, кантианский проект был направлен не на решение проблемы локальных конфликтов (последствий несовершенства системы международных отношений), а на устранение конфликтов в глобальном масштабе за счет переустройства всей системы межгосударственных отношений на инновационных принципах. Кант абсолютно верно предлагал бороться с причинами конфликтов, а не с последствиями. Сформулированные им принципы в случае их неотступного исполнения всеми субъектами мировой политики должны были гарантировать нерушимость мира, который недаром назван «вечным».

Тем не менее, даже признавая авторитет немецкого философа в вопросах предотвращения социальных потрясений и внешнеполитических разногласий, следует отметить, что описанное им идеальное состояние общества отнюдь не означает полного устранения ситуативных конфликтов, а скорее их смягчение, блокирование деструктивное форм их проявления как на внутригосударственном, так и на международном уровне.

По мнению вышеупомянутого профессора Дж. Дэвиса, идея вечной гармонии была свойственна и утопистам, для которых *«утопия подобна поезду, который изо дня в день ходит по одному маршруту. Разные пассажиры садятся и сходят с него, но путь его неизменен»*. В то же время Кант предпринял одну из первых попыток на уровне философской мысли решить проблему территориальной ограничен-

ности бесконфликтного общества. Его проект, без сомнения, оказал существенное воздействие на мировоззрение политических деятелей, а также придал исследовательский импульс мировой научной мысли.

После работ Канта многие мыслители обратили свои взоры на поиск практических методов достижения «вечного мира».

Английский политический философ начала XIX в. У. Годвин полагал главным средством избавления от войн создание нового социального строя, основанного на полном равенстве. Несложно себе представить, что в современных условиях гарантировать такое равенство можно только путем ограничения свободы, но Годвин считал иначе. По его мнению, новое качество жизни наступит в результате повсеместного распространения знаний и торжества Разума — в этом он был очень близок европейским пацифистам той эпохи. *«Народ, у которого воцарилось равенство, будет обладать всем для себя необходимым, если только у него будут средства существования, — писал Годвин. — Зачем же ему домогаться дополнительного богатства или территории?»*.

Подобная вера в разумность человечества и его готовность ограничить свои потребности, конечно, прямо говорит об идеалистическом характере данного учения. Любопытно, что справедливое перераспределение собственности, которое неминуемо последует за установлением нового социального порядка, должно быть добровольным. Гарантировать это можно путем просвещения и воспитания населения, которое должно самостоятельно осознать бесперспективность монархии и неравенства, сделав осознанный выбор в пользу равенства и демократии.

Годвин, как и Кант до него, попытался решить главную проблему идеализма — ограниченность «идеального» общественного строя узкими территориальными рамками одного государства. По его мнению, такое государство должно стать образцом для подражания, наблюдая за которым жители других стран смогут ввести у себя такие же порядки. Войну между демократическим и монархическим государствами Годвин считал неопасной: по его мнению, ни одна монархия не сможет нанести существенного вреда обществу равных людей, каждый из которых встанет на его защиту²⁵. Армия агрессора будет

²⁵ В 1983 г. эту мысль продолжил профессор Колумбийского университета М. Дойл, выдвинувший тезис *«демократии между собой не воюют»*.

обречена на поражение, так как столкнется не с другой армией, а с все-народным ополчением.

Этот принцип впоследствии стал активно использоваться марксистами. В частности, программа российской социал-демократической рабочей партии 1903 г. предусматривала *«замену постоянного войска всеобщим вооружением народа»*. Доказывая оправданность данного тезиса, В.И. Ленин отмечал, что *«постоянное войско везде и во всех странах служит не столько против внешнего, сколько против внутреннего врага. Постоянное войско повсюду стало орудием реакции, слугой капитала в борьбе против труда, палачом народной свободы»*, *«опыт Западной Европы показал всю реакционность постоянного войска. Военная наука доказала полную осуществимость народной милиции, которая может стать на высоту военных задач и в оборонительной, и в наступательной войне»*.

В итоге после прихода к власти в России большевиков согласно первым приказам нового Верховного Главнокомандующего Н.В. Крыленко в стране *«должна быть создана новая армия вооруженного народа»*. Параллельно с этим I Общеармейский съезд по демобилизации армии принял следующее постановление: *«Постоянная армия служила материальным орудием классового могущества буржуазии и строилась на принципе насильственного порабощения людей, скованной одной мертвой дисциплиной палки. Правительство Народных Комиссаров ставит на место постоянной прежней армии всеобщее вооружение народа, защищающего те формы социального и политического строя общества, которые единственно обеспечивают полноту власти Советов»*.

Вообще, советской политической теории и практике не были чужды идеалистические мотивы. К примеру, в отечественной литературе указанного периода долгое время доминировала идея бесконфликтности сюжетов. Так, в 1954 г. в статье *«Будни или праздники?»* профессор А.П. Эльяшевич настаивал на том, что *«нам нужна праздничная литература, не литература о “праздниках”, а именно праздничная литература, поднимающая человека над мелочами и случайностями»*. Одной из главных тем произведений был созидательный труд, который позволял конструктивно преодолевать разногласия психологического и политического свойства. Трагизм противоречий, имевших место в реальной жизни, часто затушевывался, а персонажи

книг показывались крайне схематично через призму своих социальных ролей.

Сюжетные линии произведений строились таким образом, чтобы у читателя создавалось впечатление, будто конфликт как явление общественной жизни в СССР отсутствует вовсе. Получалось, что социальные противоречия были характерны только для эксплуататорского, капиталистического общества, где наличествуют антагонистические классы. Советский строй считался если не идеальным, то близким к этому, поэтому конфликтов в жизни граждан быть не может. Все негативные эмоции связывались, как правило, со «старым», дореволюционным обществом.

Наряду с литературным творчеством схожие «бесконфликтные» мотивы звучали и в экономических программах СССР. Так, отечественные марксисты отстаивали идею о возможности создания экономической системы без конкуренции, т.е. без борьбы за ресурсы и рынки сбыта (без конфликтов). Для многих государственных и общественных деятелей одинаково конфликтными были как конкурентные, так и монополистические системы. Вновь обратимся к творчеству В.И. Ленина: *«...монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов».*

В самом общем смысле в рамках советской идеологии конфликтность долгое время расценивалась как феномен, присущий лишь определенному типу общественно-политических систем. Это находило отражение и в художественном творчестве, и в повседневной жизни граждан, например в социально-трудовой сфере. Место конкуренции заняло понятие «социалистическое соревнование», что подразумевало борьбу трудящихся за достижение наивысшего уровня в производстве материальных и духовных благ без противоречий и антагонизма.

Главным условием построения такой системы считалось отсутствие эксплуатации и общественная собственность на средства производства. По словам журналиста В.А. Бударина, взаимоотношения трудовых коллективов и предприятий в СССР строились на принципах *«товарищеского сотрудничества и братской взаимопомощи»*, но никак не конфликта. Однако оказалось, что одних только моральных

поощрений (почетных дипломов, значков и т.д.) за экономические достижения недостаточно для полномасштабного развития экономики на протяжении длительного времени. В общем, преодоление «теории бесконфликтности» шло непросто, однако в конечном счете оказало на отечественную социальную сферу положительное воздействие.

Стоит заметить, что в социалистическом лагере находились и противники отказа от конкуренции, например бельгийский экономист Г. де Молилари (сторонник анархизма). Его труд «Производство безопасности» получил широкую известность во второй половине XIX в., но к настоящему моменту, увы, забыт большинством специалистов. В рамках упомянутого эссе бельгийский мыслитель отстаивал мысль, что главной причиной вооруженных конфликтов является монополия государства на обеспечение внешней и внутренней безопасности. Вот его слова по этому поводу:

«Всюду, где возникают общества, мы видим, как самые сильные, самые воинственные народы захватывают исключительную власть над обществом. Всюду мы видим, как эти народы захватывают монополию на безопасность в некоторых более или менее обширных границах, в зависимости от своей численности и мощи. И поскольку по самой своей природе эта монополия чрезвычайно выгодна, мы всюду наблюдаем, как народы, наделенные монополией на безопасность, заняты жестокой борьбой для того, чтобы расширить охват своего рынка, количество принужденных ими потребителей, а значит, и объем своих выгод. Война является необходимым и неизбежным последствием установления монополии на безопасность».

С точки зрения де Молилари, лишь переход к системе коллективной безопасности, основанной на общественной инициативе, может обеспечить человечеству гармоничное существование:

«Под властью свободной конкуренции война между производителями безопасности совершенно теряет смысл. Зачем им воевать? Чтобы завоевать потребителей? Но потребители не позволят, чтобы их завоевывали. Они будут внимательно следить за тем, чтобы их защищали люди, беззащитно нападающие на лич-

ность и собственность своих соперников. Если бы некий дерзкий завоеватель попытался стать диктатором, они бы немедленно призвали себе на помощь всех свободных потребителей, которым угрожает такая агрессия, и обошлись бы с ним по заслугам. Точно так же, как война — естественное следствие монополии, мир — естественное следствие свободы».

Как ни странно, многие современные институциональные экономисты согласны с выводами бельгийского коллеги в том смысле, что вмешательство государственных органов в некоторые сферы жизни часто является неоправданным и даже вредным. И речь может идти не только о вмешательстве в экономические отношения, но и в те области, которые традиционно считаются прерогативой государства, например военная безопасность.

Впрочем, по авторитетному мнению профессора СПбГУ²⁶ К.С. Пигрова, выраженному в статье «Идея экономического порядка», даже в постсоветской России неконкурентное восприятие социально-экономической системы страны с успехом сохраняется. По словам профессора, в идеалистической модели «индивид должен быть способен к сотрудничеству, трудовому согласию, к участию в разделении труда», а гарантировать это должен предельно высокий профессионализм:

«Дилетант плох даже не тем, что он плохо ведет дело, а тем, что он покушается не на свое дело, нарушает установленный порядок распределения труда. Человек должен испытывать не только склонность к труду, но и стремление работать “в команде”, где он хорошо делает именно свое дело, дополняющее дело других».

Если учесть, что данный принцип относится не только к отдельным личностям, но и к национальным группам, Пирогов считает, что в современных условиях задача исследователей состоит в том, чтобы «выделить рациональную основу межнациональной кооперации». Иными словами, сторонники идеалистической доктрины должны создать теоретическую модель мировой экономики, в рамках которой принципы разделения труда, толерантности и работы «в команде» на общее благо положат конец не только национальной неприязни, но и ожесточенной конкуренции.

²⁶ Санкт-Петербургский государственный университет.

Таким образом, в XXI в. идеалистические тенденции в общественно-политической и правовой мысли не исчезли. Исследователи по-прежнему пытаются найти способ устранить конфликтные ситуации из сферы межличностных, межгрупповых и межгосударственных отношений. Из теорий, заслуживающих внимания, следует сказать об идее, изложенной в книге еще одного профессора СПбГУ — В.П. Бранского «Искусство и философия», 1999 г. К интересующей нас проблеме ученый предложил следующий подход:

«...при наличии всеобщей эстетизации все социальные конфликты должны превратиться в художественные контрасты, находящиеся в состоянии художественного равновесия. В этом случае на смену социальной борьбе приходит социальная гармония, которая в условиях полной эстетизации совпадает с художественной гармонией».

Как видно, залогом достижения социальной гармонии автор считает «всеобщую эстетизацию», под которой в науке и философии принято понимать стирание границ между миром художественной эстетики (можно даже сказать, художественного вымысла) и повседневной жизнью. Иными словами, от конфликтов можно избавиться, если приблизить поведение людей к эстетически правильным литературным или иным художественным шаблонам. На этой основе можно добиться «достижения абсолютного сопереживания», которое позволит кооперации победить конкуренцию в умах людей.

Данная трактовка, как и иные «бесконфликтные» модели общественного развития, в последнее время встречает резкую критику со стороны профессиональных конфликтологов. К примеру, доцент Высшей школы экономики Л.Н. Цой неоднократно указывала своим оппонентам на тот факт, что желание жить без конфликтов и противоречий, как правило, оборачивается для человека элементарным бегством от них. Обыватель хочет освободиться от разногласий, «как от кошмарного прошлого», — утверждает исследователь, — и построить свою жизнь бесконфликтно и без противоречий, а значит, не замечая и уходя от них».

Нельзя не отметить, что данная трактовка родилась в рамках «западной» науки, в то время как мыслители Востока строили свой конфликтологический идеализм с несколько иным расчетом. Крупнейшей фигурой среди китайских философов такого направления стал Кан Ювэй — поклонник конфуцианства и лидер «Движения

за реформы» в Китае на рубеже XIX–XX вв. Его основной труд с изложением утопических идей всеобщей гармонии назывался «Да Тун Шу» («Книга о Великом Единении»).

В этой книге автор, пытаясь найти способ построения идеального общества, пришел к выводу, что в рамках религиозной картины мира добиться этого невозможно. Кан Ювэй отверг и христианство, и ислам, и иудаизм, и брахманизм, и даосизм. Все эти религии, по мнению философа, не могут создать общество экономически равных граждан, а без этого немислим и отказ от конфликтов. В этом плане на автора, по всей видимости, сильно повлияли европейские утописты.

Для достижения китайской вариации «вечного мира» — «эры Великого Единения» — человечеству нужно избавиться от таких пороков как:

- 1) разделение мира на государства и племена;
- 2) сословное и расовое деление;
- 3) неравенство мужчин и женщин;
- 4) неуважение к закону и т.д.

Не менее важным, по мнению Кан Ювэя, являлось преодоление семейных и профессиональных различий, а также потребительского отношения к природе. По сути, его идеи, как и у предшественников-идеалистов, крутились вокруг достижения равенства (главным образом, экономического), но имели и весьма характерную для Китая этническую специфику. Например, как и европейские «коллеги», китайский философ связывал построение бесконфликтного общества с будущим, предлагая рассматривать человеческую историю через призму смены трех эр: «эры хаоса и смуты», «эры становления» и «эры Великого Спокойствия». Однако наступление первых двух периодов у разных стран и народов происходит не одновременно и зависит от множества параметров, ключевыми из которых являются экономическое и культурное развитие²⁷. Лишь третья «эра» должна настать по всей Земле одновременно, хотя эту мысль философ дополняет предупреждением:

«Невозможно государствам “эры хаоса” сразу попасть в эпоху “Великого Единения”, невозможно от старых обычаев абсолю-

²⁷ В этом ключе суждения Кан Ювэя о народах, находящихся по его классификации в состоянии «хаоса и смуты», порой носят откровенно оскорбительный характер — так он отзывался, например, о жителях Африки.

тизма сразу перейти к демократии. Абсолютизм, конституционализм, демократия, три эти способа управления, должны осуществляться по очереди, если очередность будет нарушена, это неизбежно приведет к хаосу».

Фактически Кан Ювэй ответил на вопрос современных российских ученых еще до того, как он был задан: «Возможен ли моментальный переход от тоталитаризма к демократии, минуя стадию авторитаризма?». Вопрос этот приобрел актуальность после распада СССР, когда отечественные политологи пытались классифицировать возникший в 1990-х годах в Российской Федерации политический режим. Склоняясь к идее о его авторитарном характере, значительная часть специалистов провозглашала его построение неизбежным следствием ликвидации однопартийной системы, существовавшей в нашей стране очень долгое время. Поскольку общество, привыкшее к длительному ограничению свободы, не может моментально перестроиться на либерально-демократических началах. Эту же мысль отстаивал еще в начале XX в. Кан Ювэй, предупреждая об опасности резких политических трансформаций без учета объективных условий их осуществления — это может спровоцировать войны, *«приведет к хаосу».*

Интересно, что деление мира на богатых и бедных считалось им едва ли не главной причиной большинства социальных конфликтов, а искоренить бедность философ предполагал путем уравнивания доходов граждан: *«Общество, которое устроится в эру Великого Равновесия и Великого Единения, [основано] на принципе равенства, ибо если установится равенство, не станет бедности».* Первейшим залогом достижения равенства провозглашалось распространение альтруизма, выражающегося в добровольном отказе богачей от наследственных прав на имущество, отчисление средств на общественные нужды и т.д. Мыслитель выступал против купли-продажи земли и был горячим критиком идеи экономической конкуренции:

«Теперешние ученые... в конкуренции видят прогресс. Если не будет конкуренции, говорят они, начнется упадок. Такая теория годится только для эры хаоса, а для эры Великого Единения она очень вредна».

По мысли Кан Ювэя, наступление «эры Великого Единения» должно быть ознаменовано созданием всемирного правительства, введением единого международного языка, упразднением частной собственности, заменой института семьи временными брачными соглашениями и привнесением достижений научно-технического прогресса во все сферы трудовой деятельности.

Наблюдая распространение геополитического влияния мировых держав на их более мелких соседей, Кан Ювэй считал это символом движения государств в сторону объединения и уничтожения границ. По его мнению, этот процесс должен занять примерно 200–300 лет, так что интеграционные проекты в современном мире (например, Европейский союз) к концу XXII в. должны увенчаться успехом. После этого, поскольку в мире не останется войн и конфликтов, человечество направит свои основные усилия на достижение бессмертия.

Сложно сказать, как китайский идеализм повлиял на научную мысль и современный общественный уклад. С одной стороны, приходится констатировать, что значительная часть исследователей, как в России, так и за рубежом, не считает достижение всеобщего равенства эффективным средством решения острых социальных проблем XXI в. В частности, известно мнение действительного члена Российской академии наук В.А. Тишкова по данному поводу:

«Общество — это часть живой природы. Как и во всей живой природе, в человеческих сообществах существует доминирование, неравенство, состязательность, и это есть жизнь общества. Социальное равенство — это утопия и социальная смерть общества».

С другой стороны, в современном Китае многие утопические идеи были с успехом адаптированы руководством страны и органично влились в социалистическую идеологию. В частности, мысль о главенствующей роли технических усовершенствований в эволюции системы социальных отношений в недавнем прошлом нашла отражение в подготовке китайской сборной к XXIX летним Олимпийским играм в Пекине. Как писали об этом российские журналисты, *«китайские спортсмены явили торжество индустриального типа, где все абсолютно автоматизировано и электрифицировано, включая и самих спортсменов».* В результате атлеты из Поднебесной продемон-

стрировали на играх феноменальный уровень подготовки даже в тех видах спорта, где успехов не добивались никогда прежде²⁸.

Что касается европейских и американских конфликтологов, то уже в XX в., как говорилось выше, большинство из них стали постепенно отказываться от идеала абсолютно бесконфликтного общества. Множество противоречий социального порядка и вооруженных столкновений (крупнейшими из которых были две мировые войны и «холодная война») способствовали появлению тезиса о природной конфликтности человека, которую он не в силах преодолеть. Тем не менее некоторая часть специалистов, не соглашаясь с данным тезисом, начала отстаивать идею, что достижение бесконфликтности в отношениях может быть обеспечено через бесконфликтность в общении.

По всей видимости, основоположником такого подхода был американский психолог Э.Л. Берн, сформулировавший основные положения теории «транзакционного анализа». Согласно данной концепции личность человека включает в себя три базовых структурных компонента-состояния: «ребенок», «родитель» и «взрослый». «Ребенок», как правило, это источник спонтанных эмоций, побуждений и переживаний; «родитель» тяготеет к стереотипам, обобщениям и поучениям; «взрослый» же характеризуется рациональным отношением к жизни. Взаимодействие людей можно выразить как череду транзакций²⁹, в рамках которых вышеназванные роли участников коммуникации либо соответствуют друг другу, либо вступают в противоречие. Иными словами, каждый из участников диалога должен воспринимать другого участника через призму той роли, которую он сам на себя взял. В противном случае возникает так называемая «пересекающаяся транзакция», что сигнализирует о нарушении процесса общения, а это предпосылка для возникновения конфликта.

Взяв за основу идеи Берна, многие ученые в России и за рубежом (как правило, психологи, философы и лингвисты) старались сформу-

²⁸ По признанию спортивных чиновников и экспертов, этого удалось добиться благодаря усилиям сотрудников «Центра медико-биологических проблем», где «производство» будущих чемпионов было превращено в алгоритмизированный процесс.

²⁹ **Транзакция** — единица коммуникативного процесса, состоящая из коммуникативного стимула и коммуникативной реакции.

лизовать принципы и критерии бесконфликтной коммуникации. Приведем несколько примеров.

По мнению автора учебного пособия «Этика общения» В.И. Сафьянова (профессора МГУП³⁰), для нейтрализации конфликтогенного потенциала речевого взаимодействия необходимо опираться на следующие принципы:

- 1) принцип презумпции порядочности партнера по общению;
- 2) принцип сохранения суверенитета и неприкосновенности достоинства субъектов общения;
- 3) принцип толерантности и альтруизма³¹;
- 4) принцип милосердия;
- 5) принцип «справедливости и благородства»;
- 6) принцип ненасилия.

Фактически в речи необходимо избегать оценочных суждений, способных вызвать негативную реакцию окружающих. Это означает соблюдение определенного этикета общения, что возвращает нас к идеям Конфуция. Однако эти правила становятся неэффективными в случае наличия объективных противоречий между субъектами коммуникации или изначальной конфликтной установки одного из них.

С другой стороны, согласно исследованию, проведенному профессором МГЛУ³² Н.А. Богатыревой, в бесконфликтном общении ключевыми правилами служат:

- 1) знание основных конфликтогенов;
- 2) понимание потребностей окружающих;
- 3) заблаговременное обнаружение потенциально конфликтных тем общения;
- 4) активность при урегулировании противоречий;
- 5) ясность, недвусмысленность и информативность высказываний;
- 6) создание синтонности (атмосферы психологического комфорта и общности в коллективе).

³⁰ Московский государственный университет печати им. И. Федорова.

³¹ Данный тезис, по всей видимости, является производным от идеи И. Канта о том, что к человеку в лице других и самого себя всегда нужно относиться как к цели, а не только как к средству.

³² Московский государственный лингвистический университет.

Изучая эти и подобные им советы, профессор ИГЛУ³³ Н.Н. Казыдуб задается вопросом: «*Следует ли считать таким [бесконфликтным] дискурсом внешне непротиворечивое обсуждение культурных и социальных смыслов с исключением неприятных или опасных для собеседников тем? Или же бесконфликтный дискурс представляет собой конструктивное обсуждение несовпадающих точек зрения и совместный поиск путей достижения межличностного консенсуса?*». В зависимости от того, как каждый исследователь отвечает для себя на эти вопросы, его выводы концентрируются либо вокруг понятия «вежливость», либо вокруг термина «толерантность».

По мнению профессора, «*следует признать принципиальную возможность конструирования бесконфликтного дискурса посредством активации симметрично переживаемых концептов*». Фактически этот вывод отсылает конфликтологов еще к работам Эпиктета, предлагавшего выработать единые стандарты поведения людей в отношении главных предметов обсуждения. Казыдуб, ссылаясь на статью профессора Йельского университета Н. Брукса, предложила ограничить такие концепты следующим перечнем: символизм, ценность, авторитетность, порядок, церемония, любовь, честь, юмор, красота, дух.

Конечно, конфликты в обществе разворачиваются не только вокруг этих смысловых понятий, но нельзя не согласиться, что достижение согласия по поводу содержания вышеназванных концептов действительно способно сделать взаимодействие людей гораздо менее противоречивым.

Что касается зарубежных исследователей, то и они пока не готовы отказаться от идей «вечного мира» и «идеальной гармонии».

Так, американский политолог Р. Инглхарт в одной из недавних лекций (2013 г.) студентам Высшей школы экономики стал защищать уже далеко не новую идею, что войны исчезнут в ближайшем будущем, поскольку, во-первых, станут экономически невыгодными, во-вторых, повсеместное распространение демократии приведет к искоренению ксенофобии. По его мнению, выгода мирного сосуществования с момента появления индустриального общества стала превышать выгоду от вооруженных конфликтов. При этом в современном обществе существенно возросла ценность к человеческой жизни и нетерпи-

³³ Иркутский государственный лингвистический университет.

мость к военному насилию. Подобные сдвиги в массовом сознании связаны, по словам Инглхарта, с общей модернизацией экономической и политической систем — собственно, его выступление и было озаглавлено «Модернизация и снижение насилия».

Для понимания этой концепции и подобных ей работ ключевым является термин «толерантность», вокруг которого концентрируются взгляды идеалистов XXI в. Согласно исследованию, проведенному воронежским филологом Е.И. Грищук, содержание данного термина у граждан современной России ассоциируется с такими понятиями, как «бесконфликтность» (40–44% опрошенных), «миролюбие» (13–16%), компромисс (14–22%) и т.д.

Понимая толерантность, как поведение, основанное на отсутствии негативных эмоций по отношению к сторонним идеям, взглядам, ценностям, *вкусам, убеждениям и чужой культуре в целом, многие современные политики и ученые именно в развитии данного явления видят залог достижения мира во всем мире. Характерно, что толерантность в этническом плане часто сопряжена с интернационализацией, вследствие чего привычная для какого-либо народа система ценностей или идеология уступает место общечеловеческим ценностям.* У того же Инглхарта можно встретить идею, что межгрупповая толерантность растет по мере укрепления взаимозависимости стран и снижения «слепого патриотизма». В соответствии с данной мыслью толерантные граждане не только не будут вступать в конфликты из-за этнических, религиозных, половых различий, но и не станут воевать за свою страну, если конфликт будет означать причинение вреда другим странам и народам.

Помимо толерантности широкое распространение среди современных идеалистов получил термин «политкорректность» — это идеология и практика запрета на употребление слов и выражений, считающихся оскорбительными для определенных социальных групп. По сути, политическая корректность в современном понимании — это способ ограничения свободы слова в целях минимизация деструктивных форм межличностной и межгрупповой коммуникации. Явление получило широкое распространение в странах Запада на рубеже XX–XXI вв. Российский писатель В.О. Пелевин, характеризуя данное понятие, высказался следующим образом:

«Я думаю, что политкорректность оправдана, когда она позволяет сохранить человеческое достоинство. Когда из нее делают фетиши и национальный культ, это немного смешно... Американцы ведь очень прагматичные люди. Они ввели политкорректность, потому что она мгновенно наводит формальный мост через эмоционально заряженную трясиину. Назовите негра негром, и на вас повиснет доля ответственности за работорговлю. Назовите его афроамериканцем, и его можно спокойно увольнять с работы. Политкорректность создает ясные правила, полагаясь на которые, можно избегать двусмысленности, хотя сама по себе политкорректность — очень двусмысленная вещь. Суть политкорректности — общественный договор в максимально сжатой форме. Это удобно, потому что экономит время и силы».

В этом небольшом отрывке текста как нельзя лучше показано идеалистическое содержание «политической корректности», в котором очередной раз ключевую роль играют «ясные», однозначные правила поведения без двусмысленности, как учили древнегреческие мыслители.

Вообще, начиная еще с И. Канта, значительная часть сторонников конфликтологического идеализма пыталась перевести тезис об однозначности правил поведения в плоскость создания перечня советов или принципов, соблюдение которых позволит обеспечить гармонию в отношениях между людьми. Поскольку сформировать подобный перечень применительно ко всему обществу оказалось не под силу ни теологической, ни идеалистической школе, выход был найден в ограничении области его применения какой-то одной сферой деятельности людей, например экономикой. В частности, резкое увеличение числа и влияния корпоративных структур в XX в. и их стремление играть важную роль в социально-политических отношениях повлекло за собой создание специфической культуры поведения сотрудников данных организаций — корпоративной этики. Идеалисты не сразу обратили внимание на потенциал этого явления как прообраза модели доверительного и бесконфликтного общения на глобальном уровне, однако появление «кодексов корпоративной этики» не заставило себя долго ждать. Многие исследователи старались разработать унифицированные стандарты поведения в трудовом коллективе корпорации

вне зависимости от числа ее сотрудников, сферы деятельности и места расположения. Наиболее удачным можно признать проект американского социолога Л.Т. Хосмера, который в статье 1995 г. предложил компаниям внедрять в сознание персонала следующие базовые принципы поведения.

1. Никогда не делай того, что не в твоих долгосрочных интересах или интересах твоей компании.
2. Никогда не делай того, о чем нельзя было бы сказать, что это действительно честное, открытое и истинное, о котором можно было бы с гордостью объявить на всю страну в прессе и по телевидению.
3. Никогда не делай того, что не способствует формированию «чувства локтя», так как все мы работаем на одну общую цель.
4. Никогда не делай того, что нарушает закон, ибо в законе представлены основные моральные нормы общества.
5. Никогда не делай того, что не ведет к большему благу, нежели вреду для общества, в котором ты живешь.
6. Никогда не делай того, чего ты не желал бы рекомендовать делать другим, оказавшимся в похожей ситуации.
7. Никогда не делай того, что ущемляет установленные права других.
8. Всегда поступай так, чтобы максимизировать прибыль в рамках закона, требований рынка и с полным учетом затрат, ибо максимальная прибыль при соблюдении этих условий свидетельствует о наибольшей эффективности производства.
9. Никогда не делай того, что могло бы повредить слабейшим в обществе.
10. Никогда не делай того, что препятствовало бы праву другого человека на саморазвитие и самореализацию.

Хотя данный перечень на 90% состоит из запретов, он имеет благую цель и предлагает сотрудникам корпораций действовать, исходя из гуманистических и даже альтруистических соображений. Современным конфликтологам стоило бы взять данные принципы на заметку.

По сути, даже в XXI в. основные постулаты рассматриваемого направления конфликтологии по-прежнему сохраняют актуальность и активно используются в политической практике. В завершение, напомним эти постулаты:

- 1) бесконфликтное поведение является главным условием и гарантией достижения блага;
- 2) залогом предотвращения конфликтных ситуаций является общая унификация ведущих сфер человеческой жизни;
- 3) человеческая природа предполагает предрасположенность к сотрудничеству, взаимопомощи и ведению конструктивного диалога;
- 4) уровень конфликтности зависит от уровня свободы.

Эти суждения в сумме, конечно, не производят впечатления гуманистических, однако их авторами двигали именно благие намерения. Вообще, поклонники идеалистической школы часто отличались мессианским самосознанием, полагая избавление общества от конфликтов едва ли не единственной достойной целью существования государственных структур. В любом случае морализаторский опыт идеалистов с трудом может быть переоценен — их ошибки достойны снисхождения, так как были вызваны стремлением облагородить общество, придать ему совершенный вид.

Это позволяет современному конфликтологу извлечь важный практический урок: **для нахождения справедливого решения спорных вопросов требуются не только непредвзятость и беспристрастность, но и вера в человеческую доброту.** В самом деле, даже постоянное следование всем установленным правилам не всегда сможет пробить стену недоверия между конфликтологом и его клиентом. Лишь гуманное отношение к каждой из сторон конфликта, осознание всей степени трагичности сложившейся ситуации дает хотя бы минимальный шанс на достижение компромисса.

Дополнительная литература к разделу

1. Ануфриев А.А. К вопросу о доминантных признаках жанра литературной утопии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. Т. 2. № 2.
2. Батиев Л.В. Закон и право в философии Аристотеля // Правоведение. 2004. № 3.
3. Бранский В.П. Искусство и философия. Калининград: Янтарный сказ, 1999.
4. Гайзман Г. Учение Канта о вечном мире и его уникальный философский реализм // Вопросы философии. 2009. № 12.

5. Казыдуб Н.Н. Бесконфликтный дискурс: концепты, стратегии, сценарии // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 3.
6. Павлов В.И. Метафизические основания учения о юридическом конфликте в философии древних греков (Сократ, Платон) // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2010. № 1(19).
7. Павлов В.Л. Учение Аристотеля о справедливости // Практична філософія. 2012. № 2 (44).
8. Тихвинский С.Л. Движение за реформы в Китае в конце XIX века. М.: Наука, 1980.

Контрольные вопросы

1. Что собой представляет «идеальное государство» в описании Платона?
2. В чем состояло сходство и различие идей утопистов о бесконфликтном обществе?
3. Как соотносятся между собой понятия «конфликтность» и «свобода»?
4. Объясните суть учения И. Канта о «вечном мире».
5. Каковы основные принципы бесконфликтного общения с точки зрения современных ученых?

Темы докладов и рефератов

1. Вежливость и толерантность в контексте бесконфликтности.
2. Глобализация и перспективы построения бесконфликтного общества.
3. Конфликтность и бесконфликтность в тоталитарной системе.
4. «Вечный мир» и современное международное право.

ГЛАВА 3

Пацифистская школа

Пацифистская школа конфликтологии является сравнительно молодой, но ее представителями к настоящему моменту было сформулировано достаточно много различных концепций и гипотез. Как следствие, развитие данного направления было весьма противоречивым, колеблющимся. Пацифистские идеи философов и ученых разных стран часто противоречили друг другу, и предлагаемые ими пути решения общественных проблем были довольно многообразны. Причем в момент зарождения некоторые идеи и взгляды оказывались совершенно не востребованными и попытки их реализации, как это часто бывает, хронологически не совпадали со временем появления. Фактически пацифисты XIX, XX и даже XXI в. чаще не выдвигали новые гипотезы, а реанимировали более ранние взгляды по мере надобности.

В отличие от идеалистической и теологической школы пацифизм все же не отрицал возможность существования конфликтов, поскольку, будучи антивоенным движением, строился на активном противодействии милитаристским кругам общества. Хотя почти все современные учебники по истории общественно-политической мысли приписывают пацифистской школе исключительно идеи мирного, невоенного урегулирования споров и противоречий, это направление конфликтологии также прошло длительный путь эволюции, на котором, как уже было сказано, выдвигались совершенно различные гипотезы.

Ученые расходятся даже в имени основателя этого учения — среди возможных кандидатур называются Ш. Монтескьё, У. Аллен, Л.Н. Толстой и др. При этом пацифизм на протяжении веков подвергался критике и осуждению не только со стороны государственных деятелей и полководцев, но даже религиозных общин и рядовых гражд-

дан. Именно на пацифистов неоднократно возлагалась ответственность за различные общественные кризисы, их идеи считались опасными и часто отвергались в пользу прямо противоположных. Например, общеизвестно, что У. Майнхоф — приемная дочь основателя пацифистской партии «Немецкий союз мира» Р. Римек — стала террористской и сторонником концепции «городской герильи»³⁴. Если встать на точку зрения, что рассматриваемое учение исходит только из миролюбия и ненависти, то объяснить эту ситуацию крайне непросто.

Как и иные направления конфликтологии, пацифистская школа, несмотря на внутренние противоречия, смогла выстроить определенную систему принципов, которые будут последовательно раскрыты по ходу повествования.

В самом названии «пацифизм» заложено стремление к мирному существованию. Тем не менее первой же проблемой на пути воплощения этого постулата в жизнь становится сложность в определении термина «мир». А без понимания основных компонентов того, к чему необходимо стремиться, достичь этого состояния, в сущности, невозможно.

Согласно словарю С.И. Ожегова, мир — это *«согласие, отсутствие вражды, ссоры, войны»*. Эта трактовка является, по-видимому, самой классической — в ней мир есть просто отсутствие войны.

Одним из главных сторонников подобного подхода к проблеме был мыслитель Эразм Роттердамский. Его перу принадлежит знаменитый труд «Жалоба мира» (1517), в котором последовательно разоблачается скрытая воинственность практически всех слоев общества: королей и ученых, мужчин и женщин и т.д. По мнению Эразма, все они, несмотря на миролюбивые заявления, в повседневной жизни поддерживают идею войны.

В данном произведении мыслитель с первых же строк четко противопоставляет категории «мир» и «война», вот его слова:

«Я, Мир, прославленный людьми и богами, говорю: я — источник, отец, кормилец, умножитель и защитник всего самого лучшего, что когда-либо существовало в небе и на земле. Без меня никогда

³⁴ **Городская герилья** — партизанская война в городе с целью затянуть конфликт и измотать противника, а также вызвать недовольство мирного населения неспособностью правительства обеспечить безопасность.

и нигде не бывает ничего процветающего, ничего надежного, ничего чистого и святого; без меня нет ничего приятного для людей и нет ничего угодного для богов. Война же, наоборот, противна всему сущему: война — первопричина всех бед и зол, бездонный океан, поглощающий все без различия».

Философ обличает практически все отрицательные стороны войны: «во время войны царят отъявленные преступники», «законам вообще приходится молчать», имеет место «падение нравов и общественного порядка», наконец, «буря войны ниспровергает и религию, и веру». Выход Эразм видел в следовании общественным, а не личным интересам — это главный залог предупреждения вооруженных конфликтов.

При этом философ не считал все конфликты негативными — в более ранней книге «Оружие христианского воина» (1504) он приводил цитату из Ветхого Завета: «Нет мира нечестивым». Эта фраза ложится в основу идеи, что единственным залогом мирного существования людей на Земле является «наша смертельная ненависть и напряженнейшая борьба с пороками». В этой связи Эразм дает следующее наставление:

«Если будешь жестоким по отношению к порокам, то окажешь благодеяние по отношению к человеку. Если ты убьешь грешника, то спасешь человека. Если погубишь то, что сделал человек, то восстановишь то, что создал Бог».

Впоследствии и другие сторонники пацифизма проповедовали предотвращение войн посредством наказания или ущемления прав тех, кто либо не заслуживает мирной жизни, либо не способен существовать в таких условиях.

Например, французский утопист и сторонник всеобщего мира священник Ж. Мелье утверждал, что дворян «надобно всех повесить». Для него именно привилегированные сословия общества были ответственны за эскалацию конфликтов: всеобщий мир мог наступить только после того, как будут уничтожены все короли, дворяне и церковники. Сходным образом смотрел на королей и Вольтер: мир «между монархами продержится не дольше, чем между слонами и носорогами, волками и собаками. Эти звери всегда набросятся друг на друга при пер-

вом удобном случае». Эти идеи нашли отражение даже в известной книге Дж. Свифта «Путешествие Гулливера», где в качестве причин вооруженных противостояний назывались «честолюбие и жадность монархов, которые никогда не бывают довольны и вечно стремятся расширить свои владения», «развращенность министров» и т.д.

При этом «мир» как полное отсутствие войн для пацифистов XVI–XVIII вв. (и многих их последователей) был не столько практической задачей, сколько абстрактным понятием, наступление которого связано с далекими грядущими временами. В сущности, к таким взглядам их привела постановка своеобразного знака равенства между понятиями «предотвращение войн» и «построение мира». Ученые и философы понимали, что общество наполнено таким количеством конфликтных факторов, что гарантировать (даже просто декларировать) полный отказ от войн невозможно — как следствие, и подлинного мира быть не может. Получалось, что мир — это просто некий интервал между войнами, который необходимо всеми силами продлевать.

Например, Д. Дидро считал, что *«войны в Европе будут всегда»* и лишь распространение образования среди населения в перспективе позволит снизить их жестокость. Вольтер вовсе считал отказ от вооруженных сил государства контрпродуктивным: *«Если какой-нибудь государь распустит свои войска, позволит своим крепостям обратиться в развалины и будет заниматься чтением Гроция, то смотрите, не потеряет ли он через год или два свое королевство».*

Даже в начале XX в. сторонники пацифизма, обратившиеся к созданию специальных институтов по сохранению и поддержанию мира, видели свою задачу не в искоренении военных столкновений, а в *«расширении международно-правового порядка. Ибо именно здесь истинная сердцевина пацифистского движения, шагающего в ногу с нашим веком. И речи быть не может ни об уничтожении войн, ни о вечном мире, ни о создании надгосударственной власти или подобных иллюзиях».*

Иными словами, фундамент пацифистского учения вовсе не в создании бесконфликтного общества (это удел идеалистической школы конфликтологии), так как мир не может быть абсолютным, — кон-

фликты всего лишь необходимо свести к «допустимому» минимуму. Исходя из этого, основываясь на общетеоретических наработках конфликтологии, можно заключить, что первый принцип пацифистской школы состоит в следующем: *главной задачей личности, общества и государства является предупреждение открытого, неограниченного вооруженного насилия*. Именно категории «открытость» и «неограниченность» насилия, по мнению многих пацифистов, делает его опасным и безнравственным. Как следствие, необходимо искоренять не все конфликтные ситуации (этот проект большинство исследователей считали нереальным), а только те, которые, дойдя до пика напряженности и жестокости, угрожают существованию общества.

Именно такого взгляда придерживался французский просветитель XVIII в. Ш. Монтескьё, посвятивший исследованию проблемы войны и мира значительную часть своего творчества. По его словам, война опасна и сурова, поскольку *«результатом ее может быть разрушение общества»*. В «Персидских письмах» он делает весьма верное замечание:

«История полна религиозных войн. Но причина этому — не множество религий, а дух нетерпимости, которым бывала охвачена религия, считавшая себя господствующей, тот дух прозелитизма³⁵, который евреи заимствовали у египтян и который, как заразная, повальная болезнь, перешел от них к магометанам и христианам; наконец, тот дух заблуждения, развитие коего нельзя считать не чем иным, как полным затмением человеческого разума».

Монтескьё уходит от идеи обвинения конкретных социальных групп в воинственности людей и в этом его заслуга. Причина конфликтов — «дух нетерпимости» и «затмение человеческого разума», следовательно, мира можно добиться на основе торжества рациональности. В работе «Размышления о причинах величия и падения римлян» просветитель приходит к выводу, что антагонистическими категориями являются не только «мир» и «война», но «война» и «торговля». Древние римляне, с точки зрения Монтескьё, из-за отсутствия развитых ремесел были вынуждены искать богатства в завоеваниях — ведь в распределении военной добычи участвовали все гражд-

³⁵ **Прозелитизм** — стремление к повсеместному распространению собственной религии.

дане, что делало конфликты выгодными. С приходом феодализма в Европу ситуация принципиально не изменилась: *«Торговля, то уничтожаемая завоевателями, то стесняемая монархами, странствует по свету, убегая оттуда, где ее угнетают, и отдыхая там, где ее не тревожат»*. Однако в будущем именно развитие торговли должно привести общество к отказу от войны — она просто станет экономически невыгодной³⁶.

Правда, стоит оговориться, что даже в такой картине мира военные столкновения полностью не исчезали. Монтескьё предполагал, что два вида войн следует сохранить: *«...те, что предпринимаются для того, чтобы отразить нападение неприятеля, и вторые — чтобы помочь союзнику, подвергнутому нападению»*. В любом случае рационалистически мыслящий человек, по мнению просветителя, гораздо вероятнее склонится к прибыльной торговле, чем к убыточной и разрушительной войне.

Такое понимание источника конфликтов разделял и другой мыслитель той эпохи — П. Гольбах. Рассуждая о природе войны, он противопоставляет ее разуму как отдельных людей, так и целых наций: *«Разум народов, как и разум управляющих ими государей, часто недостаточно развит; они безрассудно предаются стремительным порывам своих желаний, возбуждаемых предполагаемыми выгодами, честолюбием, а нередко и глупым тщеславием, которого иногда достаточно, чтобы предать сожжению весь мир»*. И в то же время: *«для просвещенного правительства война всегда является лишь путем к миру; мудрое правительство предпочитает даже невыгодный мир самой удачной войне»*. Фактически, в процитированном трактате «Естественная политика или беседы об истинных принципах правления» Гольбах называет войну уделом неразумных людей, а построение мира — делом более мудрых.

Придерживался таких взглядов и А.Р. Тюрго, считавший войну несправедливой и полагавшийся на торжество разума в сфере межличностных и международных отношений: *«Разум, тождественный*

³⁶ Этот же аргумент в дальнейшем был использован в книге британского писателя Р.Н. Энджелла «Великая иллюзия» 1910 г. издания, в которой развитие торговли и промышленности (а не войны и захваты) провозглашалось главным истоком благосостояния народов.

с самой справедливостью, не лишил бы никого того, что ему принадлежало, изгнал бы навсегда войну и захваты».

Исходя из вышесказанного, получалось, что мира можно достичь через образование и воспитание граждан. В этом заключается некий парадокс изначального пацифистского учения, так как с этой точки зрения было сложно объяснить причины конфликтов, инспирированных образованным сословием. Если разумный и образованный человек должен быть противником войны, то почему ученые занимаются разработкой новых видов смертельного оружия, а интеллектуалы становятся полководцами и военными теоретиками?

Осознание неточности сформулированных классиками идей заставляет сторонников пацифизма обратиться к иному, более сложному пониманию «мира». Одним из первых его смог сформулировать голландский философ Б. Спиноза, для которого *«мир есть не отсутствие войны, но добродетель, проистекающая из твердости духа»*. Основа мира — это не страх войны и не слепое следование законам; мир немислим без осознания его необходимости и принятия на себя определенных моральных обязательств по его сохранению. Следовательно, конфликты проистекают не из внешних, а из внутренних причин: *«восстания, войны, презрение или нарушение законов следует приписывать не столько злобности подданных, сколько дурному состоянию верховной власти»*. Война или восстание есть результат ошибок государства, представители которого лишены указанной *«добродетели»*, следовательно, мира можно добиться, перевоспитав верховную власть, а не все человечество.

Это логически подводит нас ко второму постулату пацифистской школы конфликтологии: ***для предотвращения вооруженных конфликтов следует воздействовать на верховную власть***. Естественно, в такой ситуации конфликт с правительственными структурами, ответственными за развязывание и окончание войн, для пацифистов был практически неизбежен. Однако отказ от насильственных действий по отношению к властным органам заставлял обратиться к иным средствам воздействия.

Эти новаторские методы в середине XIX в. предложил американский публицист Г.Д. Торо. Он был большим поклонником идей Просвещения и активным сторонником антирабовладельческого дви-

жения в США. Видимо, именно недовольство политикой американского правительства в области прав человека заставляет Торо в 1849 г. опубликовать эссе «О гражданском неповиновении». Не одобряя насилие даже по отношению к коррупционерам и преступникам в составе правительственных учреждений, он предлагает практику отказа от уплаты налогов, как формы протеста против несправедливости, творимой государством.

Это краткое эссе породило огромную дискуссию о правомерности и эффективности подобных методов воздействия на правительство. По словам американского исследователя А. Калабрезе, *«гражданское неповиновение — это уникальное средство политического выражения, которое используется, чтобы породить демократические размышления о важных вопросах справедливого закона и политики»*. Поддерживает эту позицию и профессор Р.М. Деметрадзэ, по мнению которой подобная форма протеста обладает целым рядом положительных сторон:

«Задача гражданского неповиновения — институционализация протестного участия граждан, для того чтобы с помощью права изменить ущемленный статус индивидов, создать или восстановить прямые и обратные связи между обществом и государством, обеспечить полноправное участие и влияние граждан в политических процессах для реализации социальных, экономических, культурных, правовых и политических интересов».

Не только ученые, но даже писатель О.Л. Хаксли считал акции гражданского неповиновения единственной оптимальной возможностью угнетенных масс добиться справедливости.

В современных правовых учениях разработана структура гражданского неповиновения, которое включает в себя:

- артикуляцию и агрегацию ущемленных прав и интересов;
- мобилизацию коллективных и групповых ресурсов для ослабления давления со стороны власти;
- стратегию расширения сферы влияния граждан на политические процессы;
- выработку и реализацию решений социально значимых проблем.

Концепция Торо не только дожила до XXI в., но и стала одним из наиболее популярных у пацифистов методов донесения своих идей до

государства и масс³⁷. При этом нельзя отрицать того факта, что эти идеи были вполне естественным, логическим продолжением работ прежних пацифистских авторов. Торо, как и деятели французского Просвещения до него, обратился к экономическим формам воздействия, так как они прямо не связаны с насилием, но причиняемые убытки не позволяют их игнорировать.

Эту идею подхватил, наверно, один из самых знаменитых пацифистов XX в. — М.К. Ганди. Его учение, корни которого скрыты в религиозной плоскости, строилось на утверждении, что *«войн нельзя избежать, пока семена их находятся внутри человека и прорастают и дают всходы в его общественной, политической и экономической жизни»*, поэтому *«требуется устранить насилие из внутреннего мира человека и из окружающей его среды»*.

На практике это означало, что процесс урегулирования экономических противоречий Ганди старался превратить в религиозный акт: так, во время борьбы текстильщиков Ахмедабада за повышение заработной платы, он взял с них клятву не приступать к работе, пока выдвинутые требования не будут исполнены. В дальнейшем, разрабатывая план изгнания английских колонизаторов из Индии, философ обращается к идее «сатьяграхи» — принципу сознательного нарушения несправедливых законов.

Начало этому процессу было положено в 1929 г., когда на сессии Индийского Национального Конгресса в Лахоре Ганди выступил со следующим призывом:

«Мы должны готовиться к борьбе путем прекращения, насколько это возможно, всех видов добровольного сотрудничества с английским правительством, а также должны готовиться к движению гражданского неповиновения, включая неуплату налогов. Мы убеждены, что стоит только прекратить добровольную помощь и выплату налогов, не прибегая к насилию даже в случае провокации, как с этим бесчеловечным режимом будет покончено».

³⁷ Объясняя суть идей Г.Д. Торо в современных условиях, московский учитель Т.Н. Эйдельман в одной из лекций сказала, что «гражданское неповиновение строится в основном на том, что частные люди — не государственные чиновники, не политики, а частные люди — противостоят государству».

В этом призыве явно видны идеи Г.Д. Торо, но индийцы пошли дальше. Исследователям удалось выявить 5 основных форм гражданского неповиновения, предложенных Ганди для достижения победы:

- отказ от титулов, званий и наград, присвоенных правительством;
- выход с государственной службы;
- выход из полиции и армии;
- бойкот судов, школ и административных учреждений;
- отказ от приобретения и использования английских товаров.

Несмотря на кажущуюся слабость и несерьезность этих мер, они принесли индийцам успех, доказав, что ненасильственные методы борьбы могут быть весьма эффективными.

Анализируя идейное наследие Ганди, современные ученые смогли прийти к выводу, что созданный им стиль урегулирования конфликтов предполагает поэтапность действий — на каждом из этапов усиливается давление, т.е. идет переход от более слабых форм воздействия к более сильным. Если на одной из промежуточных стадий конфликт удастся разрешить, то необходимость использования более жестких мер отпадает. К таким идеям пришла агент Управления стратегических служб США Дж.В. Бондюран, изучавшая принципы ненасильственного сопротивления в Индии. В книге «Победа над насилием: Философия конфликта Ганди» она выстроила следующую иерархию методов ненасильственной борьбы:

- агитация;
- ультиматум;
- экономический бойкот и забастовки;
- несотрудничество;
- гражданское неповиновение;
- узурпация государственных функций;
- создание параллельного правительства.

Идеи Ганди по-прежнему интересуют ученых (в том числе и конфликтологов) по той причине, что, развязав борьбу за независимость своей страны (т.е. создав конфликт), он смог удержать процесс эскалации и успешно избежать масштабного кровопролития. При этом он не стремился абсолютизировать созданный механизм решения конфликтных ситуаций и в одном интервью признавал: *«Конечно, если мы возьмем за правило придерживаться ненасилия, то жизнь превратится в ряд компромиссов»*, хотя *«это лучше, чем бесконечный ряд*

столкновений». Ему же принадлежат и такие слова: *«Человечество может избавиться от насилия только путем ненасилия. Ненависть может быть побеждена только любовью. Ответная ненависть служит лишь распространению и усилению ненависти».*

По-видимому, успех Ганди был частично связан с его обращением к основам религиозной этики, а не только рационалистическим принципам светского пацифизма. Эту линию вслед за ним продолжил известный американский общественный деятель XX в., баптистский священник из штата Алабама М.Л. Кинг. В ходе борьбы за права чернокожих в США он активно применял массовые демонстрации и бойкот транспорта. В качестве примера можно привести бойкот чернокожим населением города Монтгомери местных автобусных линий, начавшийся в 1954 г. и продолжавшийся 380 дней. Благодаря этому шагу сегрегация³⁸ в штате Алабама была ликвидирована.

Кинг воспринимал свою деятельность, как исполнение социальных функций церкви, которая не должна оставаться в стороне от несправедливости. Такая форма пацифизма носит активный, атакующий характер — мир не наступит, если ничего не предпринимать. Поэтому чернокожий пастор предлагает отказаться от *«слепоты»* и апатии: *«В прошлом апатия была моральным упущением. Сейчас это форма морального политического самоубийства».* По мнению Кинга, существуют три альтернативы социальной несправедливости: смирение, насилие и ненасильственное сопротивление. Первые две носят аморальный характер и не отличаются высокой эффективностью, поэтому от них просто нужно отказаться.

Обращает на себя внимание, что успех М. Ганди и М.Л. Кинга, вероятно всего, был бы невозможен без наличия у них массы сторонников. Ведь государство крайне редко прислушивается к отдельным личностям, пусть даже выдающимся, но масса обладает большими возможностями. Отсюда очевидным становится вопрос: является ли пацифизм уделом одиночек или же многочисленных социальных групп? Могут ли пацифистами стать большинство граждан и каковы последствия этого?

³⁸ **Сегрегация** — разделение людей в обществе на категории по признаку различия социальных статусов, требующее ограничения сферы жизнедеятельности, при котором контакты между группами воспрещены частично или полностью.

Ответ на этот вопрос дал один из ближайших сподвижников М. Ганди Дж. Неру. По его словам, полный отказ от насилия *«приводит к совершенно негативной позиции, оторванной от самой жизни»*. Насилие было и остается средством поддержания порядка и защиты от внешних угроз. Отказаться от этого средства можно и нужно, но только если народ самостоятельно примет идеи ненасилия — эти идеи должны завладеть умами людей в честной демократичной борьбе. До этого момента превращать государство в оплот пацифизма — значит насильственно навязать его гражданам, что недопустимо. Отказывать пацифистам в свободе слова также бессмысленно, поскольку их задача — определить границу допустимого насилия и вмешаться в случае необходимости.

Сделать это гораздо удобнее при наличии у пацифистского движения определенной организационной структуры. Своеобразным теоретическим обоснованием этого подхода стали идеи французского аббата Ш. де Сен-Пьера, который еще в 1713 г. в книге «Проект вечного мира» предложил европейским правительствам заключить договор о создании конфедерации, возглавляемой выборным советом, главная цель которого — *«наблюдение за сохранением мира между суверенными государствами»*.

Первые попытки создания пацифистских общества под названием «друзья мира» начались в Великобритании и Соединенных Штатах сразу после наполеоновских войн. Так, в 1816 г. несколько религиозных групп (диссентеры, квакеры, евангелические христиане и др.) в Англии объединились в «Общество за установление прочного всеобщего мира» («Лондонское общество мира»). Меньше чем через 10 лет число членов этой организации увеличилось с 40 человек до почти 1500, стал издаваться специализированный журнал «Вестник мира», в Англии появилось более 20 отделений общества.

В декабре 1830 г. граф Ж.-Ж. де Селлон создает аналогичное «общество мира» в Женеве. Его целями были обозначены борьба за отмену смертной казни и поощрение международных договоров, направленных на сотрудничество между государствами. Для своей эпохи граф стал едва ли не крупнейшим пропагандистом пацифизма. Он писал: *«...война — это могила цивилизации и свободы, именем которой ее порой провоцируют, не учитывая того, что военный деспотизм, представляющий собой продолжение обычного деспотизма, невыно-*

сим для граждан». Убийственно актуально для сегодняшнего дня звучат и такие его слова:

«Я призываю людей из всех сил бороться с макиавеллиевскими доктринами, возводящими в ранг национальной чести завоевание слабой и беззащитной страны, оправдывая государственным интересом кровавые экзекуции, чаще всего являющиеся лишь удовлетворением злых амбиций или плодом рутинности».

На сегодняшний день, к сожалению, приходится констатировать, что подмеченные де Селлоном тенденции все еще преобладают во внешней политике ряда держав.

В Германии в конце XIX в. даже создается Немецкая демократическая народная партия, которая в 1895 г. вносит в свою политическую программу следующий пункт: *«Народная партия — партия мира; войну и милитаризм она рассматривает как тяжелый урон для народного благосостояния, интересов культуры и права, она стремится к мирному и свободному союзу наций».* Члены партии последовательно придерживались пацифистских убеждений, выступая за решение международных споров в формате арбитража, сокращение срока службы в армии и т.д.

Все эти общества связывали свои надежды на мир в Европе с деятельностью государственных органов и чиновников, которым следовало помогать и направлять — считалось, что *«дело избавления от войн принадлежит правящим классам».* В таком ракурсе пацифизм становился не антигосударственным течением общественно-политической мысли, напротив, именно пацифисты стремились ограничить принцип *«войны всех против всех»* за счет поддержки национальных государств, которые должны обладать монопольным правом на участие в вооруженных конфликтах и следить за сохранением этого права только в своих руках. Разочарование в этих идеях у многих европейских пацифистов наступило после Крымской войны — интеллигалы Великобритании, Франции и России не смогли удержать свои правительства от кровопролитного конфликта. Франция под предводительством императора Наполеона III даже перешла к масштабной милитаризации.

Многие активисты пацифистского движения теряют энтузиазм, поняв, что европейские государства не заинтересованы в мирном процессе — гораздо больше они стремятся извлекать выгоду из войны. На этом фоне растет стремление добиваться мира силовым путем. Вот лишь несколько мнений сторонников такого подхода: *«чтобы уничтожить войну, необходимо сначала уничтожить угнетение»; «настоящие борцы за мир должны... энергично бороться и готовить народы к последней битве, к битве угнетенных против угнетателей»; «это не наша вина, что в мире столько несправедливости, которая не может быть уничтожена иным путем, кроме как с оружием в руках».*

Это заставило пацифистов обратиться к идеям философа XVIII в. Э. Берка, изложенным в книге «Защита естественного общества». Автор этого трактата искренне считал, что только общество, *«основанное на естественных потребностях и инстинктах»* (по сути, огромная семья), может быть достаточно устойчивым, чтобы противостоять идеям насилия и войны. Для Берка не было принципиальной разницы между различными формами правления, поскольку *«все виды политических обществ являются надругательством над природой и насилием над человеческим разумом»*, а *«почти всю внешнюю сторону жизни политических обществ можно рассматривать как противоборство»*. Эти идеи вполне укладывались в представления пацифистов о сущности войн XIX в., однако они нуждались в реанимации и переосмыслении.

В этой ситуации одной из центральных фигур пацифистского направления конфликтологии становится писатель и философ Л.Н. Толстой. Как и многие другие пацифисты своего времени, он не одобрял политику государства по вопросам войны и мира. Его концепция была более радикальной, чем просто увещание правительства или даже экономическое давление на него. С точки зрения Толстого, войны между народами будут происходить до тех пор, пока существует их деление по принципу «свой — чужой», скрепленное чувством патриотизма. Он пишет: *«Если христианство истина и мы хотим жить в мире, то не только нельзя сочувствовать могуществу своего отечества, но надо радоваться ослаблению его и содействовать этому».*

Европейские народы забыли христианские ценности «во имя своего патриотизма», поэтому войны охватывают их с новой силой каждой следующее столетие.

В работе «Царство божие внутри нас» Толстой прямо возлагает ответственность за военные конфликты на правительственные учреждения:

«Правительства, как это говорят нам, необходимы со своими войсками для защиты от могущих поработить нас соседних государств. Но ведь это говорят все правительства друг про друга, и вместе с тем мы знаем, что все европейские народы исповедуют одинаковые принципы свободы и братства и потому не нуждаются в защите друг от друга. Если же говорить о защите от варваров, то для этого достаточно и 0,001 тех войск, которые стоят теперь под ружьем. Так что выходит обратное тому, что говорится. Государственная власть не только не спасает от опасности нападения соседей, а, напротив, она-то и производит опасность нападения».

Граф Толстой учил, что войну может окончить не только правитель, но и рядовой солдат, если бросит оружие и уйдет домой. Он не делал принципиальных различий между идеологиями различных стран Европы, поскольку источник конфликтов — это сама система государственного управления, «при которой все люди захвачены в круг насилия». Вырваться из этого круга — значит положить конец войне.

Помимо конфликтов на уровне государств и наций, Толстого интересовали и проблемы межличностных отношений. Им были сформулированы пять принципов морального бесконфликтного поведения.

1. Не воюй.
2. Не суди.
3. Не блуди.
4. Не клянись.
5. Не гневайся.

Хотя многие выводы и суждения графа Толстого вполне резонны, судьба его учения в целом плачевна. Большинство последователей

после революции 1917 г. в России были подвергнуты суду и тюремному заключению. Как писал об этом их лидер Я. Драгуновский, *«судят не вас... а судят ту идею, которой вы хотели придерживаться! Судят жизнепонимание, основанное на разуме. Судят сознание. Судят наш разум»*.

Весьма характерно, что в повседневной жизни граф (и его ученики) пытался доказать правомерность собственных идей, и благодаря им появился третий принцип пацифистской школы конфликтологии: ***для достижения мира необходима пропаганда ненасилия, основанная на личном примере***. Именно этот постулат является наиболее спорным и критикуемым.

Во-первых, далеко не все пацифисты готовы его соблюдать. В этом плане интересна история французского политика П.А. д'Эстурнеля де Констана. Этот человек был участником мирных конференций в Гааге, обладателем Нобелевской премии мира (1909), основателем Ассоциации международного примирения и главным сторонником внедрения арбитражных процедур в международную политику. Он искренне верил в возможность избежать крупных войн (которые *«превращают республику в диктатуру»*) и делал для этого все возможное. Однако с началом Первой мировой войны политик посвятил себя не налаживанию конструктивного диалога между Антантой и Тройственным союзом, а поиску надежных способов борьбы с немецкими подводными лодками.

Во-вторых, отказ от насилия в повседневной жизни может привести к человеческим жертвам, ведь он означает и отказ от самозащиты. Историк О.В. Мартышин приводит следующий эпизод борьбы сторонников М.К. Ганди за свои права. В 1930 г. в местечке Дхарасана индийцы организовали мирный марш с целью помешать там добыче соли, а местные *«полицейские получили приказ избивать нарушителей дубинками... Ряд за рядом, без малейшего сопротивления сатьяграхи подвергали себя избиению. Искалеченные тела падали в ров с грязной водой. Полицейские разъярились от бессмысленной бойни, 320 человек были ранены и часами не получали медицинской помощи, двое умерли»*.

В условиях конфликта отказ лишь одного из противников от насилия, скорее всего, будет означать его поражение или даже смерть, поэтому прибегать к такому методу пропаганды следует с величайшей осторожностью. По этому поводу вспоминается цитата из книги

«Ветряные мельницы надежды» К.Р. Хайд: *«Настоящий мир — замечательно. А мир любой ценой — это и не мир вовсе».*

Русский опыт развития пацифизма не ограничивался деятельностью «толстовцев». Оригинальную версию задач пацифистов предложил русский религиозный философ Е.Н. Трубецкой в первой половине XX в. Будучи свидетелем Первой мировой войны и Гражданской войны в России, он приходит к мысли, что *«мира на свете вообще не существует»*, пока в нем есть оружие. *«То, что мы называем миром, — пишет Трубецкой в работе «Смысл жизни», — на самом деле — лишь перемирие, хуже того, скрытая война — такое состояние, в котором все подчинено войне как последней и окончательной цели».* Фактически он одним из первых подверг критике основополагающий постулат пацифизма о первоочередной борьбе с открытым насилием: если не искоренить латентные конфликты, то эта борьба результатов никогда не принесет. В итоге он приходит к неизбежному выводу: *«... историческая дилемма ставится весьма определенно: или всеобщее разоружение, или всеобщее вооружение; ничего среднего или третьего между этими противоположными крайностями быть не может».* В задачу пацифистов в связи с этим как раз и входит ведение самой активной борьбы за всеобщее разоружение. Заметим, что Е.Н. Трубецкой умер в 1920 г. и не дождался появления ядерного оружия, однако на десятилетия вперед предсказал задачи борцов за мир.

В годы Советской власти отношение к пацифизму в обществе становится скептическим. Хотя наследие графа Л.Н. Толстого признается выдающимся благодаря статье В.И. Ленина «Лев Толстой как зеркало русской революции», деятельность европейских поборников мирного разрешения конфликтов не находит отклика у политического руководства страны.

Еще в Кинтальской резолюции 1916 г., принятой группой европейских социалистов (в том числе В.И. Лениным, Г.Е. Зиновьевым, Ю.О. Мартовым и др.), содержался следующий пункт о характере шедшей Первой мировой войны:

«Война не устраняет ни капиталистического хозяйства, ни его империалистической формы. Поэтому она не может уничтожить и причин будущих войн. Она укрепляет финансовый капитал, оставляет нерешенными старые национальные проблемы и

проблему мирового господства, еще больше запутывает их и создает новые противоречия интересов. Следствием этого является рост экономической и политической реакции, новые вооружения и опасность дальнейших военных осложнений».

Не менее категоричен в вопросе осуждения политических убеждений буржуазии был и известный социалист Л.Д. Троцкий. Характеризуя настроения европейского общества в годы Первой мировой войны, он писал от лица французских обывателей:

«Мы всегда были против войны, наши депутаты, наши министры были против войны, следовательно, война нам навязана, — и во имя осуществления наших пацифистских идеалов мы должны довести ее до конца».

На этот же парадокс в 1928 г. обращал внимание и советский историк философии Д.Ю. Квитко. Он не видел смысла в проведении различных мирных конференций и конгрессов:

«Сами организаторы конгрессов сомневаются в собственных словах. Война, говорят некоторые из них, всегда существовала и будет существовать, так как преступные наклонности внедрены в человеческой душе». Европейские пацифисты «жалуются на человеческий характер», «говорят о гуманизме», но «не хотят видеть, что государство и идеалы плохо сочетаются. Если государство существует, смешно оплакивать войны. На то оно и существует, чтобы устраивать их».

В целом нельзя не согласиться, что развитие пацифистской теории и практики в европейских странах в XX в. далеко не всегда способствовало их гармоничному развитию.

После окончания Первой мировой войны, ставшей беспрецедентной по масштабам агрессии и являвшейся, по выражению английского писателя Г. Уэллса, «войной за окончание всех войн», пацифисты в Европе возлагали большие надежды на деятельность Лиги Наций. Эта организация была призвана способствовать разоружению, предотвращать военные конфликты, урегулировать споры между странами путем переговоров и, наконец, улучшать качество жизни людей.

В Уставе Лиги Наций (ст. 16) содержалось указание: «...если Член Лиги прибегает к войне», то другие члены «обязуются немедленно порвать с ним все торговые или финансовые отношения, запретить все сношения между своими гражданами и гражданами государства, нарушившего Статут, и прекратить всякие финансовые, торговые или личные сношения между гражданами этого государства и гражданами всякого другого государства». Если же эта мера окажется неэффективной, то члены Лиги должны силой принудить агрессора к миру — для этого учреждаются вооруженные силы, «предназначенные для поддержания уважения к обязательствам Лиги».

Создание Лиги Наций стало одним из главных факторов построения Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, с которой связывали надежды на наступление «эры пацифизма». Действительно, усилия сторонников этой системы не пропали даром — в 1925 г. удалось подписать Женевскую конвенцию о запрещении применения химического и бактериологического оружия. В 1928 г. представители 15 государств в Париже подписали «пакт Бриана — Келлога», названный в честь французского премьер-министра А. Бриана и американского госсекретаря Ф.Б. Келлога. Суть пакта состояла в отказе подписавших его государств от войны в качестве орудия национальной политики. К 1938 г. к пакту присоединились 63 государства.

Сторонники использования пацифистских методов на международной арене в тот период стремились опираться на морально-этические аргументы при предотвращении конфликтов — они тяготели к дискуссиям, убеждению, отказу от военных санкций, пропаганде универсальной гуманистической морали.

Тем не менее дипломаты-пацифисты столкнулись с элементарным игнорированием установленных ими принципов международной политики некоторыми странами — среди них были, например, Япония и Германия, где в 1933 г. к власти пришли сторонники идеологии национал-социализма. Примененное к ним «моральное давление», которое являлось одним из главных средств в арсенале пацифистской дипломатии, оказалось неэффективным. Более того, пользуясь противоречиями внутри пацифистской теории, лидер немецких нацистов А.

Гитлер изображал военную агрессию Третьего Рейха частью политики достижения всеобщего мира. Ему принадлежат такие слова: *«Французский милитаризм вместе с русским большевизмом представляют в настоящее время одну из величайших опасностей для спокойного развития человечества»*. Иными словами, он хотел доказать, что нацисты воевали не с государствами, а с распространенными в них идеологиями антипацифистского содержания. Последствия попыток «умиротворения» национал-социалистов хорошо известны.

Касаясь роли пацифистской теории и ее практики в первой половине XX в., нельзя не вспомнить фигуру президента Чехословакии Э. Бенеша, который считал, что *«дружелюбное отношение к агрессору — вот путь Христа»*, и это мнение разделяли многие его сограждане. В результате, столкнувшись с нацистской агрессией в марте 1939 г., чехословаки отказались от вооруженного сопротивления, и преемник Бенеша — президент Э. Гаух — согласился на оккупацию своей страны, чтобы избежать жертв, разрушений и уничтожения культурных ценностей. Таким образом, для Чехословакии приверженность пацифизму обернулась потерей суверенитета.

На современном этапе развития пацифистской школы конфликтологии имеют место две основные тенденции.

- 1) Первая состоит в активной критике традиционных методов борьбы за мир.

Например, в работе американского политического активиста У. Черчилля «Пацифизм как патология» был сделан вывод о том, что для пацифистов сейчас процесс борьбы важнее ее результата. По вполне справедливому мнению, высказанному в данной книге, в современных условиях добиться коренного изменения ситуации по вопросам войны и мира можно за счет организации массовых протестных акций. В свою очередь, это ведет к появлению у масс *«революционного потенциала»*, что не устраивает ни правительство (оно силой подавляет подобные движения), ни самих пацифистов, которые не хотят провоцировать бунты и насилие. В результате в таких формах деятельность пацифистов обречена на провал.

Как следствие, необходима выработка принципиально нового методического арсенала. По мнению вышеупомянутого профессора А. Калабрезе, наиболее эффективным и актуальным средством ненасильственной борьбы в современном мире являются новейшие инфор-

мационные технологии — в первую очередь, речь идет о сети Интернет. Данная система обмена информацией позволяет не только вести антивоенную пропаганду и разоблачать милитаристские планы различных государственных деятелей и общественных групп, но и напрямую препятствовать реализации этих планов. В качестве примера можно привести работу российской неформальной организации «Команда Хакеров-Антифашистов», занимающейся взломом интернет-сайтов неонацистских группировок.

Именно с деятельностью хакеров³⁹ многие пацифисты связывают надежды на возможность воздействовать на участников конфликта ненасильственными, пусть и не всегда легальными, методами. В 1998 г. выпускник Нью-Йоркского университета С. Рэй в экологическом журнале «Земля на первом месте» заключил, что конец XX в. озаменован *«срачиванием компьютерной активности и политического хакерства»*, что ведет к появлению системы *«электронного гражданского неповиновения»*. Как бы то ни было, подобные проекты все же являются незаконными, поэтому возможности их реализации весьма ограничены.

- 2) Вторая тенденция развития исследуемой научной школы на современном этапе связана с дезинтеграцией пацифистского движения.

Скорее всего, отправной точкой данного процесса были не столько глобальные политические или экономические события, сколько диверсификация понятия «мир». Одним из первых в научном сообществе эту тенденцию отразил в своих работах японский исследователь Т. Исида: в основу его концепции положена идея, что образ мира индивидуален для каждой цивилизации. «Мир» для каждой культуры свой, следовательно, и достигнуть его можно внутри конкретного общества в целях этого же общества. Поэтому принципы мирной жизни, успешно реализуемые, например, в Индии, не будут в той же мере эффективны для Европы или Африки. Исида считает, что категорию «мир» можно выразить через четыре основных компонента: справедливость, процветание,

³⁹ **Хакер** — высококвалифицированный специалист в области информационных технологий, способный к нетривиальным решениям; лицо, совершающее различного рода незаконные действия в сфере информатики (несанкционированное проникновение в чужие компьютерные сети и получение из них информации, незаконное снятие защиты с программных продуктов и их копирование, создание и распространение компьютерных вирусов и т.п.).

порядок и душевное равновесие. Каждая нация выстраивает собственную комбинацию этих компонентов для построения «образа мира», к которому следует стремиться.

Эту мысль можно продолжить в двух направлениях: во-первых, всеобщий мир может появиться только в результате интеграции существующих культурных типов в некое универсальное образование, объединяющее все компоненты «мира» и содержащее алгоритм по их достижению; во-вторых, если залогом всеобщего мира является его достижение каждой страной и нацией по отдельности (в соответствии с принципом индукции⁴⁰), то для этого, в свою очередь, необходим отказ от насилия каждым представителем данной нации. В таком ракурсе пацифизм приобретает много общего с религиозными учениями. Если и глобальный мир, и всеобщая война есть лишь сумма внутренних переживаний и выбора всех людей, то обращение к внутреннему, духовному миру человека совершенно необходимо. В этой связи нельзя не вспомнить слова епископа Пятигорского и Черкесского Феофилакта:

«...состояние мира — это не отсутствие войны вокруг тебя, а состояние твоего внутреннего, сосредоточенного, если хотите, гармоничного и симфонического общения с Богом».

Как ни странно, эта концепция также не нова для пацифизма. Ее исконными приверженцами являются квакеры, которые начиная с XVII в. отвергают любые формы насилия:

«Мы определенно знаем и свидетельствуем перед миром, что дух Христов, который ведет нас ко всякой Истине, никогда не подвигнет нас сражаться и воевать внешним оружием против какого бы то ни было человека ни за царство Христово, ни за царства мира сего».

Вера в эти идеалы не допускает исключений, и в 1967 г. в разгар боевых действий во Вьетнаме американские квакеры на ежегодном заседании в Филадельфии принимают следующее заявление:

«Мы знаем, что более половины гигантского бюджета США направлено на войну и ее подготовку. Мы вовлечены в аморальную и противоречащую Конституции войну в Азии, в то время как мил-

⁴⁰ **Индукция** — метод доказательства, при котором наблюдение за отдельными частными случаями наводит на гипотезу, которая нуждается в доказательстве.

лионы людей в некоторых местах земного шара умирают от истощения... Как граждане демократии, мы частично ответственны за рост милитаризма в нашем правительстве и за пренебрежение к сохранению мира. Мы понимаем, что в атомный век недостаточно, чтобы отдельные люди жили в мире; наша христианская вера требует от каждого человека его активного отрицательного отношения к войне; и активного участия в деле защиты мира, как в нашей стране, так и между всеми народами, теперь и всегда, пока не исчезнет угроза войны».

По словам журналистов издания «Time», эта позиция нашла свое выражение в уклонении от призыва в армию вопреки наказанию: *«Многие выпускники американских вузов... пришли к выводу, что заключение в тюрьму в знак протеста против призыва на военную службу является жертвенным актом, посредством которого выражается отношение к долгу перед страной».*

Необычным образом квакеры совмещали христианские ценности с идеями Л.Н. Толстого об отказе от поддержки милитаристских устремлений собственного государства вопреки естественному чувству патриотизма. Поскольку в большинстве западных демократий военная служба является добровольной, то первым шагом на пути достижения мира, с точки зрения современного пацифизма, становится отказ от нее. Так, в конце 1980-х гг. аналитики констатировали *«взрыв пацифизма в ФРГ»* — он привел к тому, что популярность армейской карьеры стала неуклонно снижаться. В списке наиболее престижных профессий в Германии военная служба падает с 4-го места в 1990 г. на 12-е в 1996 г. Аналогичные процессы с конца XX в. идут и в других странах: например, только в течение 1981 г. в антивоенных демонстрациях приняли участие больше 2 млн жителей стран Западной Европы. В Испании с 1987 по 1996 г. число лиц, уклоняющихся от военной службы, увеличилось почти в 15 раз.

Основываясь на подобных фактах, священник Г.П. Чистяков сделал такой вывод:

«Пацифизм новой, объединяющейся Европы — не парадоксальный (хотя и сыгравший огромную роль в истории человечества) пацифизм религиозных мыслителей, но политический. Этот пацифизм вполне обоснован логически лучшими умами нашего времени»

и базируется, прежде всего, на той ответственности за стабильность в мире, которую берут на себя не одиночки и не президенты с правительствами, но сотни, даже тысячи самых разнообразных религиозных и международных общественных организаций. Это пацифизм, перед которым сегодня, несомненно, открываются огромные перспективы».

Резюмируя все вышесказанное, можно заключить, что основные положения пацифистской школы конфликтологии состоят в следующем.

1. Главной задачей личности, общества и государства является предупреждение открытого, неограниченного вооруженного насилия.
2. Для предотвращения вооруженных конфликтов следует воздействовать на верховную власть.
3. Для достижения мира необходима пропаганда ненасилия, основанная на личном примере.

Пацифизм, наверное, как никакое другое учение, был связан с творческими исканиями его апологетов. Эти люди были поставлены перед необходимостью искать пути борьбы, не связанные с насилием, когда против них насилие применялось постоянно. В итоге сложность вопроса способствовала появлению множества ответов на него. По-видимому, именно это и является его главным вкладом в конфликтологию. Глядя на усилия пацифистов, порой результативные, порой безрезультатные, можно с уверенностью утверждать, что ***миротворчество является не механическим алгоритмизированным процессом, а интеллектуальным поиском сродни искусству.*** Даже в Декларации Шумана, заложившей основы создания Европейского Союза, прямо сказано: *«Мир во всем мире не может быть обеспечен без творческих усилий, пропорциональных тем опасностям, которые ему угрожают».* Пока человек занят творческим процессом, его мало волнует война.

Дополнительная литература к разделу

1. Байханов И.Б. Теоретики ненасилия и идеология силы: суждения и интерпретация конфликтов // Власть. 2012. № 9.
2. Гжегорчик А. Духовная коммуникация в свете идеала ненасилия // Вопросы философии. 1992. № 3.

3. Деметрадзе М.Р. Политико-правовые аспекты гражданского неповиновения // Полис. 2007. № 4.
4. Карапетян Н. «Новый» наряд пацифизма // Звезда. 2004. № 4.
5. Кашников Б.Н. Пацифизм, необходимая война и террор. Три доктрины русской философско-правовой мысли // Военно-юридический журнал. 2012. № 12.
6. Мацуо М. Концепция мира в исследованиях мира: краткий исторический очерк // Вестник ТГПУ. Серия «Гуманитарные науки». 2007. № 1.
7. Пацифизм в истории. Идеи и движения мира. М.: ИВИ РАН, 1998.
8. Соина О.С. Л. Толстой о смысле жизни: этические искания и современность // Вопросы философии. 1985. № 11.
9. Таньшина Н.П. Граф Ж.-Ж. де Селлон — глашатай европейского пацифизма // Новая и новейшая история. 2013. № 6.

Контрольные вопросы

1. Какой смысл пацифисты вкладывают в понятие «мир»?
2. Перечислите ведущие пацифистские работы Эразма Роттердамского.
3. В чем состоит суть понятия «сатьяграха»?
4. В чем разница между пацифистскими идеями Ш. Монтескьё и Л.Н. Толстого?
5. Каковы особенности религиозного и светского пацифизма?
6. Как осуществляются акции гражданского неповиновения?

Темы докладов и рефератов

1. Соотношение пацифизма и патриотизма в современном мире.
2. История пацифистских организаций и обществ.
3. Европейский и азиатский пацифизм.
4. Субкультуры и пацифизм.
5. Эффективность пацифистских акций.

ГЛАВА 4

Антифутуральная школа

Антифутуральная школа конфликтологии, по всей видимости, является главным средоточием негативистских взглядов на природу, истоки и последствия конфликтов в жизни человека и общества. Ее зарождение напрямую связано с масштабными вооруженными столкновениями XIX–XX вв., вселившими не только страх перед массовыми жертвами и разрушениями, но и идею их неизбежности в умы политиков, ученых и рядовых граждан. События, подобные Крымской войне, англо-бурской войне, русско-японской войне и т.д., привели ряд исследователей к идее, что повторяемость конфликтов из века в век, вне зависимости от усилий государственных и общественных деятелей, означает их принципиальную неразрешимость. Как и у буддистов, жизнь отдельных людей и общества в целом для приверженцев антифутуральных взглядов была связана с жестокостью и страданием, но в отличие от предшественников многие из них даже не пытались найти выход из этой ситуации, предлагая смириться с бессмысленностью усилий по предотвращению войн и разрушений.

Таким образом, первый и главный постулат данного направления в науке и философии звучит следующим образом: *конфликты проистекают из испорченности природы человека, символизируют его стремление к саморазрушению и ведут к конечному краху цивилизации.*

Подобные мотивы звучали еще в послании апостола Павла римлянам, в котором есть такие слова: *«не понимаю, что делаю, потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю»*. То есть человек совершенно иррациональным образом стремится не к мирной жизни, которая ему приятна, а к конфликту с окружающими, хотя сам признает это несправедным.

Предпосылки становления рассматриваемой школы были заложены философским и религиозным пессимизмом, означающим отрицательное отношение к жизни человека и общества, ее протеканию и итогам. Древние памятники общественной мысли полны такими сюжетами.

Например, уже в Ветхом Завете царь Соломон *«возненавидел жизнь, потому что противны стали ему дела, которые делаются под солнцем, ибо все суета и томление духа»*. Римскому философу Сенеке принадлежат слова, с которыми, наверное, согласится любой опытный конфликтолог или дипломат: *«Толпой сыплются новые беды, раньше, чем ты успел отдать дань прежним»*. Наконец, индийский автор V века н.э. Бхартрихари писал, что повседневная жизнь обычного человека *«проходит среди болезней, разлук и сопровождающих их горестей, службы посторонним и тому подобных занятий»*, *«одно за другим захватывает смерть все живущее, и оно не в силах противиться своей участи»*.

В XVII в. эти идеи получили развитие в трудах французского математика и литератора Б. Паскаля. Его перу принадлежат высказывания: *«человеческая природа не знает движения по прямой; у нее свои приливы и отливы»*, *«мы не способны ни на истину, ни на добро»*, наконец, *«одни предпочитают смерть миру, другие предпочитают смерть войне»*. В его представлении люди, без всякого сомнения, неразумные существа, которые живут без оглядки на прошлое и будущее: *«самая великая и важная вещь в мире имеет своим основанием неразумие»*, а *«самые неразумные вещи в мире оказываются самыми разумными из-за людской испорченности»*. Более того, *«никто не изумляется собственному неразумию»* и даже не обращает внимания на бесцельность большинства поступков — процесс подменяет собой результат деятельности. Черда размышлений Паскаля завершается очевидным выводом:

«Вот отчего людям так желанны игра и болтовня с женщинами, война, высокие чины. Не потому, что в них истинное счастье, и не потому, что кто-то думает, будто подлинное блаженство заключено в выигранных деньгах или затравленном зайце; подари их нам кто-нибудь, мы остались бы равнодушны. Нам нужны не мирная и праздная жизнь, позволяющая думать о нашем несчастливом уделе, и не опасности войны, и не тяготы службы; нам нужна суета, заглушающая эти мысли и развлекающая нас. Поэтому охота важнее, чем добыча».

Конфликт как процесс привлекает людей тем, что позволяет отвлечься от действительно важных мыслей и дел, поскольку чем больше проблем и противоречий ставит перед человеком общество,

тем активнее он углубляется в войны и игры, что вполне может привести цивилизацию к краху — ведь все ее проблемы так и останутся нерешенными. В этом виден явный антифутуральный подтекст данной концепции, поэтому Паскаля, наверное, можно считать первым светским антифутуристом.

Впрочем, несмотря на его заслуги, видимо, первыми авторами, которым удалось сформулировать и обосновать подобные идеи с философской точки зрения, были С. Кьеркегор, Ю. Банзен и Ф. Майнлендер.

В основу творчества датского мыслителя С. Кьеркегора легла идея о несовершенстве человека в сравнении с Богом. В своей жизни человек, по Кьеркегору, проходит три стадии отчаяния: возможное, мужественное и абсолютное. На первом этапе он боится быть самим собой, и это приводит к распаду личности: она *«рассыпается в песок мгновений»*. На втором этапе честолюбие и самонадеянность человека приводят к осознанию его неспособности подняться над своей несовершенной природой. Третий этап связан с осознанием человеческого одиночества, наконец дающего ему свободу. Философ полагал, что даже отчаяние и страх смерти можно использовать для саморазвития, но он же признавался самому себе, что *«многие спрыгивают с этой тропы, многие не могут выдержать мученичества непостижимости, выбирая вместо этого весьма удобное мирское восхищение умелостью»*.

Немецкий автор Ю. Банзен исходил из алогичности окружающего мира, представляющего собой борьбу противоположных начал. Человеческое общество для него — это собрание отдельных личностей, воля каждой из которых стремится к конфликту с другими. Как следствие, существующие противоречия по определению неразрешимы, а примирение — лишь видимость. Довольно точно суть учения Банзена выразил философ В. Виндельбанд, по его словам, данная концепция строилась на том, что *«неразрушимая индивидуальная воля, воплощаясь во все новые и новые существования, обречена на то, чтобы бесконечно переносить страдания саморастерзания»*. Получалось, что общество даже теоретически не способно гарантировать его членам бесконфликтное существование, так как любая организация индивидов будет вынуждена столкнуться с объективными внутренними и внешними оппозициями. Таким образом, само существование человеческой воли является залогом постоянных конфликтов, и способа изменить эту ситуацию не существует.

Немецкий философ Ф. Майнлендер также порицал человеческий эгоизм, логика которого неминуемо ведет человека к конфликту с себе подобными. Люди стремятся к господству над окружающими, и жизнь превращается в череду страданий, войн, разногласий. Ограничение свободы ввиду необходимости защищаться от проявлений эгоизма и агрессии, реализуемое государственными учреждениями, становится залогом недостижимости счастья для каждого индивида⁴¹. Единственный достойный выход философ видел в «освобождении от существования» — добровольном уходе из жизни. Именно так он и поступил вскоре после публикации своего философского трактата «Философия освобождения».

Исследовательский импульс, созданный названными авторами, способствовал не только появлению новых философских работ антифутуральной тематики в XIX–XX вв., но и перенес эту тематику в плоскость художественного творчества — за разработку темы взялись уже не только ученые, но и писатели. Многие известные авторы той эпохи очень точно поняли основной посыл рассматриваемого направления конфликтологии. По словам самарского филолога О.В. Журчевой, драматурги смотрели на конфликт как на *«глобальную, вечную неустранимо-безысходную разорванность человека, противостояние социального и биологического, сознательного и подсознательного, неразрешимое противоречие одинокого индивида с отчужденной от него реальностью»*. Конфликт, как внутренний, так и внешний, казался чем-то независимым от его непосредственных участников, а значит — неустранимым их усилиями.

К примеру, еще в XIX в. итальянский поэт Дж. Леопарди в своих стихах проводил мысль, что человечество *«обречено на горе и страдания»*, жизнь — *«не что иное, как горечь и скука»*, а мир — *«один прах»*⁴². Среди современных западных авторов, разделяющих такие настроения, можно назвать американского фантаста С. Кинга, чей

⁴¹ Говоря о становлении своего отношения к окружающему миру, философ отмечал роль франко-прусской войны 1870–1871 гг.: «Чувства, которые война вызывала в моей груди, были родовыми схватками моей философии освобождения».

⁴² В этой связи можно вспомнить фразу Арамиса из знаменитого романа А. Дюма «Три мушкетера»: «Сегодня вы еще мой друг, завтра вы будете лишь призраком или совсем перестанете существовать для меня. Мир — это склеп, и ничего больше».

роман «Зеленая миля» довольно близок по содержанию философским книгам Майнлендера или Банзена. Так, в названном произведении главными героями являются заключенные и охранники строгого тюремного заведения для приговоренных к смертной казни, которые вступают в конфликты, стремясь переложить на окружающих собственные страдания и переживания. Смысл существования людей в таком ракурсе только один — *«перераспределение зла»* (выражение российского философа В. Филатова).

Справедливости ради, надо сказать, что и русские поэты и писатели отличались крайне пессимистичным взглядом на будущее Европы и мира в целом — и для произведений А.С. Пушкина, и для произведений М.Ю. Лермонтова пессимизм более чем характерен. В таком стиле был написан и рассказ А.П. Чехова «Палата № 6», в котором молодой врач-психиатр пытается вылечить своих пациентов от безумия, но в конечном счете сам сходит с ума. Рассказ был, по-видимому, написан под впечатлением от увиденного писателем на сахалинской каторге, о которой Чехов сказал так: *«Сахалин — это место невыносимых страданий... Мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждения, варварски; мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч верст... размножали преступников и все это сваливали на тюремных смотрителей... Вины не смотрители, а все мы»*. Главный герой «Палаты № 6» А.Е. Рагин, по его собственным словам, устал от *«всеобщего безумия, бездарности, тупости»* — именно эти черты он преимущественно видел в окружающих. Поскольку Чехов поместил своего героя в Российскую империю, его идеи были перенесены со всего человечества на конкретную страну, и писатель Н.С. Лесков заключил: *«Всюду — палата № 6. Это Россия»*.

Вообще, для России антифутуральные настроения являются в каком-то смысле традиционными, так как обусловлены эсхатологичностью сознания. Ни Чехов, ни Лесков не были одиноки в негативном отношении к историческому процессу. В России совершенно не удивительно читать на иконах надписи о том, что вскоре *«Солнце померкнет, и Луна в кровь преложится»*. Даже у классика русской литературы XIX в. Ф.М. Достоевского можно найти элементы эсхатологии. Недаром ему принадлежат слова, обращенные к современникам: *«А злой дух близко: наши дети, быть может, узрят его»*.

Все дело в том, что для православных христиан история казалась конечным процессом — его начало ассоциировалось с божественным сотворением мира и человека, а конец существованию человечества призван положить Страшный суд. Если прибегнуть к аналогии, то можно сказать, что история казалась нашим предкам не прямой линией или лучом, а отрезком, имеющим начало и конец. Каждый, кто знаком с содержанием Библии, знал, что перед «концом времен» антихрист должен воссоздать Римскую Империю и править в ней, сея ненависть и кровопролитие между людьми. После этого произойдет второе пришествие Христа — Страшный суд, а вслед за этим на землю сойдет «небесный Иерусалим», антихрист будет повержен вместе с его сподвижниками, и наступит вечное царство Христа. Как раз ожиданием этих событий была буквально пропитана русская история на протяжении нескольких веков.

Практически любые события (нашествия кочевников, пожары, неурожай, необычные климатические явления и т.д.) казались символами надвигающегося Страшного суда. Для понимания этой черты нужно осознать, что по христианскому учению в окружающем мире нет ничего случайного. Об этом очень красиво написал богослов Гуго Сен-Викторский: *«Вся природа именуется Богом. Вся природа учит человека. Вся природа порождает смысл, и нет в мире ничего бесплодного»*. То есть все события наполнены смыслом, который исходит от Бога. Еще в IX столетии Иоанн Скот Эриугена утверждал, что *«нет ни одной видимой и телесной вещи... которая не обозначала бы бестелесное и духовное»*, так что Всевышний с помощью знаков и символов обращает наше внимание на те или иные дела — достойные или предосудительные. Поэтому неурожай, голод или пожар, скорее сего, показывают неудовольствие поведением людей, а это как раз одна из причин второго пришествия Христа.

Например, известного царя-самозванца Лжедмитрия I русские книжники именуют *«сродник погибели»*, а это не что иное, как один из синонимов Антихриста. Современник эпохи — дьяк Иван Тимофеев — даже не пытался завуалировать свое отношение к новому царю, описав его следующим образом: *«весь сатана и антихрист во плоти явился»*. Жена Лжедмитрия Марина Мнишек для русских книжников — это вавилонская блудница из «Откровения Иоанна Богослова», ее даже называют *«не яко царица, но человекообразная аспида»*.

Старец Оптинской пустыни Макарий Иванов посчитал революционные события 1848 г. во Франции знаком приближения Страшного суда — по его словам, «*это страшное знамение Божьего гнева на отступнический мир*». В данной трактовке распространение идей европейского Просвещения равносильно разложению «*юного поколения*», которое «*иноземным мутным, ядовитым заражается духом*».

В 1898 г. имел место полуанекдотичный случай:

«...в Ростовском уезде явился слух о том, что какая-то женщина-монахиня на воздушном шаре прилетела в столицу и там, “где следует”, объявила о рождении антихриста. Там же говорили, что в воздухе носятся какие-то шары, которые внезапно падают на человека и бесследно его уничтожают. Источником такого слуха был шар, пущенный метеорологами».

Наконец, уже в начале XX в. в одной из брошюр автор называет датой «конца света» 1912 г.:

«...всюду войны, смуты, народные восстания, изгоняются цари земные, народ терпит голод, всюду бродят смутьяны, соблазняя легковверные сердца... Среди нас уже живет антихрист, который пока только ждет своего дня, чтобы восстать пред смущенным народом и повести его в преисподнюю ада на вековечные мучения и страдания».

Совершенно не удивительно, что в период революции 1917 г. многие христиане стали связывать появление антихриста с именем лидера большевиков В.И. Ленина, апеллируя к антицерковной политике новой власти.

Особенно эта тема была популярной у православных священников того времени. Например, в феврале 1917 г. епископ Феофан Затворник в одном из писем прямо указывает: «*...антихрист действительно уже существует и ожидает только времени для явления миру*». А преподобный Иоанн Кронштадтский даже утверждал, что «*антихрист не может появиться среди нас по причине самодержавной власти*» — получалось, что как только Российская империя пала, страна стала уязвима для злых сил.

Характерно, что в очередной раз не дождавшись Страшного суда в «нужный момент», россияне вовсе не разубежались в основных

принципах эсхатологии, а всего лишь искали якобы допущенную ими ошибку в расчетах.

Европейские мыслители и представители политической элиты также не избегли влияния эсхатологизма, однако в их случае антифутуральные настроения исходили из иного источника.

Так, активным антифутуралистом был германский драматург Г. Гауптман — автор почти 50 пьес, в которых на конкретных жизненных примерах последовательно раскрывались многие подобные мотивы. В работах Гауптмана усилие человека по преодолению конфликтов сводится на нет внешними обстоятельствами — они подчиняют героя, заставляют его перейти к душевной апатии, бездействию и в конечном счете приводят его к смерти. Вместе с тем, временная линия сюжета пьес Гауптмана позволяет понять, что конфликты не исчезают со смертью их участников, а продолжают существовать в иных формах, т.е. возникает эффект пролонгации.

Хотя большинство антифутуралистов полагали эту пролонгацию бесконечной, были среди них и те, кто считал возможным преодолеть вечную повторяемость и цикличность глобальных конфликтов.

Так, в 1879 г. вышла книга немецкого философа Э. фон Гартмана «Феноменология нравственного сознания», в которой автор давал совет человечеству — отказаться от трех основополагающих иллюзий: иллюзии земного счастья, иллюзии потустороннего счастья и иллюзии достижения счастья в результате исторического развития. Гартман полагал, что счастье для человека недостижимо и *«эволюция влечет Вселенную к уничтожению»*. Регулярно испытываемая каждым человеком боль является лишь отражением бесконечного страдания Бога, которого можно избавить от этой участи только отказавшись от повсеместного эгоизма.

В вышеупомянутой книге философ сомневается в возможности человека преодолеть негативные черты собственной природы: *«будет ли человечество способно к такому подъему сознания, чтобы достигнуть цели, или же возникнет для того другой высший вид на Земле, или же цель будет достигнута при более благоприятных условиях на другом небесном теле, трудно сказать»*, но он же заключает: *«как бы то ни было, в известном нам мире мы первенцы духа и должны честно бороться»*.

Весьма заметной фигурой в развитии антифутуральной школы был еще один немецкий философ, приват-доцент Политехнического инсти-

тута Ганновера Т. Лессинг. Основой его философии можно считать формулу «Культура истощает Природу». Причиной дезинтеграции в обществе, которую философ наблюдал в Европе в первой половине XX в., Лессинг искал в неуклонной рационализации всех сфер жизни. Эти идеи он поэтапно изложил в книгах «История как придание смысла бессмысленному», «Проклятая культура» и «Закат Земли в духе». Как пишут о взглядах Лессинга современные энциклопедисты, он считал, что *«человечество есть тупик эволюции, планетарная болезнь жизни»*.

Действительно, по мнению философа, совершенно искусственные общественные институты становятся на место традиционных форм общежития, вследствие чего исчезает направленность на единство с природным началом человека. Роль отдельных личностей в этих механизмах постепенно исчезает, и господствующим становится принцип «незаменимых нет». Лессинг призывал не относиться серьезно к происходящим вокруг событиям, пропагандируемым ценностям и лозунгам политических лидеров, так как они не в силах ни обратить вспять описанные процессы, ни даже замедлить их. По его словам, человечество — это *«стая хищных обезьян, впавших в манию величия по поводу своей так называемой духовности»*. При таком подходе рациональность — не способ урегулирования конфликтов, как полагали пацифисты, а чуть ли не их главный источник. По Лессингу, пока человек вновь не воссоединится с природой, фундаментальные проблемы в его жизнь никогда не будут решены.

Особое влияние на творчество антифутуристов XX в. произвели три события: Первая мировая война, Октябрьская революция 1917 г. и приход к власти в Германии нацистов. Эти события были связаны с масштабными человеческими жертвами, и они заставили исследователей обратиться к двум темам: всеобщему бунту как закономерному итогу развития общества и проблеме искусственного создания кровопролитных конфликтов для реализации личных амбиций.

Одним из наиболее известных специалистов в данных темах стал испанский исследователь Х. Ортега-и-Гассет. Его главный труд «Восстание масс» по-прежнему востребован теоретиками и практиками политического управления. В этой небольшой книге испанский

социолог утверждал, что после Первой мировой войны *«европеец замкнулся; у него ничего нет впереди, ни для себя, ни для других»*. На практике это означало, что произошел отказ от усвоения культуры и наследия прошлого, исчезновение традиций, самоустранение от решения стоящих перед обществом задач.

Европеец становится человеком, который не хочет ни признавать чужую правоту, ни самому быть правым.

«Стоит европейцу привыкнуть к тому, что он больше не управляет, — писал Ортега-и-Гассет, — и через полтора поколения старый континент, а за ним и целый свет погрузятся в нравственное оупение, духовное бесплодие, всеобщее варварство. Только сознание своей власти и дисциплина ответственности могут держать в должном напряжении духовные силы Запада. Наука, искусство, техника и все остальное могут процветать только в бодрящей атмосфере, созданной ощущением власти. Как только оно угаснет, европеец начнет падать все ниже».

В соответствии с данным видением ситуации власть становилась фактором стабилизации общества лишь до тех пор, пока она находится в руках людей с достаточно высоким культурным уровнем, но как только их место занимают массы, положение резко меняется. В тот момент, когда большинство людей *«не ощущает в себе никакого особого дара или отличия от всех, хорошего или дурного»* и при этом *«нисколько этим не огорчены, наоборот, счастливы чувствовать себя таким же, как все»*, они приводят к власти правительство не способное урегулировать споры и предотвращать войны: *«его деятельность сводится к тому, чтобы как-то увертываться от поминутных осложнений и конфликтов; проблемы не разрешаются, а откладываются со дня на день любыми средствами, даже с тем риском, что они скопятся и вызовут грозный конфликт»*. Все это, по мнению автора, приведет ко всеобщему упадку, *«жизнь оскудеет и увянет»*, а *«изобилие возможностей сменится всеобщим недостатком»*.

В целом, взгляд на Первую мировую войну как переломный момент истории человечества был весьма характерен для антифутуральной школы в XX в. Эта война, беспрецедентная по своим масштабам, по мысли философов, стала испытанием не только для европейских армий и промышленности, но по большей части для духа наций-победителей.

В 1918 и 1922 г. вышли два тома книги немецкого философа О. Шпенглера «Закат Европы». Уже из названия работы становится понятно, что автор на основе анализа недавних событий предрекал социокультурный кризис европейских стран. Автор приходит к заключению, что традиционная культура умирает, с ее смертью наступает и конец полноценной демократии. Его аргументация в числе прочего связана и с деградацией системы разрешения международных конфликтов: в новых условиях *«никто пальцем не шевельнет, пока беда затронула лишь соседа»*. Наука оказалась неспособной противостоять этим тенденциям, так как направила свои усилия на изобретение новых средств разрушения и убийства, а не способов их избежать. Соответственно глобальный конфликт олицетворяет всеобщий распад и разложение. Вот слова автора по этому поводу: *«Человечество для меня — зоологическая величина. Я не вижу нигде прогресса, цели, пути человечества... Я не вижу... никакого духа и... никакого единства стремлений, чувств и понимания в этой простой массе населения, именуемой человечеством. Осмысленную направленность жизни... я вижу только в истории отдельных культур»*.

В 1923 г. в книге «Европа без мира» итальянский политик Ф.С. Нитти выступает с резкой критикой итогов победы Антанты. *«По окончании почти всех войн девятнадцатого века, — пишет Нитти, — наблюдалось пробуждение всех областей человеческой деятельности. Эта же грандиозная война, в которой участвовали почти все народы, убила во всех странах энергию, помрачила умы и способствовала развитию духа насилия»*. Конфликт 1914–1918 гг. не привел к искоренению противоречий между европейскими державами, а напротив, способствовал дальнейшей милитаризации: *«эта война не породила ни одного крупного явления в искусстве, ни одной крупной моральной ценности»*.

Тем самым, по мнению бывшего итальянского премьер-министра, к началу XX в. весь конструктивный потенциал вооруженных конфликтов был исчерпан и наступила эпоха ненависти и насилия одних народов над другими.

Примерно в тот же период во Франции другой видный мыслитель — Рене Генон — пошел еще дальше своих коллег в поиске первопричины конфликтных ситуаций, охватывающих общество и отдельных его членов. Он приходит к выводу, что проблема состоит не в несовершен-

стве государства, масс или даже вида Homo Sapiens, а в самой материальной основе мироздания. Вот его слова, характеризующие данную мысль:

«...все проистекающее из сферы материи может породить лишь ссоры и конфликты между различными народами или личностями. Чем глубже нисхождение в материю, тем больше и сильнее противоречия. С другой стороны, чем выше подъем к чистой духовности, тем ближе к единству».

В 1912 г. в возрасте 26 лет Генон принял ислам и стал исповедовать суфизм⁴³. В этой связи не удивительно, что в его произведениях звучали аскетические мотивы. Однако нельзя не согласиться со следующими словами философа:

«Если и возникают конфликты между различными социальными тенденциями, коренящимися в сугубо современном мировоззрении, они являются конфликтами не между индивидуализмом и чем-то отличным от него, но между различными формами одного и того же индивидуализма, под какой бы личиной он ни выступал. И нетрудно заметить, что подобные конфликты никогда еще не были столь частыми и серьезными, как сегодня, благодаря отсутствию всякого принципа, способного объединить множественность, а также и потому, что сам индивидуализм уже изначально предполагает разделение. Это разделение и проистекающий из него хаос являются неизбежными следствиями всецело материальной цивилизации, так как сама материя есть истинный источник всякого разделения и множественности».

По мнению Генона, современная цивилизация по своей природе «не может не сеять повсюду беды, конфликты и разделения», поэтому уход от материализма виделся ему главным способом преодоления этих негативных тенденций.

⁴³ **Суфизм** — мистико-аскетическое течение в исламе, ставящее своей целью воспитание совершенного человека, свободного от мирской суеты и сумевшего возвыситься над негативными качествами собственной природы.

Таким образом, несложно понять, что концептуально и Т. Лессинг, и Р. Генон, и Э. фон Гартман сходятся в одном: *урегулирование конфликтов в современном мире невозможно без кардинального изменения менталитета всех членов общества*. Это является вторым постулатом антифутуральной школы конфликтологии.

Хотя большинство указанных авторов были западноевропейцами, российским специалистам также не были чужды антифутуральные наклонности — к этому их подталкивали главным образом события революции, Гражданской войны и сталинские репрессии.

Так, священник и философ П.А. Флоренский, попав в заключение в Соловецкий исправительно-трудовой лагерь особого назначения, в письме сыну Кириллу в 1936 г. задается вопросом: *«Что, собственно, приобрел человек, встав на задние лапы?»*. Ответ, который он дает самому себе, наполнен пессимизмом: человек, по словам Флоренского, *«утратил многое — непосредственность жизни, устойчивость, спокойствие, вообще все непосредственно удовлетворяющее. Приобрел же умение строить электростанции да заводы, вести войны, устраивать общество. Но ведь все это делается каждым из нас не для себя, а для кого-то другого, собственная же заинтересованность весьма сомнительна. Лучшие бы было на четырех ногах»*. Всего через полтора года после написания этих строк священник будет расстрелян.

В отличие от него историк и публицист Г.П. Федотов смог избежать подобной участи, так как в 1925 г., получив возможность выехать из СССР в научную командировку в Германию, на Родину более не вернулся. Воочию наблюдая и русский большевизм, и немецкий нацизм, и французский фашизм, он переходит от критики европейских политических режимов к критике цивилизации как таковой:

«Враждебная христианству цивилизация в самых разнообразных проявлениях своих становится антигуманистической, бесчеловечной. Бесчеловечна техника, давно отказавшаяся служить комфорту ради идеи самодовлеющей производительности, пожирающей производителя. Бесчеловечно искусство, изгнавшее человека из своего созерцания и упоенное творчеством чистых, абстрактных форм. Бесчеловечно государство, вскрывшее свой звериный лик в мировой войне и теперь топчущее святыни личной

свободы и права в половине европейских стран. Бесчеловечны... одинаково и коммунизм, и фашизм, рассматривающие личность как атом».

Любопытно, что ожидание скорого глобального кризиса для антифутуральной школы конфликтологии является практически постоянным: каждое новое поколение ученых и философов с новой силой критикует существующий общественный и государственный строй, предсказывая его неминуемый закат в результате крупномасштабных конфликтов. Даже современные российские авторы продолжают мысли П.А. Флоренского и Г.П. Федотова. Например, академик Н.Н. Моисеев в статье «Человек во Вселенной и на Земле» 1990 г. вновь утверждал, что *«человечество подошло... к грани глобального кризиса».*

В книге «Судьба цивилизации. Путь Разума» его тезисы приобретают еще более радикальный характер: по словам академика, эволюционная *«схема развития материального мира... исключает существование бесконфликтного общества на любом этапе его развития».* Наиболее масштабным типом конфликтов Моисеев (как многие другие ученые) считает войны с применением ядерного оружия. В упомянутой книге он привел данные компьютерного моделирования возможных последствий такого конфликта, согласно которым биосфера после войны не сможет вернуться в благоприятное для жизни человека состояние. Таким образом, философские аргументы антифутуралистов были подкреплены данными математики и биологии, что перевело дискуссию на совершенно новый уровень. Крах цивилизации перестал быть пугающим отделенным событием, степень вероятности которого невозможно установить, — появление оружия массового поражения сделало его вполне реальным.

На Западе во второй половине XX в. критика существующих институтов конфликто разрешения началась с новой силой на фоне распространения философии постмодерна. Европейские и американские философы и социологи все более склоняются к мысли, что даже относительная гармония *«недостижима ни усилиями воли людей, ни путем изменений в самой жизни, которая становится... хаосом».* Соответственно, система управления общественными отношениями была настолько испорчена, что само общество казалось уже не *«институционально регулируемым целым»*, а всего лишь *«ареной кон-*

фликтов из-за использования символических благ» — к такому выводу пришел французский социолог А. Турен, и был в этом совсем не одинок.

Именно во второй половине XX в. — после окончания Второй мировой войны — создаются, наверное, главные труды антифутуральной школы. К таковым можно причислить две работы австрийского исследователя К.Ц. Лоренца: «Агрессия» (опубликована в 1966 г.) и «8 смертных грехов цивилизованного человечества» (опубликована в 1974 г.).

На основании анализа эволюции нескольких десятков биологических видов Лоренц смог заключить, что наличие «природного вооружения», позволявшего наносить значительный физический ущерб окружающим, у некоторых видов способствовало появлению инстинктивного запрета на применение этого оружия во внутривидовых конфликтах. Те виды, которые не обладали подобным арсеналом для нападения, не выработали и жестких моральных запретов, так как в них просто не нуждались. Человек первоначально относился ко второй категории, однако научно-технический прогресс повлек за собой расширение наших возможностей причинения ущерба, но моральных запретов на применение оружия к представителям собственного вида (другим людям) так и не появилось.

В результате человек стал вести кровопролитные войны, поскольку рассматривал другие нации и государства в категориях «свой — чужой», несмотря на генетическое родство. Лоренц видел опасность этого подхода, так как его сохранение неминуемо привело бы к войне на уничтожение, поэтому он обратился к читателям со следующими словами:

«Мы должны научиться терпимости к другим культурам, должны отбросить свою культурную или национальную спесь — и уяснить себе, что социальные нормы и ритуалы других культур, которым их представители хранят такую же верность, как мы своим, с тем же правом могут уважаться и считаться священными. Без терпимости, вытекающей из этого осознания, человеку слишком легко увидеть воплощение зла в том, что для его соседа является наивысшей святыней».

Спустя несколько лет после публикации книги «Агрессия», в которой были изложены эти идеи, Лоренц пишет новый труд, где антифутуральные стороны его концепции получают дополнительное развитие. По его мнению, современное мироустройство противоестественно для человека, а общество стало крайне неустойчивым из-за ряда причин, а именно:

- 1) перенаселение;
- 2) опустошение жизненного пространства;
- 3) высокий темп жизни, навязанный всеобщей конкуренцией;
- 4) возрастание нетерпимости к дискомфорту;
- 5) генетическое вырождение;
- 6) разрыв с традицией;
- 7) индоктринируемость;
- 8) угроза ядерного оружия.

Кратко появление этих взглядов можно объяснить так.

По словам Лоренца, активный научно-технический прогресс, основанный на принципах экстенсивного развития, повлек за собой стремление человека эксплуатировать природу для удовлетворения собственных потребностей. Это, в свою очередь, сказалось не только на снижении ресурсного потенциала планеты, но и на повышении уровня агрессии в межличностных и международных отношениях, отмирании морально-этических норм, утрате общечеловеческих ценностей. Под воздействием чувства нездоровой конкуренции темп жизни человека невероятно ускорился, что привело к исчезновению обыденного общения, стремлению к неоправданной роскоши, всестороннему ограждению себя от различных лишений. Направленность вектора развития общества на приумножение удовольствия и комфорта сделало человека инертным, незаинтересованным в долгосрочных проектах, не гарантирующих немедленного получения выгоды. В этом Лоренц видел пороки социально-экономического уклада.

Помимо этого его беспокоили и другие грехи современной цивилизации. В частности, толерантность современного общества и инфантильность его членов потенциально могут привести к генетическому вырождению. По Лоренцу, когда общество сталкивается с нарушениями установленных законов, норм и правил, оно стремится обвинить в этом не столько самого преступника, сколько себя.

Не вызывает сомнений, что *«нормальный член общества наделен весьма специфическими формами реакций, которыми он отвечает на асоциальное поведение. Оно “возмущает” нас, и самый кроткий из людей реагирует прямым нападением, увидев, что обижают ребенка или насилуют женщину»*. В то же время, *«один из многих парадоксов, в которых запуталось цивилизованное человечество, состоит в том, что требование человечности по отношению к личности опять вступило здесь в противоречие с интересами человечества. Наше сострадание к асоциальным отщепенцам... мешает нам защитить тех, кто этим пороком не поражен»*.

Кроме того, человечество слишком доверяет новейшим научным достижениям в ущерб укоренившимся традициям. Это ведет не только к конфликту между консерватизмом и новаторством, но и конфликту поколений. Прошлое ассоциируется у молодежи с представителями старшего поколения, которое рассматривается как «чужой псевдовид», — его взгляды кажутся неактуальными, а ценности — чуждыми. При этом отрицание опыта прошлого, его незнание приводит к тому, что массы легко попадают под воздействие пропаганды, в том числе через СМИ. Манипуляции сознанием людей, лишенных знаний в области истории, позволяют создавать антинаучную картину мира и навязывать множество бездоказательных утверждений, попытка воплощения которых может привести к катастрофе.

В конце 1980-х гг. эта точка зрения нашла подтверждение в работах британских историков Э. Хобсбаума и Х. Тревора-Ропера, которые в своих трудах использовали весьма интересный термин — «изобретение традиций». Суть этой идеи сводится к тому, что во многих странах мира представители элиты (люди, обладающие авторитетом, богатством и властью) в целях извлечения выгоды нередко навязывают большинству граждан некие несвойственные им образцы поведения, выдавая их за многовековые традиции данного народа. Хотя их исследования в основном касались английской истории, для России полученные выводы не менее актуальны. В нашей стране история часто становится объектом политических дискуссий, в которых аргументы сторон подчас не вызывают у профессиональных ученых ничего, кроме улыбки.

В частности, известно мнение политика В.В. Жириновского, что *«для нашей страны демократия вредна. История России показывает,*

что, как только расширяются политические свободы, сразу происходит крушение в стране... В России невозможны ни нормальная многопартийная система, ни защита прав человека — у нас нельзя ничего навязывать искусственным путем, а естественный для нас — это самодержавие».

«Изобретение» русских традиций порой носит откровенно опасный для общества характер. К примеру, если посмотреть исторические передачи по телевидению, почитать некоторые книги, стоящие на полках магазинов, то создается впечатление, что в отечественной истории нет и не было «нормальных» людей. Имеется в виду, что сюжеты этих книг и передач часто вращаются вокруг деспотов, тиранов, убийц, сумасшедших, маньяков и мошенников.

Рассказ о временах относительного покоя, поступательного развития и стабильности, о благодетелях и деятелях культуры является крайне редким. У читателя или зрителя на этом основании вполне может возникнуть мысль, что в российском прошлом отсутствуют какие-либо моральные авторитеты — люди, с которых стоило бы брать пример. Напротив, современники пытаются найти в этом прошлом отголоски своих нынешних наклонностей (порой довольно дурных) и оправдать их через историю. Нельзя не вспомнить известнейшую фразу из романа Ф.М. Достоевского «Бесы»: *«Если Бога нет, все дозволено»*. Позволим себе перефразировать классика: *«если истории нет, то все дозволено»*.

По сути, скептическое отношение многих граждан России к ее современному состоянию проистекает именно из незнания ими истории страны. Многие негативные явления современности (коррупция, алкоголизм, бедность, неграмотность и т.д.) кажутся людям непреодолимыми, поскольку они якобы predeterminedены всем прошлым страны, и так, как сейчас, было всегда. Как здесь не вспомнить слова, сказанные китайским безумцем по имени Цзе Юй великому философу Конфуцию: *«О, Феникс, Феникс, как померкла доблесть твоя! На грядущее нет надежды. К прошлому нет возврата»*.

Ученые столкнулись с тем, что распад Советского Союза в последние годы стал восприниматься в обществе как символ идеологического краха всей российской цивилизации и культуры, вследствие чего значительная часть граждан стремится к адапта-

ции европейских устоев и ценностей на территории России, видя в этом залог эффективности решения стоящих перед страной задач. Подобный подход, по сути, базируется на ложном убеждении, поскольку советским строем достижения российской цивилизации отнюдь не ограничиваются. Равным образом и европейские ценности и принципы общественной жизни далеко не во всем являются идеальными, не говоря уже о целесообразности их распространения на весь мир.

Наряду с этим как в России, так и за рубежом многие специалисты антифутурального толка, продолжая мысль К.Ц. Лоренца, утверждали и продолжают настаивать на том, что главный грех современной культуры — ее концентрация вокруг насильственных практик. Так, знаменитый немецкий философ и композитор Т. Адорно полагал специфической чертой общества второй половины XX в. распространение стереотипов и мыслительных клише. Его произведения *«отражают не поддающиеся познанию непримиримые противоречия, существующие в раздираемом конфликтами мире»*. Личность, по мнению мыслителя, находится под постоянным давлением идеологизированной культуры. Подлинное искусство для него — это *«криптограмма непримиримых противоречий между судьбой отдельного человека и его назначением как человека, изображение того, как проблематично всякое увязывание антагонистических интересов в единое целое»*. Из его трудов следовало, что мир построен на принуждении. Каждый отдельный человек не может вести себя в соответствии с самостоятельно избранной стратегией поведения — это приводит к конфликту личности и общества. Собственно, все люди и находятся постоянно в этом конфликте.

Нельзя не согласиться с антифутуристами в том, что современное общество склонно проявлять терпимость по отношению к насилию. Целая череда «цветных революций» начала XXI в., подчас сопровождавшихся кровопролитием, как ни странно, была встречена политиками и рядовыми гражданами развитых стран одобрением. Например, в декабре 2013 г., когда в столице Украины Киеве начались массовые акции протеста, впоследствии переросшие в погромы, группа американских конгрессменов обратилась к президенту США Б. Обаме с призывом помочь украинскому народу создать *«независимую и единую Украину, уважающую права своих граждан»*.

Характерно, что силовые акции украинских радикалов, по мнению законодателей, отражали *«стремление народа Украины изменить свою страну в сторону большего уважения прав человека, свободы слова, свободы прессы и верховенства закона»*, хотя эти акции как раз и были нарушением закона. И подобные факты в современном мире весьма распространены.

Важно учесть, что наравне с научно-исследовательскими разработками идеи антифутуральной школы в XX в. нашли широкое распространение в художественном творчестве, особенно в литературе и кинематографе.

Что касается художественных фильмов, то антифутуральная риторика известных ученых и философов способствовала появлению такого жанра, как «постапокалиптика». К подобным произведениям можно отнести картины «Безумный Макс», «Человек Омега», «Обитель зла», «Книга Илая» и т.д. Все эти фильмы показывают мир после глобальных катастроф, в той или иной мере вызванных действиями человека. Центральной идеей в данном ракурсе становится тезис о том, что конфликты между отдельными людьми и группами после этих катаклизмов отнюдь не исчезают, несмотря на уничтожение общества. Иными словами, получается: стремление к вражде настолько глубоко скрыто в природе человека, что он не в силах преодолеть эту черту даже перед лицом окончательной гибели цивилизации. В фильме 2010 г. «Бунраку» с первых же секунд природа человека и человечества именуется *«саморазрушительной»*, а стремление к вооруженной борьбе с окружающими — неистребимым. По мысли создателей киноленты, человек всегда демонстрировал *«порочное очарование насилем»*, и многовековая эволюция никак на этой черте не сказалась.

Наряду с этим отрицалась и идея конфликтогенности современного общества, на которое общественно-политические деятели и ученые неоднократно старались возложить ответственность за преступные и аморальные действия некоторых его представителей. В постапокалиптическом кинематографе человек сам по себе конфликтен и ему не требуется какое-либо институциональное поле для

подобной деятельности — он постоянно стремится к доказательству своей точки зрения и отстаиванию ценностей с оружием в руках. Отсутствие законов, правоохранительных органов и правительственных учреждений лишь облегчает эту задачу. Впрочем, справедливости ради стоит заметить, что это на данный момент недоказуемо.

В попытке смоделировать последствия крупных конфликтов современности кинематограф был не одинок, не меньшее значение имела и литература.

Среди известных книг прошлого столетия, в которых поднимались рассматриваемые проблемы, стоит назвать роман А. Рэнд «Атлант расправил плечи». Книга вышла в США еще в 1957 г. Она была посвящена описанию экономических и политических процессов в Соединенных Штатах после крупного кризиса, в результате которого к власти приходят сторонники социализма, стремящиеся к установлению диктатуры. Их попытки урегулировать экономические противоречия с помощью методов планирования не приводят к успехам, отчасти потому, что идеология этих людей отрицает идею достойного вознаграждения:

«Они заявляют, что вы рождены для рабства, именно потому, что вы талантливы, в то время как они по праву собственной бездарности рождены управлять, что вы должны только давать, а они только брать, что ваш удел — производить, а их — потреблять, что вам не надо платить — ни материально, ни духовно, ни богатством, ни признанием, ни уважением, ни благодарностью».

В таком ключе «единственным эффективным средством убедить людей» работать на благо других становится страх, и наиболее талантливые члены общества, достигшие успеха собственным интеллектом, волей и трудолюбием, самоустраиваются от поддержки страны, которая эксплуатирует их таланты во имя тех, кто этих талантов лишен. Одной из центральных сцен романа, давшей ему название, становится диалог между двумя крупными американскими промышленниками, один из которых задает необычный вопрос: *«Скажите, если бы вы увидели Атланта, гиганта, удерживающего на своих плечах мир, если бы увидели, что по его напряженной груди струится кровь, колени*

подгибаются, руки дрожат, из последних сил тщась удержать этот мир в небесах, и чем больше его усилие, тем тяжелее мир давит на его плечи, что бы вы велели ему сделать?». Ответ на этот вопрос очень прост: «Распрямить плечи», т.е. дать миру упасть.

На этом основании можно сформулировать третий тезис антифутуральной школы конфликтологии: **урегулировать конфликты в системе имеет смысл только при сохранении системой минимальной жизнеспособности**. Действительно, если воспринимать процесс урегулирования как попытку «починить» систему, в которой возникли сбои между элементами, то данный процесс не будет иметь никакого успеха, если основные функции системы более не работают.

Помимо книги А. Рэнд были и другие произведения, заслуживающие внимания.

В 1962 г. американский фантаст Г.Б. Пайпер в книге «Космический викинг» предложил читателям весьма пессимистичный вариант продолжения истории человечества. По его мнению, при повышении темпов научно-технического прогресса значительная часть общества восстанет против слишком быстрых изменений и это запустит процесс деградации социума. Люди откажутся не только от различных технических усовершенствований (робототехники, атомной энергетики, авиации и т.д.), но и от государства, науки и культуры.

Пайпер называет таких людей «неоварварами». Корни их победы над сторонниками прогресса писатель видел в стремлении масс добиться приращения материальных благ и их справедливого распределения, вследствие чего, с одной стороны, культура становится нерентабельной (и уничтожается), а с другой — новейшие изобретения попадают под запрет, так как нарушают стабильную систему распределения. Герои Пайпера, пытающиеся противостоять процессу варваризации, в конечном счете осознают бессмысленность этой борьбы: *«Наши правители — варвары. Ни один из них... не посвятил себя цивилизации или чему-нибудь другому, кроме собственных интересов, а это — признак варварства»*. Всего через год после выхода книги из печати ее автор покончил жизнь самоубийством.

Вопреки в каком-то смысле трагическому финалу романа, заложенные в нем идеи получили дальнейшее развитие как в среде фантастов, так и в научном сообществе.

Например, в 1970 г. американский социолог Э. Тоффлер выпустил книгу «Шок будущего». Данное произведение уже по названию ярко демонстрировало антифутуральные наклонности автора, который видел в современном обществе постоянную деградацию основных институтов. Так, по данным автора, о деградации семьи свидетельствует увеличение количества разводов относительно числа браков; деградация образования связана с падением его престижа и востребованности; о деградации искусства говорит его подверженность моде, а не традиционным канонам и художественным формам.

Будущее, по Тоффлеру, с научно-технической точки зрения наступит быстрее, чем с социально-психологической, поэтому в XXI в. *«миллионы простых, психологически нормальных людей окажутся в резком конфликте с будущим. Будучи гражданами самых богатых в мире и наиболее технически развитых стран, многие из них все с большим трудом будут поспевать за непрекращающимися требованиями перемен, которые характерны для нашего времени. Для них будущее наступит слишком быстро»*. Именно этот эффект «запаздывания» порождает негативные реакции: преступность, наркоманию, деморализацию, распространение порнографии и т.д.

В данной книге автор предлагает читателю взглянуть на современные конфликты как на результат несовпадения скоростей развития у различных групп: *«Причины большей части иначе непостижимых конфликтов — между поколениями, между родителями и детьми, между мужьями и женами — можно найти в разных реакциях на ускорение темпа жизни. То же самое верно о конфликтах между культурами»*. Эти скорости невозможно привести к единому знаменателю, поэтому *«многие члены сверхиндустриального общества никогда не почувствуют себя в “своей тарелке” в будущем»*.

Ускорение развития общества приведет к нарушению равновесия между *«рутинным и необычным, предвидимым и непредсказуемым, известным и непознанным»*. Как следствие, современный мир перейдет от единообразия к разнообразию, которое потенциально является конфликтогенным фактором — ведь увеличение числа точек зрения на проблемные вопросы повышает вероятность конфликта между их

приверженцами. Более того, *«сегодня в нашей жизни существует скрытый конфликт между давлениями ускорения и давлениями новизны. С одной стороны, от нас требуются быстрые решения, с другой — решения твердые, требующие больше времени на обдумывание»*.

Всю эту последовательность аргументов Тоффлер завершает следующим выводом:

«Политика технологического контроля вызовет острый конфликт в предстоящие дни. Но будет конфликт или нет, технологию необходимо укротить, если надо — взять под контроль ускоряющийся рынок. А ускоряющийся рынок необходимо взять под контроль, если надо предотвратить шок будущего».

Тем самым большинство современных сторонников антифутуральной школы являются противниками модернизационных рынков и интенсивных темпов повышения научно-технического прогресса, поскольку человеческое общество к подобным трансформациям просто не готово. В этой ситуации опасность активного развития состоит в возможном ускорении деградации, скатывании во «вторичное варварство».

Как заметил по этому поводу российский публицист С.Б. Переслегин, *«в аналитических стратегиях новое варварство неизбежно»*, так как *«человечество столкнулось с фазовым кризисом»*. По его мнению, производимые наукой в последнее время идеи, несмотря на свежесть и даже революционность, находят воплощение в конкретных разработках только спустя десятилетия. Эта ситуация отражает кризисные тенденции не только в науке или промышленном производстве, но и в системе управления, образовании и т.д. Соответственно, глобальный кризис — это событие не будущего, пусть даже обозримого, а настоящего, и все конфликты, имеющие место в современном мире, являются порождением этого кризиса.

На этом фоне все чаще звучат слова об изначальном несовершенстве сложившейся системы отношений между работниками и работодателями, старшим поколением и молодежью, а также разными цивилизациями, странами и общественно-политическими груп-

пами. Эти системы, по словам антифутуралистов, порождают больше конфликтов, чем могут урегулировать. В итоге общество находится в постоянной конфронтации. По этому поводу нельзя не вспомнить слова итальянского писателя У. Эко: «...войну больше не объявляют... и никогда не известно: находимся ли мы в состоянии войны или нет».

В довершение нельзя не сказать о творениях известного американского психолога, одного из основоположников психоистории Ллойда де Моса. По его авторитетному мнению, на поведение человека в значительной мере влияют психологические травмы, полученные еще в состоянии эмбриона, — эти травмы остаются в психике индивида и в зрелом возрасте. Ситуация может быть усугублена особенностями семейных отношений и педагогической спецификой в разных странах — эти факторы превращают единичные случаи отклонений в систему. Одним из проявлений этого феномена является радикальный национализм, руководимый вождями, которые становятся своеобразными «делегатами родины». В свою очередь, задача Родины — «определить часть “плохого я” (символически “плохих детей”), которых нужно принести в жертву — внешне, в войнах, и внутренне, в виде “козлов отпущения”».

По мнению де Моса, «геноцид позволяет людям почувствовать себя живыми, рожденными заново» — насилие и конфликты становятся способом самореализоваться, осуществить свою свободу. Желание это, в сущности, носит иррациональный характер, ведь «войны всегда разрушительны в отношении тех, кто их начинает. На самом деле они являются ритуалами снижения уровня благополучия. Исследования, анализирующие цену завоеваний, убеждают, что те, кто начинает войны, редко их выигрывает, что завоеватели редко остаются в выигрыше, даже если побеждают в войне, так как если изучить подлинно долговременную стоимость войн, включая различные затраты, заемы, усилия, потраченные на поддержание дальнейшего насилия, можно сделать вывод о том, что акт развязывания войны — всегда иррациональный, саморазрушительный для нации в целом». То есть люди пытаются наказать сами себя. К сожалению, нельзя не признать, что у них это хорошо получается.

Исходя из вышесказанного, можно выделить следующие принципы антифутуральной школы конфликтологии.

1. Конфликты проистекают из испорченности природы человека, символизируют его стремление к саморазрушению и ведут к конечному краху цивилизации.
2. Урегулирование конфликтов в современном мире невозможно без кардинального изменения менталитета всех членов общества.
3. Урегулировать конфликты в системе имеет смысл только при сохранении системой минимальной жизнеспособности.

Несмотря на крайнюю пессимистичность этих тезисов, из них следует извлечь один важный совет: *урегулировать конфликты между сторонними акторами следует только после решения аналогичных проблем у себя.*

Дополнительная литература к разделу

1. Баталов Э.Я. Философия бунта (Критика идеологии левого радикализма). М.: Политиздат, 1973.
2. Лоренц К. Обратная сторона зеркала. М.: Республика, 1998.
3. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2002.
4. Филиппов В.Р. «Урегулирование конфликтов» в парадигме постмодерна // Реферативный журнал социокультурного и политического анализа. 2011. № 1.
5. Шпенглер О. Закат Европы. М.: Мысль, 1998.
6. Штайнер Р. Философия свободы: Основные черты современного мировоззрения. Калуга: Духовное познание, 1994.

Контрольные вопросы

1. Из каких стадий отчаяния состоит жизнь человека, с точки зрения С. Кьеркегора?
2. В чем залог преодоления человеком негативных сторон своей природы в представлении Э. фон Гартмана?
3. Назовите литературные произведения XX в., созданные на основе принципов антифутуральной школы конфликтологии?
4. В чем состоит основная причина социальных конфликтов, по мнению Р. Генона?
5. Кто из отечественных философов придерживался доктринальных положений антифутуральной школы конфликтологии?
6. В каких книгах К.Ц. Лоренца отражены его антифутуральные взгляды?
7. Чему посвящена книга Э. Тоффлера «Шок будущего»?

Темы докладов и рефератов

1. Антифутурализм в современном кинематографе.
2. «Неоварварство» и глобализация.
3. Научно-технический прогресс и эволюция вооруженных конфликтов.
4. Агрессивность как устойчивая черта личности.
5. Взаимоотношения Культуры и Природы.
6. Мировые войны и цивилизационное развитие.
7. Эсхатологические мотивы в русской культуре и их влияние на восприятие внешней агрессии.

Заключение

Подводя итоги рассказа о развитии негативистской доктрины конфликтологии, нельзя не признать, что ее основные постулаты сохраняют определенную степень актуальности до сих пор, хотя сама доктрина является одной из старейших в науке.

В частности, вывод о том, что апелляция к религиозным чувствам участников конфликта является важным средством снижения агрессии не только не вызывает сомнения, но и подтверждается множеством практических примеров в различных регионах мира. Схожим образом заслуживает внимания и идея, что миротворчество является не механическим алгоритмизированным процессом, а интеллектуальным поиском — этот постулат в полной мере отражает специфику работы дипломатов, переговорщиков и медиаторов в нынешних условиях. Наконец, нельзя не признать и правоту мысли о первоочередном урегулировании деструктивных конфликтов в собственной жизни, чтобы иметь возможность помогать в этом окружающим.

При этом негативное отношение к конфликтам довольно причудливым образом свело вместе представителей философского оптимизма (идеалистов) и пессимизма (антифутуралистов) — в этом плане рассматриваемая доктрина сама по себе стала фактором примирения между учеными и мыслителями. Она заслуживает внимания хотя бы потому, что ее приверженцы всегда провозглашали своими лозунгами справедливость и беспристрастность, столь важные для конфликтолога в современных условиях.

Вместе с тем следует учитывать, что негативизм, как и любое другое направление конфликтологии, не является абсолютной истиной и не должен восприниматься изолированно от других школ и направлений. Важно понять, что при урегулировании конфликтов необходимо использовать различные комбинации методов и средств, созданных теоретиками и практиками, для достижения максимального эффекта. Об этом еще в XVII в. очень грамотно написал английский философ Ф. Бэкон: *«...тот, кто не применяет новые средства,*

должен ожидать новых бедствий», ведь *«время является величайшим новатором».* Наконец, нужно помнить, что личность и опыт специалиста не менее важны, чем знание разработанных кем-то правил. Еще в V в. в послании Халкидонского Вселенского Собора звучали такие слова: *«Для сильных болезней нужны и сильное лекарство, и мудрый врач».*

Представление о конфликте как исключительно негативном явлении в работе современного специалиста не должно быть преобладающим — нужно понимать проблему с разных сторон. Вполне вероятна ситуация, что там, где один человек увидит трагедию, другой увидит перспективу.

Тем не менее в качестве практических советов для конфликтолога в его непосредственной деятельности вполне допустимо опираться на следующие постулаты:

- 1) главной задачей личности, общества и государства является предупреждение открытого, неограниченного вооруженного насилия;
- 2) конфликты являются допустимыми, только если их итог гарантирует возможность мирного существования людей;
- 3) для достижения мира необходима пропаганда ненасилия, основанная на личном примере;
- 4) урегулировать конфликты в системе имеет смысл только при сохранении системой минимальной жизнеспособности;
- 5) для предотвращения крупномасштабных конфликтов следует воздействовать на верховную власть;
- 6) для нахождения справедливого решения спорных вопросов требуются не только непредвзятость и беспристрастность, но и вера в человеческую доброту;
- 7) окончательное урегулирование конфликтов в современном мире невозможно без кардинального изменения менталитета всех членов общества.

Данные правила в целом отвечают задачам предупреждения и разрешения конфликтных ситуаций как на микро-, так и на макро-уровне.

Ключевым методом предотвращения негативных аспектов разногласий и конкуренции негативисты признают агитационно-пропагандистскую деятельность. Стороны, между которыми возникли проти-

воречия, должны в первую очередь ясно осознавать возможные последствия конфликта и его допустимые рамки. Профессиональный конфликтолог в таком ракурсе призван быть своего рода информатором, доносящим это до субъектов конфликта, ответственных за принятие решений. Его долг и обязанность — осуществить определенную перестройку образа ситуации в сознании конфликтующих сторон, предложить им иной взгляд на сложившиеся обстоятельства, объяснить выгоды мирного сосуществования.

Даже признавая теоретическую возможность использования сил принуждения для урегулирования конфликтных ситуаций, негативисты верят в потенциал переговоров. Дипломатия — это сила, способная достучаться практически до любого человека, если использовать ее грамотно и вовремя.

Наряду с этим именно представителям негативистской доктрины мир обязан появлением равноправия и началом борьбы с дискриминацией. Эти процессы были обусловлены не только стремлением принижённых социальных групп и индивидов получить равные права с привилегированными слоями общества, но и научным обоснованием подобной необходимости с точки зрения предупреждения деструктивных конфликтов. Это достижение конфликтологи-негативисты безусловно могут занести себе в актив.

Впрочем, как известно, негативистская доктрина в определенной степени способствовала появлению тоталитаризма. По сути, в негативизме долгое время шла борьба между отстаиванием свободы людей и равенства людей. Эти подходы казались взаимоисключающими⁴⁴, хотя и вели к одной цели — искоренению конфликтов. Сейчас уже очевидно, что настоящая свобода всегда предполагает внутреннее и внешнее ограничение (обстоятельства, необходимость, долг, потребности, закон и т.д.), иначе превращается в крайне конфликтогенные произвол и вседозволенность. Равенство также не может быть абсолютным, поскольку между людьми существуют различия биологического, интеллектуального, духовного, психологического порядка.

⁴⁴ Девиз Великой Французской революции «Свобода, равенство, братство» в таком ключе для большинства негативистов не имел смысла из-за внутренней парадоксальности.

Риск скатывания в тоталитаризм и его негативные последствия в настоящее время уже не требуют развернутых объяснений — история XX века наглядно показала последствия попыток построить «идеальное государство» как в ограниченном, так и мировом масштабе.

Конфликтологический негативизм в этом смысле был вынужден уступить место другим доктринам — нейтрализму и позитивизму.

ЛИТЕРАТУРА

1. Августин Блаженный. О граде Божием: в 4 т. М., 1994.
2. Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В. Юг России в современной российской политике: взгляд конфликтолога // Россия реформирующаяся. Ежегодник. 2012. Вып. 10.
3. Александер Б. Как выигрываются войны. М.: АСТ, 2004.
4. Аллахвердова О.В., Карпенко А.Д. Методическое пособие для посредников-медиаторов. СПб.: СПбГУ, 2005.
5. Алферов А.Л., Воскобитова Л.В. Настольная книга мирового судьи: науч.-метод. мат.-лы. М.: Американская ассоциация юристов, 2010.
6. Андерсон П. Казуистика мира и войны // Логос. 2003. № 1.
7. Ануфриев А.А. К вопросу о доминантных признаках жанра литературной утопии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. Т. 2. № 2.
8. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. СПб.: Питер, 2007.
9. Баталов Э.Я. Философия бунта (Критика идеологии левого радикализма). М.: Политиздат, 1973.
10. Байханов И.Б. Теоретики ненасилия и идеология силы: суждения и интерпретация конфликтов // Власть. 2012. № 9.
11. Батиев Л.В. Закон и право в философии Аристотеля // Правоведение. 2004. № 3.
12. Баширов Л.А. Учение ислама о войне и мире // Власть. 2008. № 10.
13. Белая Т.К. Перспективы применения медиации и развития законотворчества в данной сфере // Casus Belli. 2012. № 2.
14. Богданов С.В. Коллективные трудовые конфликты в СССР в 1930–1950-х гг.: причины возникновения, формы протекания, способы разрешения // Историко-экономические исследования: Научный журнал. 2008. Т. 9. № 1.
15. Большаков А.Г., Несмелова М.Ю. Конфликтология организаций. М.: Пресс, 2001.

16. Бранский В.П. Искусство и философия. Калининград: Янтарный сказ, 1999.
17. Булгаков С.Н. Размышления о войне // Знамя. 1993. № 5.
18. Врачинская Т.В. История отечественной педагогической конфликтологии в контексте идеологии // Альманах современной науки и образования. 2009. № 10-2.
19. Гайзман Г. Учение Канта о вечном мире и его уникальный философский реализм // Вопросы философии. 2009. № 12.
20. Гальцева Р.А. Очерки русской утопической мысли XX века. М.: Наука, 1991.
21. Генон Р. Кризис современного мира. М.: Эксмо, 2008.
22. Гжегорчик А. Духовная коммуникация в свете идеала ненасилия // Вопросы философии. 1992. № 3.
23. Гольбах П.А. Избранные произведения: в 2 т. М.: Мысль, 1963.
24. Гордов Ю.В. Этико-философское рассмотрение проблем возникновения и разрешения моральных конфликтов в сфере управления // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 1-1.
25. Горохов Б.А. Конфликт прав и интересов (трудовые отношения) // Закон. 2005. № 1.
26. Гурков И.Б. Организационные конфликты: познание и управление проблемы организационно-экономического механизма функционирования предприятий. М., 1990.
27. Давыденко Д.Л. Из истории примирительных процедур в Западной Европе и США // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2004. № 1.
28. Давыденко Д.Л. Примирительные процедуры и арбитраж в Древней Греции // Третейский суд. 2010. № 5.
29. Деменева Н.А. Стратегия поведения руководителя в индивидуальном социально-трудовом конфликте. Новосибирск: СГУПС, 2005.
30. Деметрадзе М.Р. Политико-правовые аспекты гражданского неповиновения // Полис. 2007. № 4.
31. Деревянченко А.А., Крестьянинов А.Н., Сперанский В.И. Конфликты в социально-трудовой сфере реформируемой России. М., 2003.

32. Дикая Л.Г. Роль эмоций в возникновении эмоционально-аффективных конфликтов в управленческой деятельности менеджеров в стрессовых и напряженных условиях // Психология психических состояний. Казань: КГУ, 2001. Вып. 3.
33. Дмитриев А.В. Конфликтология: краткий терминологический словарь. СПб.: СПбГУП, 2012.
34. Дмитриев А.В. Конфликтология: учебник. М.: Альфа-М, ИНФРА-М, 2013.
35. Дмитриев А.В. Миграция: конфликтное измерение. М.: Альфа-М, 2006.
36. Дмитриев А.В. Социальный конфликт: общее и особенное. М.: Гардарики, 2002.
37. Добаев И.П. Исламский радикализм: социально-философский анализ. Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2002.
38. Дугин А.Г. Философия войны. М., 2004.
39. Дудник С.И. Генезис современного европейского пессимизма в контексте философии модернизма // История философии, культура и мировоззрение: сб. ст. к 60-летию профессора А.С. Колесникова. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000.
40. Загайнова С.К., Тарасов Н.Н., Ярков В.В. Медиация в нотариальной деятельности: Практическое пособие. М.: Инфотропик Медиа, 2012.
41. Зайцев А.К. Социальный конфликт на предприятии. Калуга: КИСИ, 1993.
42. Зеркин П.Д. Основы конфликтологии: Курс лекций. Ростов н/Д.: Феникс, 1998.
43. Зигерт В., Ланг Л. Руководить без конфликтов М.: Экономика, 1990.
44. Зонова Т.В. Конфликты и консенсус: дипломатия как средство достижения мира // Общественные науки и современность. 2003. № 1.
45. Ильин И.А. О сопротивлении злу силою // Путь к очевидности. М.: Республика, 1993.
46. Ислам в России: Взгляд из регионов / науч. ред. А.В. Малашенко. М.: Аспект Пресс, 2007.

47. Казыдуб Н.Н. Бесконфликтный дискурс: концепты, стратегии, сценарии // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 3.
48. Камаровский Л.А. Успехи идеи мира. М., 1898.
49. Капто А.С. От культуры войны к Культуре Мира. М.: Республика, 2002.
50. Карапетян Н. «Новый» наряд пацифизма // Звезда. 2004. № 4.
51. Карсавин Л.П. Святые отцы и учителя Церкви (раскрытие Православия в их творениях). М.: МГУ, 1994.
52. Кашников Б.Н. Пацифизм, необходимая война и террор. Три доктрины русской философско-правовой мысли // Военно-юридический журнал. 2012. № 12.
53. Кириллина В.Н. Конфликтный менеджмент: Учебно-методическое пособие. М., 2010.
54. Киселев И.Я. Примирительно-третейское рассмотрение трудовых конфликтов в капиталистических странах // Современные проблемы буржуазного трудового права (профсоюзы, трудовые права, социальное обеспечение). Реферативный сборник. М.: ИНИОН АН СССР, 1978.
55. Киселев И.Я. Трудовые конфликты в капиталистическом обществе: социально-правовые аспекты М.: Наука, 1978.
56. Климова С.Г. Стратегии сторон трудовых конфликтов // Общественные науки и современность. 1997. № 2.
57. Козлов С.А. Конфликт в организациях // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2007. № 113.
58. Корзо М.А. Образ человека в проповеди XVII века. М., 1999.
59. Леонов Н.И. Институционализация конфликтологии в научно-образовательном пространстве // Вестник Удмуртского университета. 2011. № 3-1.
60. Лоренц К. Обратная сторона зеркала. М.: Республика, 1998.
61. Макаренко В.П. Фанатизм и толерантность: диалектика библейско-церковных исходов // Политическая концептология. 2011. № 4.
62. Максудов Р.Р. Восстановительная медиация: идея и технология: методические рекомендации. М., 2009.

63. Мацуо М. Концепция мира в исследованиях мира: краткий исторический очерк // Вестник ТГПУ. Серия «Гуманитарные науки». 2007. № 1.
64. Минуа Ж. Священное писание, война и сакральное. // Философия права. 2001. № 1.
65. Мистров Л.Е. Информационный мониторинг: метод системного анализа социально-экономических конфликтов // Информационные войны. 2010. № 1.
66. Модестов С.А. Геополитика ислама. М.: Молодая гвардия, 2003.
67. Моисеев Н. Человек во Вселенной и на Земле // Вопросы философии. 1990. № 6.
68. Нигметзянов Т.И. Отечественная интеллигенция и пацифизм в России // Интеллигенция и мир. 2003. № 1.
69. Никольский Н.М. Избранные произведения по истории религии, М., 1974.
70. Нравственные ограничения войны: Проблемы и примеры. М.: Гардарики, 2002.
71. Овчарова А.И. Особенности понимания политической власти в контексте православного вероучения // Философия права. 2011. № 4.
72. Огородников В.П. Теория детерминизма как методология мониторинга, моделирования и предупреждения конфликтов // Фундаментальные исследования. 2005. № 1.
73. Павлов В.И. Метафизические основания учения о юридическом конфликте в философии древних греков (Сократ, Платон) // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2010. № 1 (19).
74. Павлов В.Л. Учение Аристотеля о справедливости // Практична філософія. 2012. № 2 (44).
75. Паскаль Б. Мысли. М.: Издательство им. Сабашниковых, 1995.
76. Пацифизм в истории. Идеи и движения мира. М.: ИВИ РАН, 1998.
77. Религиоведение: Энциклопедический словарь. М., 2006.
78. Ролз Дж. Закон народов: неидеальная теория // Неприкосновенный запас. 2002. № 4.
79. Романова Н.И. Эсхатологические представления старообрядцев // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 18.

80. Савин А.И. «Город Солнца»: к истории одной религиозной утопии в Советской России // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». 2009. № 1.
81. Сдвижков Д.А. Против «железа и крови»: пацифизм в Германской империи. М.: ИВИ РАН, 1999.
82. Смагин Ю.Е. Наука «конфликтология»: становление и перспективы // Casus Belli. 2012. № 2.
83. Соина О.С. Л. Толстой о смысле жизни: этические искания и современность // Вопросы философии. 1985. № 11.
84. Соломон Н. Иудаизм и этика войны // Международный журнал Красного Креста. 2005. Том 87. № 858.
85. Степанов Е.И. Отечественная конфликтология: к вопросу о становлении и развитии // Социологические исследования. 1998. № 10.
86. Степанов М.С. Специфика восприятия смерти в революционных кругах марксистского типа // Вестник Самарского государственного университета. 2010. № 77.
87. Таньшина Н.П. Граф Ж.-Ж. де Селлон — глашатай европейского пацифизма // Новая и новейшая история. 2013. № 6.
88. Тихвинский С.Л. Движение за реформы в Китае в конце XIX века. М.: Наука, 1980.
89. Тоффлер Э. Шок будущего. М: АСТ, 2002.
90. Трушников Д.Ю., Трушникова В.И. История конфликтологии: учеб. пособие. Тюмень: ТюмГНГУ, 2009.
91. Филиппов В.Р. «Урегулирование конфликтов» в парадигме пост-модерна // Реферативный журнал социокультурного и политического анализа. 2011. № 1.
92. Философия мира против идеологии войны. М.: Мысль, 1988.
93. Цыбульская М.В. Конфликтология: учебно-практическое пособие. М.: ЕАОИ, 2009.
94. Чуев Н. Ранние даосы о проблемах войны и мира // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. 10. 2004. № 1.
95. Шабанов Л.В. Толерантность: итоги и перспективы в призме конфликтогенеза (в спецификациях начала XXI в.) // Casus Belli. 2012. № 2.

96. Шпенглер О. Закат Европы. М.: Мысль, 1998.
97. Штайнер Р. Философия свободы: Основные черты современного мировоззрения. Калуга: Духовное познание, 1994.
98. Шубаро О.В. Религиозные аспекты феномена войны: учеб.-метод. мат-лы. Минск: БГУ, 2005.
99. Щипков В.А. Лев Толстой: от патриотизма к пацифизму. Этапы пути // Пространство и Время. 2010. № 2.
100. Яковенко И.Г. Эсхатологическая компонента российской ментальности // Общественные науки и современность. 2000. № 3.
101. Brown J. Gandhi: prisoner of hope. Delhi, 1990.
102. Chakrabarty B. Social and Political Thought of Mahatma Gandhi. New-York, 2006.
103. Hosmer L.T. Trust: The connecting link between organizational theory and philosophical ethics // Academy of Management Review. 1995. № 2 (20).

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ КОНФЛИКТОЛОГА

АБОЛИЦИОНИЗМ — общественно-политическое движение, добивающееся отмены какого-либо закона или решения.

АВТОРИТЕТ — форма осуществления власти, основанная на высоко ценимых в обществе качествах.

АГРЕГАЦИЯ ИНТЕРЕСОВ — процесс преобразования нескольких разноплановых точек зрения и интересов в конкретные обобщенные формулы и требования в целях их предъявления и иерархизации.

АГЕНТ ВЛИЯНИЯ — должностное лицо или общественный деятель, отстаивающий интересы какой-либо партии или организации в среде, не принадлежащей к этим структурам.

АГИТАЦИЯ — средство воздействия на индивида или группу с помощью устных, печатных или аудиовизуальных средств в форме призывов, лозунгов, обращений с целью склонить их к определенному типу поведения или убедить в правоте какой-либо системы взглядов.

АГРЕССИЯ — целенаправленное индивидуальное или коллективное поведение, осуществляемое лицом или группой лиц и предполагающее совершение действий в целях нанесения физического, психологического или иного вреда, ущерба или уничтожения другого человека, группы людей, организаций или крупных социальных общностей.

АДАПТАЦИЯ — процесс приспособления к изменениям внешней среды.

АДЬЮДИКАЦИЯ — способ приобретения территории посредством решения международного арбитража или суда в случае мирного разрешения территориального спора (*Мустафин А.А. Политология: словарь современных терминов и выражений. Ангарск: АГТА, 2012. С. 6*).

АКТИВНОЕ СЛУШАНИЕ — процесс слушания, характерный намеренно повышенной активностью восприятия и субъективного участия индивида в ситуации общения.

АКТОР — действующий субъект (индивидуальный или коллективный), совершающий действия, направленные на других субъектов, и способный влиять на них и на ситуацию в целом.

АКТОР КОНФЛИКТА — активный участник конфликта, создающий его, влияющий на его ход, способный не только провоцировать конфликтные ситуации в зависимости от собственных интересов, но и свести конфликт до минимума и (или) устранить его (*Дерюгина Т.В. Актор как активная сторона, создающая и влияющая на ход социального конфликта в зависимости от своих интересов // Социальный конфликт в различных нормативно-семиотических системах. Казань: КГУ, 2012. С. 64*).

АЛАРМИСТ — лицо, распространяющее непроверенные и вредные слухи, вызывающие тревожные настроения (*Мустафин А.А. Политология: словарь современных терминов и выражений. Ангарск: АГТА, 2012. С. 7*).

АЛЬТРУИЗМ — система нравственных принципов, предполагающая предпочтение интересов и потребностей окружающих собственным интересам и потребностям.

АНАЛИЗ КОНФЛИКТА — процесс разложения реально существующего конфликта на отдельные составные элементы, выявление роли каждого из участников.

АНАФЕМА — наказание за тяжкие проступки, применяемое к члену церкви, в виде лишения прав и благ, находящихся в исключительном распоряжении религиозной организации.

АННЕКСИЯ — насильственное и противоправное присоединение одним государством территории или части территории другого государства, а также пространства, находящегося в общем пользовании международного сообщества.

АНОМИЯ — состояние общества, характеризующееся ослаблением или исчезновением ценностно-нормативных стандартов поведения, социальной дезорганизацией, ростом радикализма и экстремизма.

АНТАГОНИЗМ — непримиримое противоречие; проявление закона диалектической философии единства и борьбы противоположностей.

АНТИНОМИЯ — противоречие между двумя положениями, каждое из которых имеет законную силу (*Мустафин А.А. Политология: словарь современных терминов и выражений. Ангарск: АГТА, 2012. С. 16*).

АНТИПАТИЯ — устойчивое отрицательное эмоциональное отношение индивида к другому человеку (социальной группе); проявляется в неприязни, недоброжелательности.

АНТИТЕЗА — фигура речи, заключающаяся в противопоставлении понятий, положений, образов, состояний, связанных внутренним смыслом.

АПАРТЕИД — политика лишения и ограничения политических, социально-экономических и гражданских прав какой-либо группы населения.

АПАТИЯ — психическое состояние, при котором снижены или полностью утрачены внутренние побуждения и интересы, что проявляется в бездеятельности, вялости, отсутствии инициативности, безразличии к себе и к происходящему вокруг.

АРБИТРАЖ — способ урегулирования трудовых, имущественных, политических, международных и других конфликтов, при котором конфликтующие стороны обращаются к арбитрам (третейским судьям), не зависимым от них, избираемым самими сторонами или назначенным по их соглашению из числа авторитетных лиц, организаций либо международных органов (*Конфликтология: Учебно-методический комплекс / под ред. А.С. Тургаева. СПб.: СЗАГС, 2005. С. 87*).

АРГУМЕНТАЦИЯ — способ доказательства правоты суждения в споре или конфликте на основе логических рассуждений, подкрепленных фактами, ссылками на правовые нормы или авторитетное мнение.

АСИММЕТРИЧНЫЙ КОНФЛИКТ — конфликт, в ходе которого имеется существенный дисбаланс между доступными противникам силами, средствами и ресурсами.

АТОМИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА — распад традиционных связей в большом обществе в результате слабости социальных интеграторов, культурных и организационных, в частности экономических, особенно усиливается в условиях крайнего авторитаризма (тоталитаризма), а также при активизации локализма (*Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. М.: Философское общество, 1991. С. 82*).

БАЛАНС СИЛ — специфическая форма равновесия системы отношений, в рамках которой распределение влияния между отдельными субъектами способствует предотвращению доминирования одного из них.

БЕЗОПАСНОСТЬ — а) отсутствие угроз приобретенным ценностям (*Walfers A. Discord and Collaboration, Essays on International Politics*.

Baltimore, 1962. P. 150); б) состояние защищенности от возможного нанесения ущерба, способность к сдерживанию или парированию опасных воздействий, а также к быстрой компенсации нанесенного ущерба (*Война и мир в терминах и определениях / под ред. Д.О. Rogozina. М., 2004. С. 20*).

БЕСЧЕЛОВЕЧНОЕ ОТНОШЕНИЕ — жестокость, угрожающая жизни или здоровью.

БЛИЦКРИГ — теория скоротечной войны с достижением победы до того, как противник сможет мобилизовать свои силы (*Мустафин А.А. Политология: словарь современных терминов и выражений. Ангарск: АГТА, 2012. С. 21*).

БОЙКОТ — метод политической и экономической борьбы, заключающийся в полном или частичном прекращении отношений с лицами, организациями или государствами, отказ от участия в тех или иных акциях, выполнения каких-либо функций или пользования правами (*Сирота Н.М. Политология: Классики науки. Термины. Тесты. СПб., 2012. С. 13*).

БУНТ — острая форма межгруппового конфликта, представляющая собой публичное, массовое, стихийное выступление какой-либо группы лиц с целью отстоять свои права, добиться привилегий или изменить политический курс правительства.

ВАНДАЛИЗМ — а) преступление против общественной безопасности, характеризующееся осквернением зданий или иных сооружений, порчей имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах (*Уголовный кодекс Российской Федерации. Ст. 214*); б) форма девиантного поведения, связанная с уничтожением или осквернением предметов материальной или духовной культуры общества.

ВЕРТИКАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ — конфликт между субъектами вертикального подчинения.

ВИНА — нарушение юридических или моральных норм и правил, регулирующих поведение людей в обществе.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ — контакт двух или более субъектов активности, который может носить любую форму и приводит к изменению их поведения, смысловых образований, психологического настроения и т.д.

ВЛАСТЬ — форма внешнего воздействия, при которой индивид, группа или организация имеют возможность осуществлять свою дея-

тельность, оказывая влияние на поведение окружающих даже вопреки их воле.

ВОЕННАЯ ДОКТРИНА — принятая в государстве система взглядов на сущность, цели и характер возможной будущей войны, на подготовку к ней страны и вооруженных сил, способы и формы ее ведения (*Сирота Н.М. Политология: Классики науки. Термины. Тесты. СПб., 2012. С. 14*).

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ — нарушения законов и обычаев войны, установленных международными правовыми актами или национальным законодательством, а именно: обращение в рабство, жестокое обращение с военнопленными и гражданскими лицами, убийство заложников, ограбление общественной или частной собственности, а также нападение неизбирательного характера в целом.

ВОЕННЫЙ КОНФЛИКТ (ВОЙНА) — а) конфликт между государствами, коалициями государств или крупными социальными общностями, в ходе которого главным средством решения возникших между ними противоречий является военное насилие; б) общественно-политическое явление, связанное с коренной сменой характера отношений между государствами и нациями и переходом противоборствующих сторон от применения ненасильственных форм и способов борьбы (разрешения противоречий) к прямому применению оружия и других насильственных средств для достижения определенных политических и экономических целей (*Война и мир в терминах и определениях / под ред. Д.О. Rogozина. М., 2004. С. 36–37*).

ВОССТАНИЕ — массовое организованное вооруженное выступление против существующей власти с целью ее свержения.

ВОССТАНОВИТЕЛЬНАЯ МЕДИАЦИЯ — процесс, в котором медиатор создает условия для восстановления способности людей понимать друг друга и договариваться о приемлемых для них вариантах разрешения проблем (при необходимости — о заглаживании причиненного вреда), возникших в результате конфликтных или криминальных ситуаций (*Максудов Р.Р. Восстановительная медиация: идея и технологии: Методические рекомендации. М.: Институт права и публичной политики, 2009. С. 17*).

ВРАГ — а) лицо, борющееся за противоположные интересы и использующее в этой борьбе средства, несовместимые с благополу-

чием его оппонентов; б) участник системы антагонистических отношений.

ВРАЖДА — устойчивое состояние враждебности, сохраняющееся даже при отсутствии объекта конфликта.

ВРАЖДЕБНОСТЬ — психологическая установка на конфликтное взаимодействие, готовность к конфликтному поведению.

ГЕНДЕР — система социальных связей, в рамках которой формируются и закрепляются представления о правилах и нормах поведения мужчин и женщин в профессиональной, образовательной, политической, экономической, семейной сфере.

ГЕНДЕРНЫЙ КОНФЛИКТ — конфликт между индивидами, являющимися носителями определенных гендерных ценностей, вызванный стремлением утвердить или изменить их статус, навязанный гендерными стереотипами.

ГЕНДЕРНЫЙ СТЕРЕОТИП — свойственные определенной культуре обобщенные представления о личностных качествах и поведенческих моделях мужчин и женщин, а также о половой специфике социальных ролей.

ГЕНОЦИД — преднамеренное ущемление прав и массовое уничтожение представителей определенной национальной, этнической, религиозной, половой, расовой общности в целях ее полного истребления.

ГНЕВ — эмоциональное возбуждение агрессивной направленности.

ГОЛОДОВКА — одна из форм протеста против чего-либо в виде сознательного отказа от приема пищи с целью вызвать у окружающих чувство вины за происходящее и добиться изменения ситуации ненасильственными методами.

ГОРИЗОНТАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ — конфликт между равными по рангу субъектами.

ГОРОДСКАЯ ГЕРИЛЬЯ — партизанская война в городе с целью затянуть конфликт и измотать противника, а также вызвать недовольство мирного населения неспособностью правительства обеспечить безопасность.

ГОСПОДСТВО — понятие, характеризующее структурирование отношений власти, которое принимает институциональные формы и

предполагает деление общества на господствующие и подчиненные группы, наделенные различными правами и обязанностями.

ГОСУДАРСТВО — основной институт политической системы общества, совокупность учреждений и организаций, обладающих верховной властью на определенной территории (*Сирота Н.М. Политология: Классики науки. Термины. Тесты. СПб., 2012. С. 15*).

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ — незаконное насильственное свержение легитимной власти в целях замены одной правящей группы на другую.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА — внутригосударственный вооруженный конфликт между различными социальными группами за установление политического контроля в традиционной или новой форме.

ГРЕХ — прямое или косвенное нарушение религиозных заповедей, правил и норм поведения в религиозном обществе.

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ МЕДИАЦИЯ — технология альтернативного урегулирования конфликтов на основе поощрения диалога между жертвой и преступником в целях устранения эмоциональной напряженности, удовлетворения информационных потребностей сторон и нейтрализации вероятных дополнительных травм (*Umbreit M.S. Humanistic Mediation: A Transformative Journey of Peacemaking // Conflict Resolution Quarterly. 1997. Vol. 14. № 3. P. 205–207*).

ГУМАНИТАРНЫЕ ПРИНЦИПЫ — этические и правовые стандарты поведения, основывающиеся на правах человека, уважении к его личности, соблюдении законов и защите общественных благ.

ДЕБАТЫ — обмен мнениями на каком-либо заседании, собрании.

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ — совершение поступков, которые противоречат нормам поведения, принятым в том или ином сообществе.

ДЕЗИНТЕГРАЦИЯ — распад или дробление целостной системы на независимые составные части.

ДЕЗИНФОРМАЦИЯ — сообщение заведомо ложных, ошибочных, искаженных сведений с целью ввести информируемое лицо в заблуждение.

ДЕКОНСТРУКЦИЯ — а) разрушение; б) техника нарративной медиации, в соответствии с которой для решения конфликта участни-

кам предлагается картина мира, в рамках которой они должны переосмыслить собственные убеждения.

ДЕМАРШ — чрезвычайное выступление органов внешних сношений одного государства в отношении другого государства с какой-либо просьбой, требованием, предложением или протестом.

ДЕНОНСАЦИЯ — надлежащим образом оформленный отказ государства от заключенного им международного договора.

ДЕПОРТАЦИЯ — действие государства, пользующегося своим суверенным правом, по выдворению иностранца со своей территории после прекращения срока разрешения на пребывание.

ДЕПРЕССИЯ — состояние душевного расстройства, подавленности, характеризующееся упадком сил и снижением активности.

ДЕСТРУКТИВНЫЙ КОНФЛИКТ — конфликт, негативные последствия которого после завершения борьбы субъектов в целом заметно превосходят его позитивные результаты.

ДЕТАНТ — ослабление напряженности в международной политике, в отношениях между политическими группировками, имеющими противоположные взгляды или интересы.

ДЕЭСКАЛАЦИЯ КОНФЛИКТА — динамическая характеристика конфликта, подразумевающая поэтапное снижение степени интенсивности и сокращение масштабов конфликта, а также переход к его урегулированию.

ДИАГНОСТИКА КОНФЛИКТА — а) исследование конфликта в целях определения его основных структурных и динамических характеристик; б) выявление скрытых процессов, связей и отношений, позволяющих соотносить конфликтную ситуацию с характеристиками нормы или патологии (*Цой Л.Н. Организационный конфликт-менеджмент: 111 вопросов, 111 ответов. М.: Книжный мир, 2007. С. 327*).

ДИАЛОГ — процесс обсуждения противоречий, возникших между лицами или группами лиц, направленный на достижение справедливости, законности и терпимости в их взаимоотношениях.

ДИВЕРСИЯ — скрытое умышленное повреждение, уничтожение, загрязнение или заражение какого-либо значимого объекта с целью нанести вред или воспрепятствовать каким-либо действиям.

ДИКТАТ — политика навязывания более слабой стороне своих условий сильной стороной.

ДИНАМИКА КОНФЛИКТА — ход развития конфликта по этапам и фазам под влиянием действующих на него внешних и внутренних факторов и условий.

ДИПЛОМАТИЯ — ведение государственными органами международных отношений посредством переговоров.

ДИСКОМФОРТНОСТЬ — интегральный показатель свойств окружающей среды, отражающий преобладание неблагоприятных условий жизни и деятельности в ней над благоприятными.

ДИСКРИМИНАЦИЯ — ограничение или лишение прав определенной категории граждан в силу их расовой или национальной принадлежности, пола, религиозных и политических убеждений (*Словарь основных терминов в сфере безопасности / Под. ред. А.Н. Горбенко. М., 2011. С. 52*).

ДИСКУССИЯ — обсуждение какого-либо спорного вопроса.

ДИСПУТ — публичный спор.

ДИССИДЕНТ — лицо, выступающее против политического режима из-за несогласия с его идеологией или методами действия (*Сирота Н.М. Политология: Классики науки. Термины. Тесты. СПб., 2012. С. 16*).

ДИССОНАНС — нарушение или отсутствие гармонии между элементами какой-либо системы.

ДИСФУНКЦИЯ — отклонение деятельности отдельных элементов системы от изначальных параметров, приводящее к неисполнению ими основных функций и нарушению нормальной работы данной системы.

ДИСЦИПЛИНА — возможность и способность производственного персонала, граждан придерживаться установившегося и признанного порядка, обеспечивающего воспроизводство общества (*Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. М.: Философское общество, 1991. С. 158*).

ДИФФАМАЦИЯ — публичное распространение достоверной или недостоверной информации, подрывающей репутацию какого-либо лица.

ДОМИНИРОВАНИЕ — стратегия поведения в конфликте, заключающаяся в ориентации на установление контроля над оппонентом и использование его в собственных интересах за счет навязывания ему чужой воли.

ЕРЕСЬ — религиозное течение, избирательно трактующее догматы веры, а потому оппозиционное либо прямо враждебное официальному вероучению.

ЖЕРТВА — непреднамеренный участник конфликта, незаконное и целенаправленное причинение вреда которому провоцирует возникновение напряженности в отношениях между сторонними людьми, организациями или странами.

ЗАБАСТОВКА — одна из форм разрешения трудового конфликта, при которой работники отказываются исполнять свои обязанности с целью добиться от работодателей или властей удовлетворения собственных требований. Забастовка может быть официальной, проводимой при поддержке профсоюза, или неофициальной.

ЗАГОВОР — тайное соглашение небольшой группы лиц о совместных организованных действиях в целях совершения преступления против вышестоящего руководства, государства или существующего общественного строя.

ЗАХВАТ — незаконное насильственное присвоение чего-либо или ограничение свободы кого-либо.

ИДЕАЛИЗАЦИЯ — представление явления, предмета, действия в более совершенном виде, чем оно есть на самом деле, с акцентированием внимания исключительно на его позитивных характеристиках.

ИДЕОЛОГИЯ — некоторая совокупность идеалов, ценностей, целей и взглядов, посредством которых определенная общность людей выражает свое отношение к существующей социальной реальности, отдельным ее проблемам и конфликтам (*Шевченко В.Н. Философский словарь. М., 2001. С. 199*).

ИММУНИТЕТ — привилегия некоторых должностных лиц государства, заключающаяся в их неприкосновенности.

ИМПИЧМЕНТ — установленная законом процедура привлечения высших лиц государства к ответственности за нарушение Конституции и совершение преступления через отлучение их от власти.

ИНВЕКТИВА — форма литературного произведения, посвященного осмеиванию или обличению реального лица или группы.

ИНДОКТРИНАЦИЯ — навязывание индивиду или группе ценностей определенной идеологии.

ИНДУЦИРОВАННЫЙ КОНФЛИКТ — конфликт, порожденный внешними условиями и факторами в большей степени, чем внутренними противоречиями между субъектами.

ИНСИНУАЦИЯ — преднамеренный злостный вымысел с целью опорочить кого-либо.

ИНСПИРИРОВАНИЕ — подстрекательство к каким-либо действиям.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ КОНФЛИКТА — определение норм и правил ведения борьбы, нарушение которых становится для участников формой трансгрессии.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗИРОВАННЫЙ КОНФЛИКТ — конфликт, в котором изначально определены нормы и правила ведения борьбы и существуют четкие механизмы и алгоритмы его завершения.

ИНСУРГЕНТ — участник восстания.

ИНТЕГРАЦИЯ — процесс и результат сближения и объединения в цельную систему каких-либо разрозненных частей и элементов.

ИНТЕНСИВНОСТЬ КОНФЛИКТА — это степень вовлеченности субъектов конфликта в конфликтное взаимодействие, изменяющаяся с течением времени.

ИНТЕРВЕНЦИЯ — умышленное вмешательство одного или нескольких государств во внутренний конфликт на территории другого государства.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА — действия, предпринятые для достижения информационного превосходства в конфликте и осуществляемые путем влияния на информационные системы противника при одновременной защите собственной информации и своих информационных сетей от аналогичного воздействия противника.

ИНЦИДЕНТ — случай, формальный повод или происшествие, прямо или косвенно затрагивающее интересы одного или нескольких субъектов и используемое ими для активизации конфликтных действий.

ИРРЕДЕНТИСТСКИЕ ВОЙНЫ — вооруженные конфликты в целях объединения разделенного народа в рамках новообразованного государства.

КАПИТУЛЯЦИЯ — способ прекращения военных действий в виде полного и окончательного прекращения сопротивления вооруженных сил одной из воюющих сторон.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА — противостояние антагонистических классов общества, различаемых по признаку собственности, величине дохода, месту в разделении труда, порожденное противоречием между новыми производительными силами и устаревшими производственными отношениями; кульминацией классовой борьбы, с точки зрения марксистов, является социальная революция.

КОАЛИЦИЯ — временный союз на добровольных началах, создаваемый для защиты общих интересов, достижения совместных целей, согласования коллективных действий.

КОГНИТИВНЫЙ ДИССОНАНС — состояние дискомфорта, возникающее из-за действий, идущих вразрез с собственными убеждениями.

КОКУС — процедура, в рамках которой медиатор проводит индивидуальную беседу с каждой из сторон конфликта.

КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ — а) осознанное, добровольное и умышленное сотрудничество жителей оккупированной территории с оккупантами; б) оказание помощи врагу в условиях внешнего конфликта по идеологическим, экономическим или иным соображениям.

КОМБАТАНТ — человек, принимающий непосредственное участие в боевых действиях в ходе вооруженного конфликта в составе вооруженных сил и имеющее в этом качестве особый юридический статус.

КОМПРОМИСС — один из возможных исходов конфликта, предусматривающий достижение согласия, основанного на взаимных уступках.

КОМФОРТНОСТЬ — интегральный показатель свойств окружающей среды, отражающий преобладание благоприятных условий жизни и деятельности в ней над неблагоприятными.

КОНВЕРГЕНЦИЯ — процесс сближения и уподобления друг другу субъектов конфликтного взаимодействия. Термин введен в оборот П.А. Сорокиным в книге «Россия и Соединенные Штаты» (Подробнее см.: *Sorokin P.A. Mutual convergence of the United States and the USSR to the mixed sociocultural type. // International Journal of Comparative Sociology. 1960. № 1 (2). P. 143–176.*)

КОНГРУЭНТНОСТЬ — а) адекватная реакция личности на конфликтную ситуацию; б) процесс безоценочного осознания человеком своих собственных реальных и актуальных ощущений, переживаний и проблем с их последующим точным озвучиванием в языке и выражением в поведении способами, не травмирующими других людей (Орлова А.Б., Хасанова М.А. *Феномены конгруэнтности и эмпатии // Вопросы психологии. 1993. № 4. С. 68–73*); в) отсутствие у индивида внутренних конфликтов.

КОНКУРЕНЦИЯ — соперничество, вызванное стремлением каждого из участников системы отношений к получению максимальной для себя выгоды и/или монопольного контроля над определенным ресурсом.

КОНСОЛИДАЦИЯ — объединение, сплочение отдельных лиц, групп и организаций для достижения их общих целей, борьбы с общим противником.

КОНСТРУКТИВНЫЙ КОНФЛИКТ — конфликт, позитивно влияющий на структуру, динамику и результативность основных процессов внутри системы и служащий источником самоусовершенствования и саморазвития системы (Аллахвердян А.Г. *Продуктивный конфликт в научном коллективе // Социально-психологические проблемы в условиях развитого социалистического общества. М., 1977. С. 25–26*).

КОНТРАКУЛЬТУРА — течение, которое отрицает ценности доминирующей культуры.

КОНТРЕВОЛЮЦИЯ — общественный процесс противодействия революции по идейно-политическим соображениям.

КОНФЛИКТ — а) разновидность взаимодействия между лицами и группами лиц, вызванная наличием между ними противоречий и имеющая своей целью их разрешение посредством участия в процессе активного и/или пассивного противодействия; б) специфическая организованность деятельности, в которой противоречие удерживается в процессе его разрешения (Хасан Б.И., Сергоманов П.А. *Разрешение конфликтов и ведение переговоров: учеб. пособие. М., 2001. С. 28*).

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ — конфликтная ситуация, в рамках которой личная заинтересованность человека (прямая или косвенная) вступает в противоречие с необходимостью исполнения им определенных должностных обязанностей, что может повлечь за собой

совершение преступных действий, причинение вреда правам и законным интересам граждан, организаций, общества или государства.

КОНФЛИКТНАЯ СИТУАЦИЯ — а) накопившиеся противоречия, связанные с деятельностью субъектов социального взаимодействия и объективно создающие почву для реального противоборства между этими субъектами; б) процесс формирования объекта конфликта.

КОНФЛИКТНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ — процесс взаимных воздействий субъектов конфликта, в рамках которого происходит изменение показателей напряженности конфликта, его динамики, а также возникает эффект конвергенции.

КОНФЛИКТНОСТЬ ЛИЧНОСТИ — интегральное свойство личности, отражающее частоту вступления субъекта в конфликты различных видов и провоцирование проблемных ситуаций.

КОНФЛИКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОРГАНИЗАЦИИ — комплекс факторов, способных спровоцировать конфликт в организации и/или благоприятствовать его эскалации. Среди этих факторов можно выделить: недостатки организационной структуры, нормативно-правовой базы (разграничения функций), наличие межличностных противоречий между работниками и работодателями, замедление динамики развития организации и т.д.

КОНФЛИКТОГЕН — явление, объект, действие или бездействие одного или нескольких субъектов, способное привести к возникновению конфликтной ситуации или трансформации методов борьбы.

КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ — это способность действующего лица (организации, социальной группы, общественного движения и т.д.) в реальном конфликте осуществлять деятельность, направленную на минимизацию деструктивных форм конфликта и перевода социально-негативных конфликтов в социально-позитивное русло. Она представляет собой уровень развития осведомленности о диапазоне возможных стратегий конфликтующих сторон и умение оказать содействие в реализации конструктивного взаимодействия в конкретной конфликтной ситуации. (Цой Л.Н. *Организационный конфликтменеджмент: 111 вопросов, 111 ответов*. М.: Книжный мир, 2007. С. 334).

КОНФОРМИЗМ — пассивное приспособление к господствующим взглядам и мнениям, характеризующееся отсутствием собственной позиции и следованием господствующим образцам поведения.

КОРРУПЦИЯ — противоправное поведение должностных лиц, заключающееся в использовании служебного положения, прав и полномочий в личных целях вследствие конфликта интересов.

КРИЗИС — обостренное состояние функционирования системы, при котором существует опасность ее распада или разрушения.

КРИТИКА — указание на ошибки и недостатки.

КСЕНОФОБИЯ — крайняя степень этнической предубежденности, выражающаяся в недоверии, враждебности, презрении к иным этносам, расовым группам, культурам, а также их отдельным представителям, воспринимаемым исключительно через призму групповой принадлежности и, как правило, наделяемым набором негативных качеств.

КУЛЬТУРА МИРА — элемент гуманистического мировоззрения, отражающий стремление к превращению соперничества и конкуренции в сотрудничество, основанное на общих целях и ценностях, а также отказ от применения военного насилия и террора.

КУЛЬТУРНЫЙ КОНФЛИКТ — конфликт между индивидами и группами, являющимися носителями разных культурных стандартов, вызванный стремлением защититься от инокультурного влияния или навязать собственные культурные стандарты окружающим.

ЛАТЕНТНАЯ СТАДИЯ КОНФЛИКТА — этап формирования противоречий между субъектами, характеризующийся скрытым нарастанием недовольства и неорганизованной формой противоборства, носящей официально-деловой, мирный характер.

ЛИДЕР — авторитетный член группы, за которым она признает право принимать ответственные решения в значимых для нее ситуациях, в том числе кризисного и конфликтного характера.

ЛОКАЛИЗМ — скрытая ценность, связанная с существованием в большом обществе вечевое и соборное идеалов, характеризуется абсолютизацией роли и власти локальных сообществ в ущерб целому (*Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. М.: Философское общество, 1991. С. 256*).

ЛОКАУТ — метод воздействия на оппонента в трудовом конфликте, заключающийся в закрытии собственником предприятия с массовым увольнением рабочих с целью заставить их отказаться от своих требований и согласиться на невыгодные для них условия

(Анцупов А.Я., Шпилов А.И. Словарь конфликтолога. Более 1700 понятий. 3-е изд. испр. и доп. М.: ЭКСМО, 2010. С. 286).

ЛОЯЛЬНОСТЬ — устойчивая приверженность индивида или группы в конфликтной ситуации каким-либо целям, нормам, ценностям, идеологиям, государствам или личностям.

МАНИПУЛИРОВАНИЕ — форма скрытого воздействия на индивида или группу в целях достижения целей, противоречащих интересам данного индивида или группы.

МАСШТАБ КОНФЛИКТА — это количественный показатель, отражающий число субъектов конфликта и территориальные рамки конфликта.

МЕДИАЦИЯ — технология альтернативного урегулирования конфликтов и споров во внесудебном порядке с участием посредника. Цель медиации — достижение добровольного обоюдного согласия и выработка действенного, взаимоприемлемого и жизнеспособного решения конфликта в юридическом, психологическом и социальном аспектах.

МЕДИАТИВНАЯ ОГОВОРКА — раздел договора, дающий право и согласие сторон на применение процедуры медиации при возникновении спора по исполнению условий заключенного между сторонами договора.

МЕДИАТИВНОЕ СОГЛАШЕНИЕ — письменное соглашение, содержащее текст решений, достигнутых конфликтующими сторонами в результате применения процедуры медиации.

МЕДИАТОР (ПОСРЕДНИК) — специалист, призванный разрешать различные конфликты с помощью технологии медиации, деятельность которого направлена на поиск конструктивного и взаимовыгодного решения спора для всех субъектов конфликта.

МЕЖЛИЧНОСТНЫЙ КОНФЛИКТ — конфликт между отдельными индивидами, носящий ситуативный характер и вызванный их психологической несовместимостью, несовпадением потребностей, ценностей или субъективных представлений по бытовым или общественно значимым вопросам.

МЕТОДЫ (СПОСОБЫ) РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТА — совокупность тактических и стратегических приемов воздействия на конфликтную ситуацию с использованием различных средств в рамках

действующего законодательства, имеющая своей целью разрешение основных противоречий субъектов конфликта.

МИЛЛЕНАРИСТСКАЯ ВОЙНА — вооруженный конфликт, вызванный представлением о скором глобальном катаклизме («конце света»), обусловленном окончанием тысячелетнего цикла истории человечества.

МИРНЫЙ ДОГОВОР — вид международного договора, которым юридически закрепляется прекращение состояния войны и восстановление мирных отношений между воюющими государствами.

МИРОВОЗЗРЕНИЕ — концептуально выраженная система взглядов человека на мир, на себя и на свое место в мире.

МИРОТВОРЧЕСТВО — комплекс мер и процессов, целью которых является достижение и поддержание мира, как на локальном, так и на глобальном уровне.

МИТИНГ — массовое собрание, устраиваемое в поддержку или против каких-либо политических решений, характеризуется высокой эмоциональностью (*Краткий словарь современных понятий и терминов / под ред. В.А. Макаренко. М.: Республика, 2000. С. 326*).

МОББИНГ — психологические притеснения, преимущественно групповые, работника со стороны работодателя или других работников, включающие в себя постоянные негативные высказывания, критику в адрес работника, его изоляцию внутри организации, ограничение социальных контактов, распространение о нем заведомо ложной информации и т.п. (*Цой Л.Н. Организационный конфликт-менеджмент: 111 вопросов, 111 ответов. М.: Книжный мир, 2007. С. 335*).

МОДЕЛИРОВАНИЕ — метод исследования объектов и явлений природного, социокультурного или когнитивного типа путем переноса знаний, полученных в процессе построения и изучения соответствующих моделей на оригинал.

МОДЕЛЬ КОНФЛИКТА — информационно-знаковый аналог конфликта, созданный в интересах познания закономерностей протекания конфликта с заданными параметрами в реальных условиях.

МОДИФИКАЦИЯ КОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ — изменение отношения к конфликту его участников путем переосмысления причин действий противоборствующих сторон и возможных последствий на основе иной картины мира.

МОНИТОРИНГ КОНФЛИКТОВ — комплекс мер, направленных на определение существующей или потенциальной угрозы конфликта в организации на основании систематического или непрерывного сбора информации об основных параметрах развития организации.

МЯТЕЖ — вооруженное выступление отдельных социально-политических групп в результате заговора против существующей политической власти.

НАПАДЕНИЯ НЕИЗБИРАТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА — нападения, которые поражают военные цели, гражданское население и гражданские объекты без их различия.

НАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ — неофициальные контакты между гражданами различных стран и членами этнических общностей, в ходе которых происходит взаимопроникновение и взаимообогащение культур.

НАРРАТИВНАЯ МЕДИАЦИЯ — технология альтернативного урегулирования конфликтов, в рамках которой причиной любого конфликта считается разница в интерпретации реальности его участниками, а приемлемое решение достигается за счет деконструкции стереотипов и модификации конфликтной ситуации.

НАСИЛИЕ — преднамеренное воздействие, основанное на силе принуждения и направленное на преодоление сопротивления в процессе завоевания и/или укрепления экономического, политического, идеологического и т.д. господства, прав или привилегий.

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА — вооруженный конфликт, в котором люди сражаются против колониальной власти, внешней оккупации или дискриминационного политического режима.

НЕВМЕШАТЕЛЬСТВО — а) один из основных принципов современного международного права, в соответствии с которым не допускается прямое или косвенное вмешательство государства во внутренние дела других государств и народов; б) самоустранение и отказ от участия в деятельности сторонних акторов, оказания им помощи или причинения вреда; в) система взаимоотношений в семье, строящаяся на признании целесообразности независимого существования взрослых и детей.

НЕКОМБАТАНТ — человек, входящий в состав вооруженных сил, но не имеющий права применять оружие в ходе вооруженного конфликта, кроме как средства самообороны.

НЕМЕДИАБЕЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ — конфликт, который в силу антагонизма позиций или особенностей индивидуально-психологического состояния участников конфликта не может быть урегулирован путем проведения медиации.

НЕНАСИЛИЕ — социальная практика, состоящая в неприятии насилия и отказе от его использования для достижения любых целей.

НЕТЕРПИМОСТЬ — одна из крайних форм дискомфорта состояния, проявляющаяся в стремлении подавить и/или уничтожить людей и организации, разделяющие иную идеологию, а также относящиеся к иным этническим, религиозным и т.д. общностям.

НОНКОНФОРМИЗМ — активное противостояние и отказ от следования господствующим в обществе, организации или коллективе установкам, мнениям, ценностям и типам поведения.

ОБИДА — а) несправедливое причинение эмоционального ущерба; б) негативная эмоциональная реакция на оскорбления, незаслуженные упреки и т.д.

ОБЛИЧЕНИЕ — обнародование фактов, свидетельствующих о совершенных кем-либо ошибках, преступлениях или грехах, в целях акцентирования внимания на пагубности подобных действий и их недопустимости в будущем.

ОБРАЗ ВРАГА — идеологический и психологический стереотип, позволяющий строить политическое поведение в условиях дефицита надежной информации о политическом оппоненте и о среде в целом (*Политология: Энциклопедический словарь. М., 1993. С. 253*).

ОБРАЗ КОНФЛИКТА — субъективное отражение причин и хода конфликта в сознании участников конфликта.

ОБСТРУКЦИЯ — демонстративные насильственные действия индивида или группы, направленные на создание помех деятельности другого лица или организации, препятствование исполнению ими определенных функций.

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА — система основных идей и взглядов о конфликте, дающая целостное представление о сущности конфликта, его месте в социальной жизни обще-

ства, закономерностях и существенных связях в возникновении, развитии и завершении конфликтов.

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЧИНЫ КОНФЛИКТА — обстоятельства взаимодействия людей, приводящие к возникновению между ними противоречий в социальной, политической, экономической и иных сферах по независящим от субъектов конфликта причинам.

ОБЪЕКТ КОНФЛИКТА — конкретная материальная (ресурс), социальная (власть) или духовная (идея, принцип, норма) ценность, к обладанию или пользованию которой стремятся все субъекты конфликта.

ОЗЛОБЛЕНИЕ — один из результатов дискомфортного состояния, связанный с возбуждением личности, группы или всего общества против тех, кто, по их мнению, является носителем социального зла, источником конфликтных ситуаций и дезорганизации жизни.

ОККУПАЦИЯ — временное насильственное занятие вооруженными силами государства территории другого государства без приобретения суверенных прав на нее.

ОППОЗИЦИЯ — политическая партия или организованная группа, выступающая против господствующей партии, идеологии, существующей системы управления или конкретного лидера, находясь с ними постоянном конфликте.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОНФЛИКТ — конфликт между отдельными элементами системы управления организацией, вызванный противоречиями в нормативно-правовой базе, структуре или кадровой политике, не позволяющими достичь организацией поставленных целей и задач.

ОСКВЕРНЕНИЕ — совершение безнравственных, оскорбительных или циничных действий по отношению к общественно ценным предметам и объектам.

ОТКРЫТАЯ СТАДИЯ КОНФЛИКТА — этап развития конфликта, в ходе которого субъекты переходят к непосредственному противостоянию и выражению собственных интересов без учета интересов соперника, что сопровождается ростом агрессии и антагонизма.

ОЦЕНОЧНАЯ МЕДИАЦИЯ — процедура, в рамках которой медиатор влияет на процесс медиации, давая оценку действиям участников конфликта и предлагая свои варианты разрешения конфликта.

ПАМФЛЕТ — художественно-публицистическое произведение, направленное на обличение политического строя, правительства, партии, общественной группы или конкретного правителя.

ПАРИТЕТ — равенство двух или более сторон взаимоотношений по каким-либо параметрам.

ПАРЛАМЕНТЕР — лицо, уполномоченное военным командованием на ведение переговоров с неприятелем.

ПАРТНЕРСТВО — а) форма сотрудничества, участники которой отдают себе отчет в ограниченности объединяющих их целей, интересов, задач, в наличии или возможности возникновения между ними серьезных расхождений, конфликта интересов и, как следствие, прекращения отношений партнерства (*Глоссарий по политической психологии. М.: РУДН, 2003. С. 104*); б) форма взаимодействия между субъектами (гражданами, группами, организациями, государствами), направленная на достижение равноправия, цивилизованного диалога, солидарности в ценностях, идеалах, интересах.

ПАСКВИЛЬ — оскорбительное, клеветническое произведение в публицистической форме.

ПЕРЕВОРОТ — острая форма межгруппового конфликта, в ходе которого происходит публичная насильственная смена власти, как правило, с использованием военных методов и средств.

ПЕРЕСОЧИНЕНИЕ — техника нарративной медиации, в соответствии с которой конфликт решается за счет использования частных случаев бесконфликтного взаимодействия субъектов в качестве образцов их поведения в будущем.

ПИКЕТИРОВАНИЕ — а) наглядная демонстрация группой граждан своих настроений и взглядов без шествия и звукоусиления (*Румянцева Е.Е. Новая экономическая энциклопедия. М.: ИНФРА-М, 2005. С. 389*); б) форма публичного выражения мнения, осуществляемого без передвижения и использования звукоусиливающих технических средств, путем размещения у пикетируемого объекта одного или более граждан, использующих плакаты, транспаранты и иные средства наглядной агитации (*Федеральный закон Российской Федерации № 54 от 19.06.2004. Ст. 2*).

ПИК КОНФЛИКТА — наивысшая точка развития конфликта, характеризующаяся максимизацией агрессии субъектов.

ПОГРОМ — массовые насильственные действия, вызванные дискомфортом состоянием и направленные против какой-либо группы

людей, которые рассматриваются в качестве носителей социального зла, виновников дезорганизации, противников общепринятого уклада жизни.

ПОЗИЦИОННЫЙ ТОРГ — техника переговоров, согласно которой позиции участников конфликта обусловлены определенным набором параметров объекта конфликта и приемлемое решение достигается в ходе дискуссии за счет изменения величины этих параметров каждым из оппонентов.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЛОК — объединение государств, партий, общественно-политических организаций, имеющих общие цели.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ — конфликт между субъектами политического процесса из-за разногласий по вопросам приобретения, формирования, использования или удержания власти.

ПОРИЦАНИЕ — осуждение каких-либо действий, используемое в качестве меры взыскания за проступок.

ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ — попытка недобросовестного клиента, манипулируя юридическими нормами в корыстных целях получить определенную выгоду и доход под видом защиты собственных прав.

ПРАВОВОЙ КОНФЛИКТ — конфликт между субъектами права, объектом которого являются юридические права, обязанности или правовой статус участников конфликта или третьих лиц.

ПРЕВЕНТИВНАЯ ДИПЛОМАТИЯ — а) действия, направленные на предупреждение возникновения споров между сторонами, недопущение перерастания существующих споров в конфликты и ограничение масштабов конфликтов после их возникновения (*Гали Б. Повестка дня для мира. М., 1992. С. 12*); б) действия официальных органов государства и международных организаций по предотвращению вооруженных конфликтов и снижению уровня напряженности между субъектами международных отношений.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ КОНФЛИКТА — вид управленческой деятельности по отношению к конфликту, который состоит в заблаговременном устранении или ослаблении конфликтогенных факторов (*Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Словарь конфликтолога. 2-е изд. М.: Питер, 2006. С. 333*).

ПРЕРОГАТИВА — исключительное право, принадлежащее какому-либо государственному органу или должностному лицу.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ — форма девиантного поведения, заключающаяся в совершении действий, официально запрещенных законом, обществом или коллективом.

ПРИНУЖДЕНИЕ К МИРУ — действия, предпринимаемые для прекращения межгосударственного или внутригосударственного вооруженного конфликта не вовлеченным в него государством или группой государств на основании действующих международно-правовых актов.

ПРИНЦИПАЛЬНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ — техника переговоров, основанная на абстрагировании от тактических интересов и заявленных позиций конфликтующих сторон в пользу поиска решения проблемы, спровоцировавшей конфликт, для удовлетворения потребностей каждого участника на основе объективных критериев.

ПРИНЦИПЫ МЕДИАЦИИ — основополагающие правила поведения, морально-этические нормы и процессуальные основы взаимодействия, которым должны следовать участники конфликта и медиатор: добровольность, конфиденциальность, равноправие сторон, беспристрастность и независимость медиатора.

ПРИЧИНЫ КОНФЛИКТА — события, явления или ситуации, предшествующие конфликту и вызывающие его при определенных условиях деятельности субъектов.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ КОНФЛИКТА — осознанное и обоснованное предположение о возможности возникновения и развития конфликта, базирующееся на эмпирических исследованиях и данных мониторинга, имеющее своей целью: определение возможности возникновения конфликта с упреждением по времени; выявление вариантов развития конфликта; определение возможных вариантов поведения участников конфликта; поиск возможных путей разрешения конфликта.

ПРОСЬБА — вежливое обращение, призывающее удовлетворить какие-либо интересы просящего.

ПРОТЕСТ — публичная реакция на сложившуюся ситуацию с негативной оценкой деятельности лиц, несущих за нее ответственность, содержащая требования по принятию контрмер.

ПРОТИВНИК — лицо или группа лиц, находящаяся в конфликтном взаимодействии с другим лицом или группой лиц, оказывающая сопротивление их действиям и/или проявляющая по отношению к ним враждебность.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ — общение, поведение или деятельность субъектов конфликта, состоящее из разнонаправленных действий, имеющих своей целью максимальное достижение интересов одного из субъектов и ограничение интересов противника. Противодействие может выступать в качестве средства тренировки и обучения, развития личностных качеств, а также использоваться для пресечения определенных видов деятельности субъекта, которая может нанести ему ущерб.

ПРОТИВОРЕЧИЕ — отношение двух или более суждений, желаний или требований субъектов, каждое из которых является отрицанием другого; противоречие обычно выражается в виде предъявления субъектами противоположных требований к объекту конфликта.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ НЕСОВМЕСТИМОСТЬ — неудачное сочетание темпераментов и характеров взаимодействующих лиц, противоречие в жизненных ценностях, идеалах, мотивах, целях деятельности, несовпадение мировоззрения, идеологических установок и др.

ПУТЧ — государственный переворот, совершённый небольшой группой заговорщиков, нередко военных (*Сирота Н.М. Политология: Классики науки. Термины. Тесты. СПб., 2012. С. 25*).

РАЗВИТИЕ — характеристика качественных изменений объектов, появления новых форм бытия, инноваций и нововведений и сопряженная с преобразованием их внутренних и внешних связей.

РАЗДЕЛЕННЫЙ НАРОД — этническая группа, территория компактного проживания которой разделена административными или государственными границами.

РАЗНОГЛАСИЕ — наличие противоположных точек зрения по какому-либо значимому вопросу или проблеме.

РАНГ ОППОНЕНТА — уровень возможностей участника конфликта по достижению собственных целей, зависящий от его авторитета, связей, ресурсов, интеллектуальных возможностей, опыта и т.д.

РАСКАЯНИЕ — действие и состояние, выражающееся в признании вины за совершенные предосудительные поступки.

РАСКОЛ — состояние системы, характеризующееся неспособностью ее составных частей прийти к взаимоприемлемому решению возникших противоречий и отражающее стремление каждого участника конфликта действовать исключительно в соответствии с собственными правилами, нормами и ценностями.

РЕВАНШИЗМ — политика сил, потерпевших в конфликте поражение и пытающихся вернуть утраченные позиции.

РЕВОЛЮЦИЯ — острая форма конфликта, сопровождающаяся насильственными изменениями устоявшейся системы ввиду коренного переосмысления ее фундаментальных основ и принципов дальнейшего развития большинством членов сообщества.

РЕКЛАМАЦИЯ — официальная заявка, предъявляемая продавцу или поставщику по поводу ненадлежащего качества или количества поставляемого товара с требованием устранения недостатков и возмещения ущерба.

РЕЛИГИОЗНАЯ ВОЙНА — вооруженный конфликт, обусловленный религиозными мотивами, сопровождающийся ритуальными отправлениями военнослужащих, использованием религиозной символики и образов, непосредственным участием духовных лидеров.

РЕЛИГИОЗНЫЙ КОНФЛИКТ — конфликт между представителями различных религиозных групп, вызванный их стремлением доказать правильность или навязать окружающим основные догматы своего вероучения и правила осуществления культовой деятельности.

РЕОРГАНИЗАЦИЯ — периодическая попытка усовершенствовать административными методами управление, организацию, сделать их более результативными, сдержать снижение эффективности (Ахиезер А.С. *Россия: критика исторического опыта. Т. 2. М.: Философское общество, 1991. С. 396*).

РЕЗУЛЬТАТ КОНФЛИКТА — исход конфликтного взаимодействия, приводящий к возникновению новых позиций, ориентиров и отношений субъектов конфликта к себе и друг другу, а также изменениям организации системы, в рамках которой конфликт развивался.

РЕНЕГАТ — человек, отказавшийся от собственных убеждений.

РЕПРЕССИЯ — карательная мера, применяемая органами неправового государства в целях защиты и сохранения существующего строя.

РЕТОРСИЯ — правомерные принудительные действия государства, совершенные в ответ на недружественный акт другого государства.

РЕФОРМЫ — контролируемые правящей элитой политические, социальные, экономические, культурные изменения, охватывающие важнейшие сферы жизни общества, имеющие своей целью ослабление дезорганизации, достижение социального консенсуса или компромисса, повышение уровня жизни.

САБОТАЖ — скрытое противодействие осуществлению какой-либо деятельности по идеологическим соображениям.

САМОЗВАНСТВО — незаконное присвоение чужого имени или звания с целью обмана.

САНКЦИИ — меры принудительного воздействия за нарушение установленного порядка деятельности, влекущие определенные неблагоприятные последствия для нарушителя.

СЕКСИЗМ — политическая дискриминация по половому признаку.

СЕМЕЙНЫЙ КОНФЛИКТ — межличностный конфликт, вызванный дисфункцией семейных отношений, желанием членов семьи изменить набор своих прав и обязанностей, а также разногласиями по поводу решения актуальных для семьи задач.

СЕПАРАТИЗМ — радикальное политическое движение национальных меньшинств, направленное на отделение от государства территорий, на которых они компактно проживают, и создание своих самостоятельных государств или автономных образований с широким набором властных полномочий (*Сирота Н.М. Политология: Классики науки. Термины. Тесты. СПб., 2012. С. 26*).

СИНТОННОСТЬ — способность совмещать внутреннюю уравновешенность с гармоничным взаимодействием с окружающим миром, характеризующаяся проявлениями высокой степени реактивности на настроение и поведение других людей.

СКАНДАЛ — конфликт локального масштаба, вызванный непристойным поступком, получившим огласку.

СКЛОКА — конфликт локального масштаба, носящий личностный, групповой характер, связанный с борьбой вокруг распределения благ, престижа, амбиций, со столкновением типов поведения, психологической несовместимостью и т.д. (*Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. М.: Философское общество, 1991. С. 447*).

СЛУХИ — а) постоянно действующая система интерпретации событий массовым сознанием в соответствии с исторически сложившимся менталитетом (*Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. М.: Философское общество, 1991. С. 447*); б) специфический вид межличностной коммуникации, в ходе которой реальные или вымышленные события, согласующиеся с мифами и стереотипами, передаваемые по неформальным каналам общения, становятся достоянием широкой аудитории.

СОДЕЙСТВУЮЩАЯ (ТРАНСФОРМАТИВНАЯ) МЕДИАЦИЯ — процедура, в рамках которой медиатор является только катализатором диалога между участниками конфликта.

СОЛИДАРНОСТЬ — активное сочувствие каким-нибудь мнениям или действиям, общность интересов, одинаковый образ действий или убеждений.

СОТРУДНИЧЕСТВО — а) кооперативная стратегия поведения оппонента в конфликте, заключающаяся в ориентации на совместный поиск решения, удовлетворяющего интересы всех сторон (*Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Словарь конфликтолога. 2-е изд. М.: Питер, 2006. С. 409*); б) конструктивное взаимодействие субъектов конфликта, в ходе которого поиск решения проблемы осуществляется на основе учета потребностей и интересов каждой из сторон.

СОЦИАЛИЗАЦИЯ — процесс интеграции индивида в общество, в ходе которого он усваивает необходимые для полноценной жизни образцы поведения, социальные нормы и ценности.

СОЦИАЛЬНАЯ КАТАСТРОФА — переход системы общественных отношений в состояние хаоса, характеризующийся ожесточенными конфликтами между общественными группами, преобладанием девиантного поведения у их представителей и общей неспособностью государственных институтов противодействовать дезорганизации.

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО — система взаимоотношений между работниками (представителями работников), работодателями (представителями работодателей), органами государственной власти и органами местного самоуправления, направленная на обеспечение согласования интересов работников и работодателей по вопросам регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений.

СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОЙ КОНФЛИКТ — разновидность трудового конфликта, в ходе которого происходит экстраполяция комплекса отрицательных эмоций его участников с конкретного противника на социальные группы или государственные институты, имеющие прямое или опосредованное (косвенное) отношение к субъектам конфликта или сфере его протекания. Тенденция к трансформации трудового конфликта в социально-трудоу обусловлена эффектом эмерджентности конфликта.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНТЕГРАТОРЫ — институты, постоянно воссоздающие ценности и отношения, антиэнтропийные узлы социокультурной жизни общества, нацеливающие человека на сохранение, воссоздание, воспроизводство интеграции общества, отдельных сообществ, каждой личности (*Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. М.: Философское общество, 1991. С. 201*).

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ — конфликт между крупными общественными группами, вызванный их несовместимыми потребностями, стремлением изменить привычные социальные практики, существующую систему ценностей и норм.

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК — устойчивая система отношений внутри социума, которая предполагает соответствие элементов социума по отношению друг к другу, отдельного элемента по отношению к целому и целого по отношению к элементам (*Пигров К.С. Идея экономического порядка в современной России // Социальное рыночное хозяйство / под ред. В.С. Автономова. СПб: Экономическая школа, 1999. С. 36–37*).

СОЮЗ — формальное или неформальное соглашение между двумя и более субъектами в целях сотрудничества в определенной области, выработки единых правил, стандартов и норм поведения.

СПОНТАННОСТЬ — характеристика действий, отражающая способность совершать нестандартные поступки под воздействием внутренних причин или без видимой причины.

СПОР — конфликт локального масштаба, протекающий в виде дискуссии, в ходе которой противоборствующие стороны отстаивают различные точки зрения с помощью аргументов.

СТАБИЛЬНОСТЬ — устойчивость структур, процессов и отношений, которая при всех их изменениях сохраняет их качественную определенность и целостность.

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНФЛИКТА — метод исследования конфликтов, основанный на подсчете количественных данных: числа участников конфликта, количества визуальных проявлений противоречий и т.д. — для выявления закономерностей развития конфликта и определения его этапов.

СТАТУС — реальное положение личности в системе внутригрупповых отношений.

СТИМУЛИРОВАНИЕ КОНФЛИКТА — целенаправленное обострение противоречий и эскалация конфликта в целях удовлетворения собственных потребностей.

СТРАТЕГИЯ ПОВЕДЕНИЯ В КОНФЛИКТЕ — ориентация субъекта или группы субъектов по отношению к конфликту, включающая в себя установку на определенные формы поведения в ситуации конфликта на разных его этапах.

СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОНФЛИКТА — основные составные элементы конфликта, к которым относятся субъекты конфликта, объект конфликта, конфликтный повод, причина конфликта, масштаб конфликта и условия конфликта.

СТЫД — эмоция, которая свидетельствует о потере самоуважения от сознания совершения предосудительного поступка или попадания в унижительную ситуацию.

СУБКУЛЬТУРА — культура группы в пределах более крупного культурного образования, которая часто находится в осознанном противостоянии последнему (*Мустафин А.А. Политология: словарь современных терминов и выражений. Ангарск: АГТА, 2012. С. 131*).

СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЧИНЫ КОНФЛИКТА — обстоятельства взаимодействия людей, приводящие к возникновению между ними противоречий, обусловленных индивидуально-психологическими особенностями субъектов.

СУБЪЕКТЫ ВЕРТИКАЛЬНОГО ПОДЧИНЕНИЯ — участники системы отношений, при которых одна сторона имеет право в установленных пределах определять поведение другой стороны, осуществлять надзор и контроль за ее деятельностью, а также предоставлять вознаграждение и накладывать наказания.

СУБЪЕКТЫ КОНФЛИКТА — стороны конфликта, принимающие активное участие в противоборстве, преследующие собственные интересы и обладающие активной позицией.

ТЕРРОР — целенаправленная политика управления обществом на основе использования превентивного насилия и устрашения.

ТЕРРОРИЗМ — средство решения противоречий в политической, этнической, религиозной сфере, основанное на систематическом применении оппозиционными силами ничем не ограниченного, не связанного с военными действиями насилия в отношении госу-

дарственных учреждений, инфраструктурных объектов и мирного населения.

ТЕХНОЛОГИЯ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТА — комплекс методов разрешения конфликта, применяемых субъектом конфликта или посредником в произвольном порядке для придания конфликту институционализированного вида, снижения уровня агрессии, ограничения локальных рамок конфликта и числа его участников.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ — тип современного поведения, основанный на отсутствии негативных эмоций по отношению к сторонним идеям, взглядам, ценностям, *вкусам, убеждениям и чужой культуре в целом; может проявляться как терпимость, безразличие либо принятие чуждого образа жизни.*

ТРАНСГРЕССИЯ — а) переход непереходимой границы, отделяющей возможное от невозможного (*Горшков А.С. «Инаковость» и гендерные вариации множественной идентичности // Идентичность как предмет политического анализа: Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 172*); б) выход за рамки привычного, обыденного, стереотипного поведения.

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНФЛИКТА — процесс самопроизвольного или целенаправленного изменения свойств конфликта, приводящий к переходу конфликта одного вида в конфликт другого вида.

ТРУДОВОЙ КОНФЛИКТ — форма взаимодействия субъектов трудовых отношений, детерминированная разнонаправленными интересами и характеризующаяся активными формами борьбы (забастовка, митинг, голодовка, обращение в суд и т.д.).

УЗУРПАЦИЯ — противоправный захват чего-либо или целенаправленное насильственное присвоение чужих прав.

УЛЬТИМАТУМ — официальное требование, связанное с ограничением времени, данного на его исполнение, а также с угрозой силового воздействия в случае его неисполнения в указанный срок.

УМИРОТВОРЕНИЕ — стратегия поведения, основанная на удовлетворении требований потенциального агрессора ради сохранения мира за счет снижения уровня его притязаний.

УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КОНФЛИКТЕ — целенаправленное воздействие на динамику и локальные рамки кон-

фликта, а также его отдельные элементы в целях их развития для эскалации конфликта или разрушения для урегулирования конфликта.

УРЕГУЛИРОВАНИЕ КОНФЛИКТА — способ завершения конфликта, представляющий собой результат организованного побуждения (или принуждения) одного из субъектов к типу действий, выгодному другой стороне или посреднику, и предполагающий снятие остроты противоборства сторон при сохранении объекта и причин конфликта.

УСТАНОВКА КОНФЛИКТНАЯ — предрасположенность и готовность действовать в предполагаемом конфликте определенным образом.

УСТУПКА — стратегия поведения в конфликте, характеризующаяся добровольным стремлением уйти от конфликта при восприятии объекта конфликта как несущественного для себя и значимого для соперника.

ФАКТОР — причина, движущая сила какого-либо процесса, явления, определяющая его характер или отдельные его черты.

ФАНАТИЗМ — безоговорочное некритическое следование и полная поглощенность какой-либо идеей, религией, убеждением, что сочетается с нетерпимостью к чужим взглядам и убеждениям.

ФАЛЬШИВЫЙ КОНФЛИКТ — конфликт, возникновение которого не было обусловлено объективными причинами.

ФАСИЛИТАЦИЯ — а) процесс оказания содействия в проведении переговоров конфликтующих сторон; б) процесс оказания помощи группе в выполнении задачи, решении проблемы или достижении соглашения к взаимному удовлетворению участников.

ФИЛИППИКА — обличительная речь.

ХАОС — модель реальности, в соответствии с которой реальность представляет собой множество событий и процессов, ведущих себя случайным образом, т.е. реализующих одну из бесконечного множества своих потенциальных возможностей, имеющих различную вероятность своих реализаций при различных условиях, внешнем окружении, обстоятельствах (*Лебедев С.А. Философия науки: Словарь основных терминов. М.: Академический Проект, 2004*).

ХУНТА — режим военной диктатуры, установленный в результате государственного переворота.

ЦЕНзуРА — система контроля власти за содержанием и распространением информации конфликтогенного, с точки зрения господствующей идеологии, характера.

ЭВОЛЮЦИЯ КОНФЛИКТА — постепенное развитие конфликта от простых к более сложным формам и видам.

ЭЛЕКТРОННАЯ МЕДИАЦИЯ — дистанционная медиация с использованием интернет-технологий и других технических средств связи, применяемая медиатором в спорах между лицами и организациями, которые удалены друг от друга или в силу иных причин не могут принимать непосредственное участие в процедурах медиации.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ — конфликт между индивидами, группами и организациями, вызванный противоречием по вопросам использования и сохранения природных объектов, а также биосферы в целом.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ — конфликт между участниками системы экономических отношений, вызванный желанием добиться перераспределения капитала, трудовых или природных ресурсов, изменения существующей экономической модели.

ЭКСПЛУАТАЦИЯ — нравственное представление о несправедливости социально-трудовых отношений ввиду систематического присвоения результатов труда одних людей другими без соответствующей справедливой компенсации.

ЭКСПРОПРИАЦИЯ — принудительное безвозмездное или оплачиваемое отчуждение частного имущества, производимое государственными органами или политической оппозицией.

ЭКСТРЕМИЗМ — приверженность крайним взглядам, поступкам и действиям, находящимся на грани правовых и моральных норм (Немов Р.С. *Практическая психология. М., 1997. С. 314*).

ЭКСТЕРНАЛИЗАЦИЯ — техника нарративной медиации, в соответствии с которой разрешение конфликта приравнивается к победе над внешней по отношению к человеку воображаемой живой сущностью, препятствующей установлению мира.

ЭМБАРГО — запрещение ввоза или вывоза из страны определенного вида товаров, ценностей, ценных бумаг, валюты в качестве репрессивной меры за нарушение норм и принципов международного права.

ЭСКАЛАЦИЯ КОНФЛИКТА — динамическая характеристика конфликта, включающая в себя комплекс таких процессов, как усиление активности субъектов конфликта, увеличение их количества, расширение территориальных рамок конфликта и переход субъектов к применению более агрессивных методов борьбы.

ЭТАПЫ КОНФЛИКТА — стадии развития конфликта, для каждой из которых характерен особый комплекс процессов взаимодействия между субъектами конфликта.

ЭТНИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ — конфликт между представителями различных этнических общностей, вызванный их стремлением утвердить и/или распространить свою национальную культуру на определенной территории.

Этический кодекс конфликтолога

Проблема самоопределения профессии «конфликтолог» тесно связана не только с созданием и следованием нормативно-правовым актам в области медиации, но и формулировкой требований профессионального сообщества к поведению своих членов, занимающихся практической конфликтологией. Эта проблема неоднократно поднималась на страницах научных изданий, и специалисты-исследователи уже длительное время ратуют за создание «Этического кодекса конфликтолога». Психологи А.Я. Анцупов и А.И. Шипилов определяют таковой кодекс как *«совокупность норм, правил и принципов деятельности конфликтолога, которые он обязан соблюдать при работе с конфликтом»*.

Характерно, что уже с 2004 г. существует «Европейский кодекс поведения медиаторов», составленный группой практикующих посредников при поддержке Европейской Комиссии. Имеет место и ряд проектов по принятию российскими специалистами аналогичного документа (например, такие проекты созданы при участии московского «Центра медиации и права» и петербургского отделения **«Французского Института Семейных и Системных Расстановок»**). Однако разрозненность конфликтологических организаций, отсутствие единства в целях и методах между представителями различных научных школ конфликтологии пока не позволяет выработать единые правила ведения деятельности в данной сфере. Впрочем, по замечанию петербургского философа О.Ю. Гончарко:

«в сообществе конфликтологов уже разработан ряд принципиальных положений, которые предполагают нейтралитет по отношению к участникам конфликта, беспристрастное изучение проблемы, непредвзятость и независимость позиции, конфиденциальность по отношению к личной информации, доброжелательное отношение к оппонентам, ответственность за исход конфликта, учет интересов как конфликтующих сторон, так и общества в целом, отказ от выполнения заданий, находящихся вне сферы ком-

петенции конфликтолога, оказание помощи в разработке различных решений, обучение клиента методам и технологиям разрешения конфликтов».

Как следствие, при невозможности создать общероссийский кодекс конфликтологов подобные документы появились в отдельных регионах. Например, в апреле 2011 г. некоммерческим партнерством «Сибирский центр конфликтологии» был принят «Кодекс этики профессиональных посредников и медиаторов», содержащий развернутые правила оказания услуг в области урегулирования спорных ситуаций и устранения разногласий. Хотя этот опыт можно признать положительным, российскому конфликтологическому сообществу требуется общепризнанный документ, который можно было бы рекомендовать для изучения студентам-конфликтологам. Поскольку, как заметила череповецкий специалист Е.В. Тишина, знание этических норм в своей профессиональной деятельности является одним из базовых условий *«формирования конфликтной компетентности»*. Один из вариантов такого документа составлен авторами на базе научных концепций и достижений практиков.

I. Основные принципы работы конфликтолога

1. Осуществлять деятельность конфликтолога могут лица, достигшие возраста 18 лет, обладающие полной дееспособностью, не имеющие судимости и получившие высшее профессиональное образование по направлению «Конфликтология».
2. Конфликтолог должен обладать необходимыми знаниями в сфере медиации, владеть навыками разрешения, урегулирования и предупреждения конфликтных ситуаций с учетом последних достижений науки и практики.
3. Конфликтолог всегда должен действовать абсолютно объективно и беспристрастно по отношению к каждой из сторон конфликта, исключая личные или деловые отношения с любой из сторон или обеими сторонами конфликта, если это может повлиять на ход процедуры медиации.
4. Конфликтолог должен стремиться не к наказанию виновного в конфликте, а к примирению противоборствующих сторон, учитывая тот факт, что каждый из участников конфликта прав со своей субъективной точки зрения.

5. Конфликтолог обязан сохранять в тайне любую информацию, касающуюся взаимоотношений между участниками конфликта и предпринимаемых ими действиях, полученную им от участников конфликта или ставшую ему известной при подготовке и/или в ходе процедуры медиации, до тех пор, пока сохранение тайны не угрожает здоровью и жизни участников конфликта или третьих лиц.
6. Конфликтолог стремится к налаживанию взаимопонимания между сторонами конфликта на основе честного и открытого диалога, поэтому должен в равной степени информировать все стороны о цели, задачах и процедуре медиации, избегая неоднозначности и двойного толкования собственных действий, а также сокрытия информации, могущей способствовать разрешению конфликта.
7. Конфликтолог не вправе навязывать сторонам конфликта свои личные представления и оценки, а также оказывать на них какое-либо давление при подготовке и проведении процедуры медиации и препятствовать свободному выражению сторонами конфликта собственного мнения до тех пор, пока форма этого выражения не оскорбляет других участников конфликта, их принципы, убеждения, ценности.

II. Непосредственная деятельность конфликтолога

1. В рамках деятельности, прямо или косвенно связанной с проведением процедуры медиации, конфликтолог руководствуется положениями № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», «Должностной инструкцией» и требованиями настоящего «Кодекса».
2. В случае отсутствия у конфликтолога узкоспециальных знаний, необходимых для успешного разрешения конфликта, по юридическим, экономическим и иным вопросам, он вправе воспользоваться услугами консультантов, не разглашая им сведений, способных принести ущерб участникам конфликта или третьим лицам.
3. Конфликтолог должен проводить процедуру медиации надлежащим образом, принимая во внимание все известные обстоя-

тельства дела, в том числе возможный дисбаланс сил и нормы права, возможные пожелания сторон конфликта, необходимость быстрого урегулирования спора, а также иные условия, оговоренные участниками процедуры медиации.

4. Конфликтолог не должен давать необоснованных обещаний относительно результата процедуры медиации, а также предоставлять иные сведения, которые могут вызвать необоснованные ожидания в отношении процедуры медиации.
5. Конфликтолог должен стремиться к локализации (ограничению рамок) конфликта, институционализации конфликта, снижению уровня агрессии между сторонами, поиску компромисса или консенсуса между сторонами. Результатом медиации можно считать отказ участников конфликта от силовых действий по отношению друг к другу и/или снятие противоречий между участниками. Процедура медиации считается успешной только в том случае, если все стороны конфликта готовы исполнять принятые решения.
6. Конфликтолог обязан избегать необдуманных, скоропалительных решений, способных привести к повторению или возобновлению конфликта с участием тех же сторон в будущем. Если стороны пришли к подобному соглашению, конфликтолог должен проинформировать их о возможных последствиях принятых решений
7. Конфликтолог постоянно совершенствует свои знания, умения и навыки, участвуя в образовательных программах профессиональной переподготовки, повышения квалификации, исследовательских и образовательных проектах до тех пор, пока эта деятельность не вступает в прямое противоречие с необходимостью исполнения им должностных обязанностей.

III. Требования к личности конфликтолога

1. Конфликтолог должен быть законопослушным гражданином, соблюдать права и законные интересы окружающих, а также собственные обязанности в соответствии с Конституцией и другими законами Российской Федерации.
2. Конфликтолог не должен действием или бездействием создавать конфликтную ситуацию для удовлетворения собственных потребностей.

3. Конфликтолог должен воздерживаться в трудовой деятельности и повседневной жизни от действий и высказываний, могущих нанести урон чести, достоинству, репутации, благополучию личности, организации или государства.
4. Конфликтолог не должен использовать свои интеллектуальные способности и специальные знания для оскорбления и принижения окружающих.
5. Конфликтолог не должен разделять идеологию или принадлежать к организациям, ставящим своей целью уничтожение, подавление или дискриминацию этнических, религиозных и иных групп, оскорбление их ценностей и обычаев.
6. Конфликтолог не должен в трудовой деятельности и повседневной жизни применять насильственные методы урегулирования конфликта, если сохраняется минимальная возможность их избежать.
7. Конфликтолог не должен использовать недобросовестные формы конкуренции и совершать поступки, направленные на дискредитацию коллег, друзей и знакомых.

Должностная инструкция конфликтолога (Образец)

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1. Конфликтолог относится к категории специалистов.
2. На должность конфликтолога назначается лицо, имеющее высшее профессиональное образование (специалист, бакалавр, магистр) и стаж работы в сфере социально-трудовых отношений не менее 5 лет.
3. Назначение на должность конфликтолога и освобождение от нее производится приказом директора.
4. Конфликтолог должен знать:
 - 4.1. Законодательство об охране труда, регулировании социально-трудовых отношений и урегулировании коллективных трудовых споров Российской Федерации.
 - 4.2. Конвенции и рекомендации Международной организации труда.
 - 4.3. Постановления, распоряжения, приказы, другие руководящие и нормативные документы вышестоящих и других органов, касающиеся работы предприятия.
 - 4.4. Структуру управления предприятием, права и обязанности работников организации и режим их работы.
 - 4.5. Правила внутреннего трудового распорядка.
 - 4.6. Порядок формирования и ведения банка данных о персонале предприятия.
 - 4.7. Основы экономики и финансовой политики, социологии, психологии и этики.
 - 4.8. Методы и технологии предупреждения, урегулирования, управления, мониторинга и профилактики конфликтных ситуаций в сфере социально-трудовых и межличностных отношений.
 - 4.9. Порядок ведения переговоров между конфликтующими сторонами.
 - 4.10. Методы проведения конфликтологических исследований.

4.11. Передовой отечественный и зарубежный опыт работы конфликтологов в области разрешения коллективных трудовых споров.

4.12. Правила техники безопасности, производственной санитарии и противопожарной защиты.

5. На время отсутствия конфликтолога (отпуск, болезнь и пр.) его обязанности исполняет лицо, назначенное в установленном порядке, которое приобретает соответствующие права и несет ответственность за надлежащее исполнение возложенных на него обязанностей.

II. ДОЛЖНОСТНЫЕ ОБЯЗАННОСТИ

Конфликтолог:

1. Обеспечивает работу по эффективному разрешению споров и конфликтов.

2. Принимает меры к предотвращению конфликтных ситуаций в организации.

3. Обеспечивает участие сотрудников предприятия в подготовке и внесении предложений о разработке и внедрении более совершенных способов взаимодействия работников и работодателя.

4. Оказывает методическую и экспертно-консультационную помощь руководителям подразделений предприятия.

5. Рассматривает претензии, связанные с неисполнением положений трудового договора и проводит необходимые организационные мероприятия.

6. Информировывает руководство организации об имеющихся конфликтах между сотрудниками и возможных социальных последствиях коллективного трудового спора.

7. Выполняет отдельные служебные поручения своего непосредственного руководителя.

8. Управляет процессом медиации, сохраняя нейтральность и беспристрастность.

9. Информировывает стороны конфликта об обстоятельствах возникновения коллективных трудовых споров, о нарушении законодательства, выявленных при рассмотрении споров, принципах процесса медиации, его цели и последствиях.

10. Участвует в подготовке решения трудового арбитража по предмету коллективного трудового спора, организует контроль выполнения решений трудового арбитража, обязательных для сторон.

11. Способствует созданию атмосферы доверия, открытости и конфиденциальности, защищенности конфликтующих сторон, оказывая им помощь в поиске взаимоприемлемого решения по урегулированию разногласий на основе конструктивного диалога.

12. Вносит предложения по устранению причин и условий, способствующих возникновению конфликта.

13. Возвращает документы, которые были вверены ему сторонами в рамках процедуры медиации, по окончании процедуры.

14. Соблюдает нормы профессиональной этики.

III. ПРАВА

Конфликтолог имеет право:

1. Знакомиться с проектами решений руководства предприятия, касающимися деятельности конфликтолога.

2. Осуществлять взаимодействие с руководителями всех (отдельных) структурных подразделений предприятия.

3. Подписывать и визировать документы в пределах своей компетенции.

4. Определять сроки и место проведения процедуры медиации.

5. Привлекать для участия в процедуре урегулирования трудовых споров по предварительному согласованию со сторонами конфликта сотрудников структурных подразделений предприятия, а также специалистов других организаций для консультационного и экспертного содействия в оценке ситуации рассматриваемого трудового спора и перспектив его разрешения.

6. Запрашивать у сторон необходимые документы и материалы, касающиеся существа конфликта и необходимые для выяснения причин, условий возникновения и обстоятельств конфликта, действий и позиций сторон.

7. Приостановить или прекратить процедуру медиации в следующих случаях:

если разрешение конфликта ведет к нарушению прав третьих лиц и/или законодательства Российской Федерации;

по заявлению одной из сторон процедуры медиации, если позиция другой стороны ставит явно в неравное положение другую сторону;

в иных случаях, если дальнейшее проведение процедуры медиации нецелесообразно для сторон конфликта.

8. Требовать от руководства предприятия оказания содействия в исполнении своих должностных обязанностей и прав.

9. Информировать общественность об осуществлении своей деятельности с соблюдением принципа конфиденциальности.

IV. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Конфликтолог несет ответственность:

1. За ненадлежащее исполнение или неисполнение своих должностных обязанностей, предусмотренных настоящей должностной инструкцией, — в пределах, определенных действующим трудовым законодательством Российской Федерации.

2. За правонарушения, совершенные в процессе осуществления своей деятельности, — в пределах, определенных действующим административным, уголовным и гражданским законодательством Российской Федерации.

3. За причинение материального ущерба — в пределах, определенных действующим трудовым и гражданским законодательством Российской Федерации.

ХРЕСТОМАТИЯ

№ 1

Исидор Пелусиотский

«О СРЕБРОЛЮБИИ И О МНОГИХ ДРЕВНИХ, ВОССТАВАВШИХ ПРОТИВ НЕГО»

Послание схоластику Касию

Ты, как видно, любишь деньги и, как одержимый неизлечимой болезнью, желая найти оправдание такому заблуждению, вооружил против нас Демосфена (который сказал: «нужны деньги, а без них ничто требуемое необходимостью не может быть сделано»), чтобы не осмелились мы прекословить этому неодолимому витии. Как твое слово для многих по справедливости маловажно, так важно слово витии, превосходящего всех в роде речи бойкой, сильной, страстной, все низлагающей и заключающей в себе много нового по мыслям и слогу.

Посему охотно спрошу тебя: как противопоставляешь ты нам Демосфена — как сильного ли витию, который искусством своим может извратить и самую истину, или как достоверного свидетеля? Если как сильного витию, который может приукрасить срамоту твоей страсти, то мы не уступим ему и, хотя уважим сего мужа, однако же предпочтем ему истину. А если как достоверного свидетеля, то сами не будем ничего возражать — ибо, может быть, другие отвергнут его, как покушающегося словесным искусством помрачить истину и потому не стоящего того, чтобы представлять его во свидетельство, — но, ополчив на него и говоривших, и поступавших вопреки ему, предоставим приговор суду читателей. Столько признаем себя далекими от предубеждения!

Итак, поскольку тебя, как Еллина и защитника Еллинов, надлежит препобедить с помощью человека, подобного тебе, то неодолимому витии пусть будет противопоставлен самый истинный и мудрый совет Исократы, по которому богатство обслуживает более пороку,

нежели любви к добродетели: он придает силу лени, а также привлекает юных к удовольствиям. Исократ же, по-моему, для ищущего истину — более достоин уважения, нежели Демосфен (не по силе слова — в этом последний преобладает), потому что истина для благосмысленных везде предпочтительнее силы слова. Но если некоторым и покажутся они равными, то должно не оспаривать это, но доказать, что все достойные уважения люди соглашались с Исократом.

И прежде всего, должно уважить древний обычай; а древний обычай был таков: после пира брали лиру и пели: «Погибни богатство и не являйся ни на суше, ни на море!». Если же потребуется другой свидетель, то будет свидетелем и правдивый Аристид, который мог обогатиться, но возлюбил нищету, так что город Афины и его, когда он скончался, погребал на свой счет, и дочерей его снабдил приданым.

А если нужен и третий свидетель, то подаст свой голос Фивянин Епаминонд, знаменитейший из всех тамошних военачальников, который, будучи позван в собрание, отказывался прийти в тот день, потому что одежда его была в стирке, а другой, которую бы он мог надеть, у него не было. Если нужен и четвертый, то произнесет мнение свое и Кратес, все свое имущество предоставивший народному совету и сказавший: «Кратес дает свободу Фивянину Кратесу».

Если потребуется и пятый, то присовокупит свой голос и Фокион. Когда Александр Македонский прислал ему сто талантов золота, тогда спросил он принесших, почему Александр, хотя Афинян много, присылает ему одному. И когда сказали: «Почитают тебя человеком хорошим и добрым», — отвечал: «Поэтому да позволит мне и казаться, и быть таким». И сказав это принесшим, отослал деньги назад, а Александру написал, что если хочет сделать ему подарок, то пусть освободит взятых в плен в Сардах, что Александр и сделал.

Видишь, что непременно нужное может быть сделано и без денег. Но если нужно подать голос и шестому свидетелю, то подаст его Платон (представляю, наконец, самого главного), которого не можете отринуть — столько почитаете его великим и чудным, — и который запрещает приобретать золото и серебро. Да и Ликург, законодатель Лакедемонский (не будем иметь недостатка и в седьмом голосе), тому, кто внесет в Лакедемон монету, узаконил воздавать за сие смертью.

Но если, оставив примеры, надлежит вникнуть в самую сущность дела, то не найдется в жизни ни одного худого дела, которое бы про-

изводилось не из любви к деньгам. Из-за этой любви — вражды, драки, войны; из-за нее — убийства, разбои, клеветы; из-за нее не только города, но и пустыни, не только страны обитаемые, но и ненаселенные дышат кровью и убийствами. И море не спаслось от этого зла, но и там с великим неистовством бушует оно, потому что и море осаждено морскими разбойниками, измышляющими какой-то новый способ грабежа.

Из любви к деньгам извращены законы родства, потрясены уставы природы, нарушены права самого естества, потому что эта лукавая и преступная любовь не только на живых, но и на умерших вооружает руки гробокопателей, которые освободившимся от здешней жизни не дают свободы от своего злоумышления. И сколько бы зол ни отыскал кто или в народных собраниях, или в судилищах, или в домах, или в городах, — увидит в них отростки этого корня.

Но к чему утруждаю себя? Ведь даже все, совокупившись воедино, не будут в состоянии выразить весь вред этой болезни. А если думаешь, что приобретший деньги непреодолим и потому богатство вожде-ленно, то попытаюсь доказать противное.

Кого не боится имеющий у себя много золота? Одних ли разбойников, клеветников, сильных земли? Он подозревает даже самих своих служителей. И что говорить о том, кто почитает себя еще живым (потому что одержимый такою болезнью и не живет)? Даже умерев, не может он освободиться от злодейства грабителей; самая смерть не в силах сохранить его в безопасности; напротив того — и мертвого, и погребенного обкрадывают привыкшие к такому злодейству. Так ненадежно богатство! Не только разоряются дома, но сокрушаются гробницы и гробы.

Что же может быть более достойно сожаления, чем это бедствие, когда и смерть не доставляет безопасности, но брэнное это тело, даже лишившись жизни, не имеет возможности избавиться от бед, какие терпит в жизни, потому что люди, привыкшие к злодеяниям такого рода, и прах земли спешат преследовать войною, гораздо более страшною, нежели та, какую они угрожали телу во время жизни. Ведь тогда, если бы им случилось войти в кладовую, выгрузив сундуки, не коснулись бы они самого тела и не взяли бы столько, чтобы и тело оставить нагим; а теперь и от поругания над ним не удерживаются злодейские руки гробокопателей, но движут его и поворачивают туда и сюда, с

великою жестокостью ругаются над ним; ибо после того, как оно предано земле, обнажив от этого покрова и от одежд, в какие облечено, оставляют его брошенным в таком положении.

Посему, кто же настолько коварный враг, как богатство, у живых губящее душу, у мертвых ругающее над телом и не позволяющее ему укрыться в земле, что не воспрещается даже осужденным и уличенным в самых гнусных делах? Ибо законодатели, подвергнув их смертной казни, не преследуют далее, а богатство и по смерти подвергает обладавших им самому жестокому наказанию, нагими и непогребенными выставляя на жалкое и страшное зрелище.

А посему, излишне слово, усиливающееся доказать, что богатство непреодолимо, когда приобретшие его и по кончине не пребывают в безопасности.

Кто не примирится с умершим, хотя бы это был и варвар, зверь и губительный демон? Ибо вид умершего в состоянии смягчить человека крайне жестокосердного. Поэтому как скоро увидит кто мертвого, хотя бы этот мертвый и был непримиримым и тайным врагом, прольет о нем слезы вместе с близкими к нему. Так уважают все общую всем природу и установленные ею законы! А золото и в этом случае не перестает мучить копивших его; да и не потерпевших от умершего никакой обиды делает его врагами, так как обнажать мертвое тело свойственно ожесточенным врагам и противникам, хотя природа должна была бы примирить тогда с ним самых неприятелей.

Богатство же и тех, кому не на что пожаловаться, делает чьими-то врагами и великому поруганию подвергает тело, хотя в нем много такого, что могло бы склонить к жалости. Что же именно? То самое, что тело мертво, недвижимо, готово обратиться в землю и прах, и нет никого, кто оказал бы ему помощь. Но нимало не трогает это сих злодеев и нечестивцев, потому что ими обладает лукавое пожелание. Страшная и ненасытная привязанность к корысти, как некий грозный и мстительный мучитель, стоит при них, раздавая им жестокие и немилосердные приказания и превращая их в зверей, приводит таким образом ко гробу.

Но должно возвратить нам речь к намеченному прежде предмету. Итак, если и многие достигшие уважения мужи отказались от богатства и не вступали с ним в союз, как с врагом и противником добродетели, и если самая эта болезнь корыстолюбия оказалась главной

причиною зол, и приобретшие себе богатство не делаются непреодолимыми и неуловимыми, а напротив того, оказались легко одолеваемыми всяким не только при жизни, но и по смерти, то перестань отдавать себя в добычу этой тяжелой болезни и воздвигать против нас витию. Если бы это было решением собственного твоего разума, то не длинна была бы наша речь: мы немедленно отринули бы оное, как неисцельно больное. Но поскольку ты вооружил против нас витию, то, хотя уважаем мы сего мужа (как прилично будет сказать), но вынудил ты сим и нас вооружить против него многих, ясно опровергающих сие мнение. И сего довольно.

Поскольку же велико преизобилие истины, то докажем, что сам вития, хвалившийся и величавшийся витийством, был выше постыдной корысти. Что же он сказал? «Из того, как веду себя и что говорю в обществе, никто не может доказать, что привязан я к корысти». Так и сам он похвально сим великодушием. А если спросишь, почему же вздумалось витии высказать мнение, обличаемое так легко, то отвечу: не на мне главным образом, а на тебе самом лежит долг отвечать на сие, как на выставившем витию в свое оправдание. Если же надлежит и его оправдать, то, сколько могу, сделаю и это. А сие, как думаю, надобно сделать, чтобы не показалось иным, будто бы мы боремся с пустым местом, лучше же сказать, будто бы преодолели мы пустое место, а сверх того нужно сие и потому, что я люблю истину и уважаю сего мужа.

Итак, утверждаю, что все другие, узнав самую сущность дела, справедливо провозгласили о богатстве, что оно враг добродетели; вития же высказал свое мнение, не рассматривая дела, каково оно само по себе, а имея в виду потребное для войны. Ибо иначе невозможно было без денег выковать оружие, построить трехвесельные корабли, доставить продовольствие воинам и заготовить все прочее, что любит и чем утешается война. А что сие справедливо, выражает он в другом месте: «При настоящих обстоятельствах ничто не требуется для города так, как деньги».

Посему, если Демосфен подал такой совет Афинянам, которые вели войну (было ли это дело хорошее, или нехорошее — о сем не говорю), то не ссылайся на него, как на мнение, ко всему удобоприлагаемое и общее, не одобряй его, не соревнуй обогащающимся, не приискивай оправдания тому, что ничем не может быть оправдано,

и, желая похвалить витию, не черни его, будто бы он неразумен и его легко оспорить.

Ибо, если кто сего красноречивого витию (после оправдания его пусть будет сказано и это, так как сказал я, что сильно люблю истину) захочет уязвить, то скажет: «Дивлюсь, доблестный вития, как ты, нередко умевший людские мысли обращать к противоположному и тому, чтобы убедить слушателей, не предпочитавший ничего иного, — ты, который для потомков своих стал источником, началом и правилом всякого красноречия, не предусмотрел того, что намереваюсь тебе сказать? Тебе надлежало начать свою мысль и сказать: «Потребны деньги, и без денег не может быть сделано все то, чему должно быть во время войны». Но, может быть, и Демосфен, если бы он был еще жив, ответил так: «Это показывают содержание слова и весь ход речи».

Против сего возражающий сказал бы ему еще: «Хорошо говоришь, мудрый; ибо то же прежде твоего оправдания сказал и вступивший в этот подвиг словопрения, и говорил он так, не намереваясь заводить спор; а потому уверен я, что и ты, и он говорите правду. Но так как есть люди невежественные, каков и этот, положивший начало сему состязанию, которые не обращают внимания на содержание, не держат в уме хода речи, но, оторвав мысль от предыдущего и последующего, понимают ее, какова она сама по себе, и вводят в заблуждение и себя, и других, то надлежало тебе оградить слово: ибо, будучи сказано так, людей легкомысленных и неученых поощряет оно к корыстолюбию и погружает в тысячи зол, образованных же и мудрых побуждает к невольному прекословию. Ибо могут сказать: «что говоришь ты, Демосфен? Ничто потребное не может быть сделано без денег: не могут быть показаны ни целомудрие, ни мужество, ни справедливость, ни благоразумие, ни любомудрие, ни доброта. А это иной назовет в собственном смысле приличным и потребным». — «Да», — говорит и Демосфен. «Итак, что же значит сказанное тобою?» — «Я говорил о потребном во время войны».

«Итак, почему же, — можешь спросить его, — не выразил ты сего в своем слове ясно? Разве не знаешь ты беспечности многих? Что им угодно, то и подтверждают, лучше же сказать, сам ты научил нас этому. Ибо это твое общеизвестное и истинное изречение: «всякий, как угодно ему, так и думает; на деле же часто выходит не то». Итак,

почему же стало тебе в тягость сделать это малое прибавление? Сколько было бы пользы и себя избавить от упрека, и всех других — от замешательства и затруднения?». Если бы сказали ему это, думаю, поблагодарил бы он за исправление (так как был он человек разумный) и исправил слово. Ибо в таком случае уже никто из людей неразумных не осмелился бы свое невежество подкреплять Демосфеновою ученостью.

Творения святого Исидора Пелусиота. Ч. 1 // Творения Святых Отцев в русском переводе, издаваемые при Московской Духовной Академии. Т. 34. М., 1859. С. 410–420.

№ 2

Эразм Роттердамский

«ЖАЛОБА МИРА»

(1517 г.)

Говорит Мир:

Когда бы смертные люди презирали меня, изгоняя и даже стараясь совсем уничтожить, чего я никак не заслуживаю, делали все это с пользой для себя, тогда я бы жаловался лишь на свои обиды и на их несправедливость. Но когда они изгоняют меня, источник всего их благоденствия, а сами погружаются в океан всевозможных бедствий, мне приходится больше оплакивать их несчастья, чем свои обиды. Теперь мне приходится сокрушаться и горевать об участи тех, на кого я должен был бы гневаться.

Посудите сами! Отталкивать того, кто любит тебя, — жестоко; относиться с неприязнью к тому, кто заслуживает величайшей благодарности, — неразумно; убивать того, кто является отцом и благодетелем всех людей, — самое нечестивое дело! А разве не верх безумия лишаться всех превосходных благ, которые я приношу, и добровольно навлекать на себя самые злейшие беды?

Злых людей надо ненавидеть. Но тех, кто одержим слепой яростью, можно только оплакивать. Ибо больше всех достоин сожаления тот, кто этого не понимает; несчастнее всех тот, кто не замечает своего несчастья. Ведь для того, чтобы исцелиться, нужно знать свою болезнь!

Поэтому я, Мир, прославленный людьми и богами, говорю: я — источник, отец, кормилец, умножитель и защитник всего самого лучшего, что когда-либо существовало в небе и на земле. Без меня никогда и нигде не бывает ничего процветающего, ничего надежного, ничего чистого и святого; без меня нет ничего приятного для людей и нет ничего угодного для богов.

Война же, наоборот, противна всему сущему: война — первопричина всех бед и зол, бездонный океан, поглощающий все без различия. Из-за войны все цветущее загнивает, все здоровое гибнет, все прочное рушится, все прекрасное и полезное уничтожается, все сладкое становится горьким.

Но если в войне нет ничего святого, если она, словно моровая язва, разъедает совесть и веру, если для людей нет ничего более пагубного, для Бога — ничего более ненавистного, если все это так, то почему же вы отворачиваетесь от меня? Разве вы разумные люди? Кто поверит, что вы обладаете хоть крупницей мудрости, если, не жалея ни трудов, ни забот, ни расходов, ни уговоров, прибегая ко всяческим ухищрениям, пренебрегая всевозможными опасностями, вы стремитесь во что бы то ни стало изгнать меня и заменить войной — воплощением всех бед и страданий.

Пусть бы меня отвергали дикие звери, я бы легче примирился с этой обидой. Потому что жестокость — в природе диких зверей: они злобны по натуре.

Пусть бы меня ненавидели неразумные существа, я бы скорее простил их незнание. Потому что те, кто лишен силы разума, не могут по достоинству оценить приносимые мною дары.

Но поразительное дело! Хотя природа только человека наделила разумом, способным воспринять божественную волю и откровение, только его создала полным доброты и стремления к согласию, однако я скорее нахожу себе пристанище среди самых свирепых зверей, среди самых неразумных и злобных тварей, чем среди людей!

Согласие существует и среди самых свирепых и диких зверей. Лев никогда не проявит кровожадности к себе подобным. Вепрь не распарывает разящим клыком вепря. Среди рысей царит мир. Дракон в ярости не набрасывается на дракона. А согласие среди волков даже вошло в поговорку.

Но я могу рассказать про вещи и более удивительные! Неблагочестивые души, которые первыми нарушили и продолжают нарушать божий мир и единство людей, сегодня вступили в союз и отстаивают любезную им тиранию в полном согласии между собой!

Только людей — а именно они больше всего нуждаются в единодушии — не в силах примирить ни добрая и могучая природа, ни воспитание, ни явная польза от взаимного согласия. Самые тяжкие испытания, самый горький опыт не могут объединить их и внушить им взаимную любовь.

А ведь у всех людей общая форма лица и тела, общий звук голоса. Все прочие виды живых существ большей частью отличаются друг от друга формой тела. Но лицом и силой разума наделен только человек,

разум присущ всем людям в отличие от иных существ. А кроме того, людям дан язык — лучший посредник для установления дружбы и согласия

Язык позволяет людям установить дружбу, согласие и взаимную любовь, потому что среди всех людей посеяны семена знаний и добродетелей, все люди наделены разумом, кротким и настроенным делать добро ближним, за исключением тех случаев, когда человек, охваченный похотью или преступными мыслями, словно опоенный зельем Цирцеи, превращается в зверя. Именно поэтому в народе принято называть человеческим все то, что служит признаком благожелательного отношения людей друг к другу, таким образом, слово «человечный» обозначает нравственные, а не физические свойства человеческой природы

Всевозможными способами и путями природа учит людей согласию. Не довольствуясь выражением взаимного расположения на словах, она сделала так, что содружество стало не просто приятно, но и необходимо. Для этого она так разделила все свойства души и тела между людьми, что теперь нет ни одного человека, который мог бы прожить без помощи своих ближних. Природа по-разному наделила людей самыми различными качествами, и это неравенство исчезает лишь тогда, когда между людьми царят мир и взаимная любовь. Различные предметы доставляются из различных стран, уже одно это учит людей взаимному уважению.

Природа дала всем прочим живым существам оружие и средства для самозащиты. Только человека она оставила слабым и безоружным, способным защищать себя от общей опасности лишь в содружестве с другими людьми. Так необходимость создала города, общество, научила людей товариществу, научила их, сливая воедино слабые силы, давать отпор диким зверям и разбойникам.

Поистине, ничто в мире не смогло бы уберечь человеческое дитя, особенно новорожденное, от гибели, если бы семья не выкармливала его и не заботилась о нем в полном согласии. Пожалуй, ни один человек не мог бы родиться, а если бы и родился, то все равно неизбежно умер бы в самом начале жизни, если бы дружеская рука матери и кормилицы не поддерживала его. А для этого природа зажгла в родителях страстную привязанность и любовь к детям. К этому она прибавила уважение и любовь к своим родителям, чтобы родители могли легче переносить

болезненность и капризы детей, чтобы одно уравновешивало другое. Греки удачно называли такое соотношение антипеларгозис, что означает понимание взаимной выгоды. К этому прибавляются еще узы кровного родства и свойства. В общем, создается такое сочетание разума, опыта и нравов, которое служит вернейшим залогом взаимной благожелательности. Во многих случаях подобное сочетание порождает стремление к дружбе и взаимную любовь, которыми старики так восхищаются, приписывая их божественному влиянию.

Так, приводя бесчисленные доказательства, природа учит людей согласию и миру. Так она привлекает их к себе всевозможными соблазнами. Так она соединяет их множеством связей, так подчиняет их своей воле. И при всем этом какая-то адская злоба все же овладевает людьми. В их сердца вселяется всепожирающая, ненасытная страсть к кровопролитиям! Поверить, что люди, постоянно занятые бесплодными раздорами и войнами, наделены разумом, может только тот, кто привык к этим действиям настолько, что перестал им удивляться и видеть всю их пагубность. Наконец, люди нарушают порядок и спокойствие повсеместно, в мирских селениях и святых местах, всюду неся грабежи, кровь и разорение. И нет такого содружества или союза, которые были бы достаточно священны и чтимы, чтобы примирить и утихомирить тех, кто яростно устремляется друг на друга для взаимного уничтожения.

Да, если бы все обстояло так просто, одного общего слова или человеческого имени было бы достаточно, чтобы достигнуть соглашения между людьми. Но выходит, что природа, которая так сильна среди диких зверей, с людьми ничего не может поделать. А имя Христа, неужели и оно ничего не значит для христиан? Пусть в данном случае влияния природы недостаточно, хотя среди существ, лишенных разума, она является великой силой; но поскольку учение Христа превосходит учение природы, то почему же и оно не может убедить тех, кто его исповедует, в самом основном своем положении: в благотворности мира и взаимной любви? Или почему это учение хотя бы не заставит людей забыть о таком буйном помешательстве, как война?

Когда я слышу человеческую речь и вижу людей, я, Мир, устремляюсь к ним как к существам, предназначенным исключительно для того, чтобы я восторжествовал. Я постепенно проникаю, в их души, веря, что в людях мое законное пристанище. А когда я вижу христиа-

нина, я спешу к нему изо всех сил, питаю самые сладостные надежды воцариться в нем.

Но здесь — мне стыдно и горько признаться в этом — в судах и в палатах советников, при дворцах и храмах — всюду слышатся крики и вопли раздоров и споров, каких не бывает даже в капищах язычников. Причиной многих несчастий и бедствий человека являются адвокаты, однако они составляют лишь очень небольшую часть всех тех, кто занимается спорами и раздорами.

Я обращал мой взор к городам. На время во мне зарождалась надежда, что здесь, наконец, есть доброе согласие между теми, кто живет окруженный одной стеной, что здесь царят и правят одинаковые законы и что здесь, как на одном корабле, всех объединяют одинаковые опасности. Увы, как я ошибался! И здесь тоже все настолько раздирается несогласием, что мне с трудом удастся найти хоть один дом, в котором я мог бы прожить хоть несколько дней.

Минуя простой народ, который, будучи волнуем ссорами да раздорами, напоминает бушующее море, я обращался ко дворам государей, как к некоей гавани. Без сомнения, думал я, среди них и должно быть место для мира, потому что они более мудры и осторожны, чем обычные люди, потому что они — глаза народа. Кроме того, они наместники Того, кто есть Князь Согласия и кто в действительности посылает меня всем людям, а в особенности государям.

И все мне как будто благоприятствовало. Я видел нежные приветствия, любовные объятия, веселые пиршества и все прочие действия и признаки гуманности. Но, увы, невероятное дело! Я не мог отыскать среди них даже тени истинного мира и согласия! Все здесь было подкрашено и искусственно, все имело радушную внешность, за которой скрывались недовольство и подлая злоба. И под конец я обнаружил, что нет здесь места для мира, ибо здесь находятся истоки и причины всех раздоров и войн.

Неужели после всего этого я должен еще страдать, видя, как надежды обманывают меня? Я увидел, что государи скорее могущественны, чем просвещенны, что они больше внимают алчности, чем здравым суждениям разума. Тогда я решил примкнуть к обществу ученых людей. Хорошие книги делают людей, философия создает более чем людей, богословие создает богов. Я был уверен, что отдохну среди ученых после стольких мытарств.

Но, увы, новое разочарование! Здесь идет та же самая война, но только в ином роде, не такая кровавая, но не менее бессмысленная и неразумная. Одна школа отличается от другой, истинная сущность вещей меняется в зависимости от страны: многие истины не могут переплыть через море, перебраться через Альпы, переправиться через Рейн. Даже в одной и той же академии логики воюют с риториками, а богословы с юристами.

Воюют друг с другом даже представители одной и той же профессии: например, последователи Скота воюют с последователями Фомы, номиналисты сражаются с реалистами, платоники с перипатетиками. Дело зашло так далеко, что даже в самых незначительных вопросах они не могут прийти к согласию и часто с ожесточением нападают друг на друга из-за пустяков, пока сражение не становится все жарче и жарче, когда от аргументов переходят к злословию, а от злословия — к драке. И если спор не может быть разрешен ни с помощью кинжала, ни с помощью копья, тогда они разят друг друга своими ядовитыми, отравленными перьями и лощеной бумагой, обращая смертоносное жало своего языка против доброй славы противника.

Оставался еще один род людей, которые так привержены к религии, что не могут отбросить ее, даже если бы они того пожелали, как черепаха не может избавиться от своего панциря-жилища.

Я мог бы надеяться, что найду себе место среди них, если бы надежда столь часто не обманывала меня и под конец не заставила во всем отчаяться. Но все же, решив испытать все, что можно, я сделал еще одну попытку. Вы хотите знать, чем она кончилась? Ни от кого из людей я не отказываюсь так охотно, как от этих. Да и на что мне было надеяться, если ни одна из религий не согласна с другими религиями? Различных религий столько же, сколько различных религиозных братств. Доминиканцы спорят с миноритами, бенедиктинцы с бернардинцами, сколько названий, столько и религий, сколько религий, столько и различных церемоний, потому что они ни в чем не согласны между собой. И каждый человек доволен своей религией, ненавидит и прокликает религию других. А разве одно и то же религиозное братство не раздирается раздорами? Обсерванты ругают колетов, и все вместе проклинают третьих, чье название идет от слова «конвенция», — конвентуалов; между всеми ними нет согласия.

И поскольку дела обстоят таким образом, я, уже ни во что не веря, хотел бы укрыться в каком-нибудь маленьком монастыре, в котором бы царил настоящее нерушимое спокойствие. Но, как ни прискорбно говорить об этом, я до сих пор не нашел ни одного монастыря, который бы не был отравлен взаимной ненавистью и раздорами. Стыдно слушать, какие бесполезные склоки и споры из-за самых мелочных и суетных предметов затевают и поддерживают старые люди, которых должно бы уважать и почитать ради их бород и сутан. А какими учеными и какими святыми кажутся они с виду!

Еще улыбалась мне слабая надежда, что где-нибудь среди счастливых семей для меня найдется место. Разве не обещают этого общий дом, общая постель, дети, родные? А кроме того, общий закон для тел супругов, настолько единых, что можно подумать, будто это не два тела, а одно, составленное из двух. Но, должно быть, преступные Эринии и раздор пробрались и сюда и, внеся несогласие в умы, разделили тех, кто связан друг с другом столькими узами. И все же я скорее нашел бы себе место среди этих людей, чем среди тех, кто, обладая саном и знаками отличия, со всевозможными церемониями проповедует высшее милосердие.

И наконец, я возжаждал последнего — найти себе место хоть в сердце какого-нибудь одного человека. Но и это мне не удалось. Потому что человек сражается и берется с самим собой: разум воюет с чувствами, а чувства — между собой, жалость влечет к одному, а жадность — к другому, похоть требует одного, гнев — другого, честолюбие — третьего, алчность — четвертого.

То, что христианам угодно называть церковью, чему иному она поучает, как не единодушию? Но что общего между войной и церковью? Церковь славит согласие, а война есть следствие раздоров. Если вы гордитесь тем, что являетесь частью церкви, то что вам за дело до войны? Если же вы отпали от церкви, то что вам за дело до Христа? Если вы приняты в одном доме, если у вас общий господин, если вы стоите за одно и приняли одинаковую присягу, если радуетесь одним дарам, если вы питаетесь одной пищей, если с вас требуется и спрашивается одинаковое воздаяние, почему же вы так вздорите между собой? Мы видим, что даже среди подлых наемников, готовых за плату и на убийство, царит великое согласие лишь потому, что идут они на войну под одним и тем же знаменем. Но неужели такое множе-

ство вещей не может примирить тех, кто проповедует святость? Неужели все священные обряды ничего не могут поделать?

Увы, пословица говорит, что злые дела примиряют злых людей. Есть ли что более хрупкое, чем жизнь человеческая? Или более короткое? И скольким болезням и превратностям она подвержена? И все же, зная это, люди, словно лишённые разума, навлекают на себя всевозможные беды, большие, чем они способны вынести и выстрадать. Умы людей настолько ослеплены, что они ничего этого не видят. Они всячески стараются разорвать и расторгнуть все узы природы, все узы единоверия и человеческого общежития. Они повсюду сражаются друг с другом, и этому не видно ни конца, ни края. Нация с нацией, город с городом, цех с цехом, государь с государем сталкиваются и наносят друг другу урон. И часто из-за глупости или тщеславия двух человек, которым самим, возможно, суждено в ближайшее время погибнуть от черной оспы, все человеческие дела идут насмарку.

Я не стану говорить о трагедиях древних войн. Вспомним хотя бы дела десяти прошедших лет. Какая из наций не сражалась за эти годы на суше и на море с величайшей яростью? Какая страна не была залита христианской кровью? Какая река и какое море не были замутнены кровью людей? Стыд и позор! Христиане сражались еще более ожесточенно, чем древние евреи, чем язычники, чем дикие звери! Войны, которые вели древние евреи, были направлены против чужеземцев. Такую войну христиане должны вести против пороков, которые распространены среди них, а не против людей! Древними евреями руководила в сражениях вера. А христиан, если здраво взглянуть на вещи, отбросив предвзятые мнения, повсюду увлекает в битву тщеславие. Гнев — самый худший советчик — и ненасытная преступная жажда стяжательства руководят ими. Древние евреи воевали с варварами, а христиане вступают в союз с турками и сражаются друг с другом.

Обычно жажда славы заставляла языческих тиранов начинать войны. Ради этого они покоряли варваров и дикие народы, что шло на благо самим варварам, а потому победитель пользовался расположением побежденных. И языческие тираны делали все возможное, чтобы победа была бескровной, чтобы побеждали за них признанная сила и заслуженная слава и чтобы доброта победителя была утешением для побежденных.

Но мне стыдно вспоминать, из-за каких пустейших и суетных причин ввергают мир в войны христианские государи. Один государь отыскивает или присваивает себе какой-нибудь старый и опороченный титул, как будто в нем заключается нечто весьма важное для владения и управления королевством, словно в этом заключены все выгоды и благополучие страны. Другой государь находит, что какая-то мелочь — я уже не могу вам сказать, какая, — пропущена в перечислении сотен титулов. Третий государь лично оскорблен тем, что ему лживо передала его супруга, разобиженная каким-нибудь ничего не значащим словом или вольной фразой.

Но самое преступное и гнусное — это лицемерие тиранов, Они ощущают и видят свое могущество, лишь разрушая согласие в народе, а когда это согласие нарушено, они втягивают и вовлекают народ в войну, чтобы разъединить тех, кто еще оставался единым, и чтобы еще свободнее и легче грабить и истязать несчастных людей. Другие из них еще преступнее — это те, кто жиреет за счет несчастий и разорения народа и кому в мирное время нечего делать в человеческом обществе.

Какие адские фурии смогли влить подобный яд в сердца христиан? Кто выдумал эту тиранию? Подобной не знали ни при Дионисии, ни при Мезенции, ни при Фалариде. Нынешние тираны скорее похожи на диких зверей, чем на людей. Они горды своим тиранством. Их гордость не в благородстве и не в мудрости, а в том, чтобы вредить и наносить урон другим, не в согласии и содружестве, а в том, чтобы угнетать всех остальных. И тех, кто совершает подобное, считают и принимают за христиан, и повсюду эти осквернители приходят в святые храмы и приближаются к алтарям! О, вы хуже самой страшной чумы, и вас лучше бы изгнать на отдаленнейшие острова!

Все христиане — братья. Но почему же каждый из них не радуется, видя благополучие и процветание других людей? Теперь думают так: если соседнее государство процветает и здравствует, то одного этого вполне достаточно для того, чтобы начать против него войну.

Что же еще, если говорить правду, заставило и заставляет многих ополчаться с оружием на королевство французское, как не то, что это королевство самое процветающее из всех? Нигде нет столь обширных, необозримых владений, столь благородного сената, столь знаменитых университетов, нигде нет большего согласия, а потому и большего могущества.

Германия, я уже не говорю о Богемии, настолько раздроблена между различными королями, что никоим образом не походит на единое государство. Только Франция является неувядающим цветом христианства. Она подобна крепости, которая может служить защитой в случае грозы или бури. И в нее-то всеми путями вторгаются и всеми способами ее разоряют, хотя те, кто это делает, должны были бы именно по этой причине, если бы в них была хоть капля христианской морали, быть довольными и наиболее к Франции благосклонными. А они считают свои злые дела хорошими и справедливыми. Они говорят, что этим расчищают путь для расширения царства Христова. О чудовищное дело! Они думают, что весь христианский мир не будет достаточно богат и укреплен, если не разрушить прекраснейшую и счастливейшую часть его!

Если бы так поступали простые люди, можно было бы все объяснить их невежеством. Если бы так делали юнцы, можно было бы простить им из-за отсутствия опыта. Если бы такое творили невежды и глупцы, их недостатки служили бы оправданием жестокости совершаемого. Но ныне мы видим, что виновниками войны чаще всего являются те, благодаря чьим советам и умеренности можно было бы предотвратить столкновение народов.

Простые люди возводят великолепные города, а построив их, сообщая управляют ими и, управляя, становятся богатыми. Сатрапы прокрадываются в эти города и, как трутни, безбожно уничтожают и расхищают то, что создано и добыто трудом и искусством других людей. Так немногими развеивается то, что собрано трудом многих, и чем прекраснее бывает созданное, тем беспощаднее оно разрушается.

Если кто не помнит того, что было давно, то, конечно, вспомнит, если захочет, сражения и войны, которые происходили за последние десять лет. Стараясь найти их причины, он обнаружит, что они все начинались по почину государей, а кончались великим ущербом и потерями для народа, который не имел к войнам никакого отношения.

В давно прошедшие времена язычники говорили: «Не седой голове носить шлем!». Тогда это считалось постыдным. А сегодня это считается похвальным и достойным среди христиан. По мнению Овидия Назона, старцу не подобает быть солдатом, а теперь считают, что быть солдатом в семьдесят лет — похвальное дело!

Но как можно совмещать шлем и митру? Что общего у епископского или пастырского посоха с мечом? Что общего у Евангелия со

щитом? Как можно приветствовать людей с миром и одновременно ввергать их в самые жестокие битвы, ниспосылать мир на словах, а на деле призывать войну? Как можно, чтобы одни и те же уста громко восхваляли миролюбивого Христа и одновременно восхваляли войну? Как может одна и та же труба возвещать приход Христа и Сатаны? Как можете вы, прикрывшись сутаной, в святой молитве призывать к убийству простых людей, которые жаждут услышать из ваших уст евангельские истины? Как можете вы, занимая места апостолов, проповедовать то, что противоречит учению апостолов? И не страшит ли вас, наконец, то, что сказанное о посланцах христовых — «как прекрасны ноги благовествующих мир, благовествующих благое» — вами полностью извращено? Подл и недостойн язык священника, призывающего к войне, толкающего ко злу, проповедующего смерть и убийство!

Среди древних римлян во времена их язычества тот, кто исполнял обязанности высшего священнослужителя, по обычаю клятвенно подтверждал, что руки его будут чисты и не запятнаны кровью. Даже тогда, когда его оскорбляли, он не должен был мстить. Тит Веспасиан, языческий император, и тот постоянно следил и заботился о том, чтобы эта клятва не нарушалась, за что был восхваляем языческими писателями.

О люди, окончательно потерявшие стыд! Священники, боги слуги среди христиан, и монахи, претендующие на еще большую святость, чем священники, — все они разжигают в государствах и простом народе страсть к убийствам и войнам. Трубу архангела они превращают в трубу Марса — бога войны. Забыв о своем достоинстве, они бегают и рыщут повсюду, толкая всех, кого могут, к войне.

И из-за этих людей, чей авторитет должен был бы внушать кротость и согласие и примирять борющихся и враждующих, государи, которые сами, возможно, миролюбивы, загораются стремлением к войнам. Увы, что еще удивительнее и невероятнее, они сами враждуют друг с другом из-за вещей, презираемых даже языческими философами, из-за презренных пустяков, которыми служители церкви должны были бы пренебречь.

Несколько лет назад, когда мир был жестоко ввергнут каким-то роковым недугом в войну, проповедники Евангелия — минориты и доминиканцы — завопили и затрубили в свои трубы, воспламеняя все

больше и больше тех, кто и так по собственному характеру был склонен к жестокостям.

Среди англичан они возбуждали англичан против французов, а среди французов они толкали французов против англичан. Они вдохновляли и призывали всех людей к войне. Никто, кроме одного или двух человек, не призывал к миру, и если бы я назвал их имена, то для них это было бы равносильно смерти.

Святые епископы, забыв свое достоинство и сан, мечутся туда и сюда, наиусерднейшим образом растрavляя и усугубляя все язвы и раны мира. С одной стороны, они возбуждают папу Юлия, а с другой — королей, как будто те сами недостаточно безумны, чтобы устремиться в войну. И они же еще прикрывают это явное безумие пышным славословием.

Чтобы достичь своих целей, они бесстыдно и лживо искажают законы отцов, написанные благочестивыми людьми, искажают слова Священного писания. Увы, дело дошло до того, что стало считаться безумием и даже святотатством, если человек открывает рот для восхваления того, что прежде всего восхваляли уста Христовы. То, что Христос превозносил мир — из всех вещей наилучшую и порицал войну — вещь наиболее пагубную, едва ли в силах примирить народы и мало нравится государям. Сегодня священники следуют за войсками. Епископы играют главную роль в армии и, покинув свои храмы, служат теперь Беллоне.

Увы, теперь сама война порождает и делает священников: она назначает епископов, она выбирает кардиналов, и лагерный поп считается достойнейшим претендентом на должность заместителя апостолов. И нет ничего удивительного в том, что те, коих породил Марс, бог войны, так жаждут войны. А для того чтобы эта язва стала еще ужаснее, эти люди прикрывают и прячут ее под личиной милосердия.

Издавна я наслушался всевозможных оправданий, которые ловкие и умные люди изобретают на свою же погибель. Они жалуются на то, что вовлечены в распри и принуждены воевать против своей воли. Отбросьте эти объяснения и оправдания, снимите лживую личину! Вглядитесь в свою собственную душу и совесть: вы увидите, что не необходимость, а ярость, тщеславие и глупость движут вами.

Как не пожалеть о том, что любая обида или ссора приводит к войне! Между мужем и женой случается много такого, на что не сле-

дует обращать внимания, исключая то, что может погубить любовь и взаимное уважение. А если подобные несогласия возникают между государями, что же заставляет их из-за этого начинать войну? Ведь существуют законы, существуют ученые люди, существуют почтенные аббаты, почтенные епископы, чей добрый совет мог бы устранить и примирить все несогласия. Почему же они не сделают этих людей арбитрами? Даже если такие арбитры будут пристрастны, то и тогда государи потерпят меньший урон, чем от последствий войны. Нет такого худого мира, который был бы хуже самой удачной войны! Вспомните сначала все, что влечет за собой война, и вы увидите, насколько выгоднее для вас мир.

Папа римский обладает высшим авторитетом. Но когда народы и государи беспорядочно сражаются в яростной войне в продолжение многих лет, то где же он, этот папский авторитет? Где она, власть наместника Христа? В подобном положении вещей неизбежно приходится задавать себе вопрос: не связаны ли они — и авторитет, и власть папы римского — с подобными преступлениями?

Папа призывает к войне — люди повинуются. Папа призывает к миру — почему же люди не повинуются таким же образом? Если они действительно жаждут мира, почему они повинуются папе Юлию, зачинщику войны? И почему никто не повинуется папе Льву, призывающему к миру и согласию? Если бы папский авторитет был истинно свят, он наверняка бы имел наибольшую силу в тех случаях, когда призывал к тому, чему учил Христос. Но тогда как же смог папа Юлий ввергнуть людей в смертоносную войну и почему папа Лев, наиболее праведный из пап, призывавший людей путем стольких доводов к христианскому миролюбию, ничего не достиг? Это показывает, что под предлогом служения церкви папы служили своей собственной алчности, чтобы не сказать о них хуже.

Если вы в сердце своем ненавидите войну, я дам совет, как вам защитить согласие. Совершенный мир зиждется не на лигах и конфедерациях, из которых, как мы знаем и видим, часто рождаются и начинаются войны. Источник, из которого вытекает это зло, должен быть очищен от злых помыслов и желаний, порождающих раздоры и споры. Если каждый человек будет служить своим личным желаниям, это сильно повредит всему обществу. И тогда ни один человек так и не достигнет того, к чему стремился со злыми помыслами по неправед-

ным путям. Пусть государи будут мудрыми для пользы народа, а не только для своей выгоды; и пусть они будут действительно мудрыми, чтобы измерять свое величие, свое преуспеяние, свои богатства, свою славу тем, что на деле делает людей совершенными и великими. Пусть они будут для всего общества тем же, чем является отец для своей семьи. Король должен считать и полагать себя великим и благородным лишь тогда, когда он управляет и руководит добрыми подданными; он может считать себя счастливым, если приносит своим подданным счастье; возвышенным — если он командует и управляет теми, кто свободен; богатым — если его подданные богаты; благоденствующим — если его города процветают в постоянном мире.

Знатные люди и должностные лица должны подражать государю и следовать в этом за ним. Они должны судить обо всем, исходя из выгоды и пользы всего общества, и таким путем и способом они гораздо вернее смогут добиться выгоды для самих себя.

Может ли король, придерживающийся таких взглядов, стремиться отнять деньги у своих подданных для того, чтобы содержать на них наемные войска из чужестранцев? Может ли он обрекать своих подданных на голод и недоедание для того, чтобы обогатить каких-нибудь бессовестных вояк-капитанов? Может ли он подвергать жизнь своих подданных стольким опасностям? Я думаю, что не может.

Пусть, управляя своей империей, государь помнит, что, будучи человеком, он управляет людьми, что, будучи свободным человеком, он управляет свободными людьми и, наконец, что, будучи христианином, он управляет христианами. И в то же время пусть народ оказывает ему почести лишь постольку, поскольку это идет на пользу всему обществу, — ни один добрый государь не желал бы и не стремился бы ни к чему большему. Мир и согласие среди горожан могут обуздать злые помыслы плохого государя. Пусть ни горожане, ни государь не думают о своей частной выгоде. Пусть величайшие почести воздаются тем, кто предотвращает войну, кто мудрым советом восстанавливает согласие и кто всеми силами делает так, что становятся ненужными великие армии и огромные запасы оружия. Лучше всех из множества римских императоров, как мы знаем, поступал в этом отношении Диоклетиан.

Но если уж война становится неизбежной, пусть ведут ее так, чтобы все несчастья и тяготы обрушивались на головы тех, кто явился

виновником войны. Теперь государи начинают войны и остаются в безопасности, их военачальники становятся великими людьми, огромная же часть всех бед и потерь падает на плечи земледельцев и простого народа, который не думал о войне и не давал к ней никакого повода. Где же мудрость у государя, если он не понимает подобных вещей? Где же разум у государя, если он относится к подобным вещам столь легкомысленно? Надо найти средства к тому, чтобы границы государств перестали подвергаться частым изменениям и сделались устойчивыми, потому что изменения государственных границ ведут к смутам, а смуты — к войне. Ведь легко можно было бы сделать так, чтобы наследники короля женились в границах своих владений, а если уж им так нравится жениться на иноземках, то у них должна быть отнята всякая надежда на престолонаследие. Точно так же следует признать незаконным, если государь уступает или продает часть своих владений, словно свободные города являются его частным поместьем. Ибо свободными городами управляют короли, а порабощенные города стонут под игом тиранов.

Ныне из-за путаных браков государей случается так, что человек, рожденный ирландцем, правит Индией, или, скажем, тот, кто правил сирийцами, внезапно становится королем Англии. Так случается, что одно государство, которое он покидает, остается без государя, а в другом этот государь никому не известен и выглядит как человек, рожденный в другом мире. Приобретая одно государство, переделявая его и устраиваясь в нем, он в то же время разоряет и истощает другое. А иногда он выбивается из сил, стараясь удержать оба государства, когда едва может справиться с одним, и оба теряет. Государям следует раз и навсегда договориться между собой, чем каждый из них должен управлять и править, чтобы никакие хитрости не могли увеличить или уменьшить границы их владений, однажды им врученных и доверенных, и чтобы никакая федерация или лига не могла их разорить и уничтожить.

Каждый из государей должен трудиться и радеть, употребляя все свои силы на то, чтобы способствовать процветанию своих владений. Вкладывая весь свой опыт и разум только в эти владения, он должен делать все, чтобы оставить их своим детям обогащенными всеми богатствами и благами. И таким образом во всех местах произойдет так, что все будет процветать. А между собой государи должны быть

связаны не родством и не искусственным товариществом, а чистой и искренней дружбой и еще более общим и одинаковым стремлением содействовать всеобщему благосостоянию.

Пусть тот наследует государю, кто является ближайшим к нему по родству или кого народное голосование признало наиболее достойным, и пусть этого будет достаточно для других, чтобы отказаться от престола, как поступают благородные люди среди честных людей. Истинно королевское свойство — уметь отказываться от личных стремлений и судить обо всем лишь с точки зрения всенародной, всеобщей полезности. Кроме того, государь должен избегать дальних странствий. Он не должен когда-либо хотеть или стремиться оставить берега или границы своего королевства. Он должен помнить пословицу, справедливость которой подтверждена опытом времени: «Внешность всегда заманчивее, чем изнанка».

Государь должен считать себя обогащенным не тем, что он отнимает у других людей, а тем, что увеличивает свои собственные богатства. Когда речь пойдет о войне, пусть он не зовет для совета и обсуждения ни юнцов, для которых война сладка и приятна лишь потому, что они сами ее не испытали и не знают, сколько зла и несчастий она влечет и несет за собой, ни тех, кому нарушение всеобщего спокойствия приносит выгоду, ни тех, кто питается и жиреет за счет народных страданий. Пусть он призовет старых и мудрых людей, чье благочестие известно всей стране. Не позволяйте также вовлекать себя в войну ради удовольствия или прихоти одного или двух человек, потому что начать войну легко, а завершить трудно. Это самая опасная и рискованная вещь, за исключением тех случаев, когда она начата с согласия всего народа.

Поводы и причины войн надо немедленно устранять. Для того чтобы избежать многих раздоров и столкновений, следует снисходительно относиться к некоторым вещам, ибо вежливость порождает и вызывает вежливость. Иногда мир должен быть куплен. И когда ты подсчитаешь, что поглотит и уничтожит война, и учтешь, сколько горожан спасаешь от разорения, то увидишь сам, что, как бы дорого ты ни заплатил, цена будет незначительной. Ведь война потребовала бы помимо крови твоих граждан гораздо более значительных расходов. И когда ты сообразишь, каких бед избежал и сколько добра защитил, то не жаль будет средств, потраченных для предотвращения войны.

В то же время пусть епископы занимаются своим делом и службой. Пусть священники будут настоящими священниками. Пусть монахи вспомнят свои обеты. Пусть богословы учат тому, что угодно Христу. Пусть все люди объединятся против войны. Пусть все люди поднимут против нее свои голоса. Пусть все люди проповедуют, прославляют и превозносят мир публично и частным образом. И если они не смогут предотвратить вооруженное столкновение, то в любом случае они не должны ни одобрять его, ни участвовать в нем, ни оказывать никаких почестей людям, участвующим в этом преступном деле.

Пусть убитых на войне зарывают в неосвященной земле, где попало. Если будут среди убитых добрые люди, которых окажется, конечно, немного, они не должны быть из-за прочих наказаны и лишены погребения. Но жестокие и злые, которых множество, не должны утешаться тем, что такая честь будет оказана и им. Я говорю о войнах, которые обыкновенно ведут христиане против христиан по мелким и несправедливым поводам. Я не имею в виду при этом тех, кто решительно и умело отражает яростное нашествие варваров и, рискуя своей собственной жизнью, защищает всеобщее, всенародное спокойствие.

Мир по большей части зависит от сердец, желающих мира. Все те, кому мир приятен, приветствуют всякую возможность его сохранить. Они либо стараются не замечать того, что мешает миру, либо устраняют и мирятся со многим, лишь бы мир — величайшее благо — был сохранен и спасен. Другие же ищут поводов для начала войны. То, что ведет к миру, они оставляют без внимания или уничтожают, но то, что ведет к войне, они усиливают и усугубляют. Мне стыдно рассказывать, из-за каких ничтожных и суетных вещей развязывают и создают великие трагедии и какие страшные пожары возникают из маленькой искорки. Тогда вспоминается великое множество оскорблений, и каждый человек вспоминает нанесенные ему обиды и содеянные беды. И в это же время о добрых делах никто не вспоминает, они оказываются в глубочайшем забвении, так что можно действительно поклясться, что все люди желают войны и стремятся к войне.

Часто личные дела государей вовлекают народы в войну. Но причины, по которым эта война ведется, должны быть явными и известными всем. Когда к войне нет вовсе никаких причин, они иной раз выдумывают поводы для несогласий, путая названия стран и провин-

ций для того, чтобы разжигать взаимную ненависть. Знать поддерживает и раздувает заблуждения неразумных людей и злоупотребляет ими к своей частной выгоде и корысти. Даже некоторые священники участвуют в подобном обмане.

Англичане смотрят на французов как на врагов лишь за то, что они французы. Англичане ненавидят шотландцев лишь за то, что они шотландцы. Немцы враждуют с французами, испанцы — и с теми и с другими. Какая противоестественность во всем этом! Простое название местности разъединяет людей. Почему же такое множество других вещей не может примирить их? Ты, англичанин, ненавидишь француза. Но почему ты, человек, не можешь быть доброжелательным к другому человеку? Почему христианин не может быть доброжелательным к христианину?

Не удовлетворяясь этим, некоторые людские умы намеренно и злобно выискивают поводы для противоречий и споров. Они разделяют на части Францию, такую страну, которую ни горы, ни моря, ни истинное название местностей не разделяет. Из французов они делают немцев, чтобы общие имена не способствовали усилению и росту дружбы.

Если судья в таком отвратительном деле, как развод, не принимает на веру исков и не соглашается с любыми доказательствами, то почему же люди в самом отвратительном из всех дел, таком, как война, принимают на веру любую, самую ничтожную и незначительную причину? Пусть они лучше подумают и рассудят, что на самом деле весь этот мир — единая общая страна для всех людей. Если название страны примиряет тех людей, которые оттуда родом, если кровное родство делает их друзьями, если церковь является единой семьей, одинаково общей для всех людей, если один и тот же дом объединяет и порождает дружбу, то умные и рассудительные люди должны согласиться с этим и признать справедливость моих слов.

Разбирая причины ссоры, которая была между Ахиллом и Агамемноном, Гомер сваливал все на богиню Афину. Но те, кто призывает людей к согласию, не должны оправдываться ссылками на судьбу или на каких-то злых духов: причину раздора ищите в самих людях!

Почему они гораздо сообразительнее тогда, когда речь идет об их процветании? Почему они быстрее схватывают дурное, чем хорошее? Когда нужно сделать что-либо разумное, прежде чем его совершить,

всегда рассуждают, раздумывают и рассматривают дело со всех сторон. Но в войну бросаются, не размышляя, закрыв глаза и очертя голову, особенно тогда, когда война уже начата и не может быть предотвращена. Увы, из большой она быстро становится великой! Из одной возникают многие. Из бескровной она превращается в кровавую. А самое главное, когда разражается эта буря, она карает и поражает не одного или двух, а всех людей в равной мере.

Простой народ легкомысленно относится к подобным вещам, как будто решение вопроса о войне есть дело одного лишь государя и знати. По правде сказать, именно священники должны заниматься этим вопросом, выяснять желание или нежелание народа воевать. Если к ним будут повсюду прислушиваться, то они смогут дать ясный и определенный ответ на этот вопрос.

И неужели ты все еще хочешь войны? Сначала подумай, что такое мир и что такое война, сколько пользы приносит мир и сколько ущерба и зла приносит война, и тогда ты поймешь, разумно ли заменять мир войной. Если есть где-либо что-то вызывающее восхищение — королевство, в котором все и всюду процветает, с хорошо построенными городами, с тщательно возделанными и обработанными полями, с наилучшими законами, с самыми честными нравами, с самыми святыми обычаями, — подумай про себя: «Пойди я туда войной, вся эта благодать будет мною погублена». С другой стороны, если ты увидишь развалины городов, разбитые улицы, преданные огню храмы, опустошенные поля — все это жалкое зрелище таким, как оно есть, — подумай: «Все это — плоды войны!».

Если ты горишь желанием ввести в страну предательскую и жестокую армию наемников, кормить и ублажать ее, разоряя народ и нанося ему ущерб, если хочешь прислуживать им — да, да, льстить им — и даже доверять свою собственную жизнь их произволу, подумай обо всем этом. Это необходимые условия войны.

Ты презираешь воровство, а война этому учит. Ты ненавидишь отцеубийство, а этому научаются на войне. Тот, кто так легко убил многих, разве он остановится перед убийством одного, если он того пожелает? Если пренебрежение к законам является ныне пороком всего общества, то во время войны законам вообще приходится молчать. Если ты считаешь блуд, кровосмешительство или еще худшие вещи злом, то война поощряет все подобные дела. Если святотатство

и пренебрежение к религии являются источником всех зол, то буря войны ниспровергает и религию, и веру.

Если ты считаешь, что нынешнее общество порочно потому, что худшие люди в нем имеют большую власть, то знай: во время войны царят отъявленные преступники. И их дела, за которые в мирное время их бы распяли и повесили, во время войны считаются самыми главными и самыми почетными. Потому что кто проведет войско по потайным тропам лучше разбойника? Кто лучше сможет ограбить дома других людей и осквернить храмы, чем взломщик и святотатец? Кто отважнее изрубит врага или выпустит ему мечом кишки, чем фехтовальщик или братоубийца?

Кто искуснее предаст огню город или военные машины, чем поджигатель домов? Кто легче справится с опасностями волн и морей, чем пират, привыкший к морским грабежам? Чтобы яснее понять и разуместь, насколько отвратительна война, взгляни на тех, кто ее ведет.

Если для верующего государя нет ничего дороже безопасности и процветания его подданных, он должен прежде всего ненавидеть войну. Если счастье государя заключается в том, чтобы счастливо управлять государством, то он должен больше всего любить мир. Если мы хотим, чтобы хороший государь правил наилучшим образом, мы должны желать, чтобы он ненавидел войну, источник всех преступлений. Если он полагает, что все, чем владеют его горожане, принадлежит ему, он должен всеми силами избегать войны, которая, как это часто случается, поглощает все состояние людей; то, что приобретено и создано честным искусством и честным трудом, растрачивается на свирепых палачей.

Теперь следует самым тщательным образом взвесить следующее: желания и побуждения каждого человека дороги ему, и чаще всего бывает так, что самые дурные побуждения, увлекающие его к злу, кажутся ему наиболее правильными и справедливыми. Это-то часто и вводит людей в заблуждение. Но какой бы справедливой ни казалась причина войны, какие бы выгоды ни сулило ее успешное окончание, подсчитай про себя все убытки, которые причиняет война, и все ее выгоды, которые она должна была бы принести в случае победы, и подумай: а стоит ли вообще так стараться победить?

Победы во все времена почти не бывали бескровными. А теперь и подавно все люди запятнаны человеческой кровью. Кроме того, учти

еще падение нравов и общественного порядка, которого не могут возместить никакие выгоды. Ты истощаешь свою казну, ты развращаешь народ, ты угнетаешь честных, ты толкаешь на преступление бесчестных. Война не кончается до тех пор, пока не устранены все ее последствия. Искусства и ремесла приходят в упадок, обмен и торговля прекращаются. Для того чтобы окружить врага, приходится самим покидать многочисленные области и места. А до начала войны все местности и страны, граничащие с вами, были вашими Друзьями, потому что мир путем обмена товаров объединял всех.

Посмотри и рассуди, сколь великую ошибку ты совершил: владения, которые раньше были твоими, теперь едва ли тебе принадлежат. Сколько лагерных сооружений и военных орудий понадобилось тебе, чтобы осадить маленький город! А для того чтобы взять большой город, тебе придется соорудить и построить осадный город и башни. Ты мог бы построить настоящий город с меньшими затратами! Для того чтобы враг не прошел вперед, ты изгоняешь людей из своей страны и заставляешь их спать под открытым небом. Тебе дешевле станет построить новые стены, чем разрушать их и опрокидывать, сооружая для этого военные машины. Я уже не собираюсь считать и вспоминать, сколько денег пройдет сквозь руки поставщиков и военачальников, хотя и эта сумма немалая!

Когда бы ты меня вспомнил и правильно оценил все это, я бы охотно согласился, чтобы ты меня потом изгнал и отверг навсегда и повсеместно, если ты не убедишься, что мир обходится тебе самое меньшее в десять раз дешевле войны. Но если ты при счете пропустишь хотя бы часть своего ущерба, тебе останется презирать самого себя за малодушие. Да, тогда не будет более верного доказательства злонамеренности презренного духа, которая не останется неотомщенной. Ты думаешь, что если, имея дело с соседним государем и, может быть, твоим родственником или свойственником, который в прошлом благоволил к тебе, ты должен будешь уступить ему часть своих прав, так это уменьшит твоё величие? Но куда более ты унизишь своё величие, если теперь и впредь тебе придется подлаживаться, чтобы понравиться варварским отрядам наемников, гнуснейшим подонкам и самым предательским личностям, которых невозможно ни удовлетворить, ни насытить никаким золотом. Почему тот, кто мудр, посылал послов с просьбой о мире даже к карийцам, самому злобному и несдержанному народу? А ты,

неужели ты вверишь свою жизнь и блага и само существование своего народа тем, кто не уважает ни тебя, ни Бога?

Если тебе кажется, что сохранять мир можно только ценою больших жертв, почему бы тебе не подумать так: «Вот я утратил нечто, но зато я, хоть и дорого, купил мир». На это здравый смысл должен был бы ответить: «Я хотел бы прежде всего сохранить все, что принадлежит мне. Я государь, и, хочу я этого или нет, я управляю обществом». Государь не должен легкомысленно ввязываться в раздоры и начинать войну, которая не имеет ничего общего с общественным интересом. Но в действительности мы видим обратное: все причины войны прорастают и возникают из вещей, не имеющих к народу никакого отношения. Если ты обороняешь ту или иную часть своих поместий, что до этого народу? Ты хочешь отомстить тому, кто бросил твою дочь, но какое до этого дело всему обществу? Рассмотреть и взвесить все подобные вещи и здраво их обдумать — обязанность каждого истинно мудрого человека и благородного государя.

Кто во все времена правил более великодушно, или более благородно, или более славно, чем Август Октавиан? Но даже он желал отдать власть и отказаться от своей империи, если бы нашелся другой государь, более полезный для общего блага. Великие древние писатели с восхищением приводят следующее высказывание императора: «Пусть мои дети погибнут, если кто-либо другой сможет лучше их управлять и заботиться об общественном благе».

Такие добрые мысли об общем благе высказывали язычники. Что же касается христиан, то христианские государи так мало считаются с народом, что готовы подвергнуть страну самым жестоким разграблениям и разрушениям ради того, чтобы отомстить за чьи-нибудь преступные замыслы или алчность, либо ради того, чтобы удовлетворить свою алчность или осуществить свои преступные замыслы.

Ныне я слышу, как некоторые говорят по этому поводу обратное, опровергая самих себя. Они твердят, что чувствуют себя в безопасности лишь тогда, когда они могут решительно сломить силу того, кто замышляет зло. Но почему тогда среди всех бесчисленных римских императоров лишь добрый Антонин да философ Марк Аврелий не подверглись нашествию варваров? Да потому, что никто не правил вернее, чем они, которые готовы были отдать все тем, кем они управляли, и которые правили для всеобщего блага, а не для своей корысти.

Гомер, язычник, больше всего удивлялся тому, что наступает пресыщение приятными и сладостными вещами, такими, как сон, еда, питье, танцы и музыка, и только от несчастливой войны не бывает пресыщения. И это в особенности верно по отношению к тем, кому слово «война» должно быть противно. Рим, этот неистовый воитель в прошедшие времена, в определенные периоды видел свой храм Януса запертым. Но почему же у вас нет ни одного дня, когда бы не шла война? Какое бесстыдство нужно для того, чтобы взывать ко Христу, опоре миролюбия, и в то же время в вечных раздорах сражаться между собой? И подумайте теперь, какую смелость внушают ваши несогласия туркам! Легче всего завоевать и покорить тех, кто не знает согласия. Если вы хотите быть страшными для турок, будьте согласны и едины.

Почему вы добровольно лишаете себя удовольствий и веселости этой жизни и отказываетесь от будущей благодати? Жизнь человека сама по себе подвержена множеству превратностей. Согласие может устранить большую часть тревог и страданий. При взаимной помощи люди поддерживают друг друга и удовлетворяют свои нужды. Если происходит что-либо хорошее, оно должно делать согласие еще более приятным и всеобщим. Друг должен принимать на себя часть огорчений друга, доброжелатель должен радоваться своим добрым делам.

Подумайте сами! Достаточно — увы, более чем достаточно! — пролито уже христианской крови или, если вам и этого мало, человеческой крови. Мы достаточно яростно сражались ради взаимного уничтожения. Этим самым мы до сих пор принесли уже довольно жертв дьяволу и всем фуриям, мы слишком долго были посмешищем для турок. Теперь сказке конец.

Надо же когда-нибудь образумиться после того, как перенесено столько тягот и бед войны. Все, что до сих пор делалось неправильного, неразумного, припишем судьбе. Пусть забвение и прощение зла, которое прежде было угодно язычникам, станет угодно христианам, и пусть они после этого с общего согласия направят все свои усилия на заботу о мире. Итак, употребите свой разум и опыт для того, чтобы связывали вас не веревочные узы, а узы твердые, как алмаз, которые разорвать невозможно.

Поймите, какая огромная сила таится в согласии множества, противостоящего тирании знати! Большая часть народа ненавидит войну

и молит о мире. Лишь немногие, чье подлое благополучие зависит от народного горя, желают войны. А справедливо или нет, чтобы их бесчестность имела большее значение и силу, чем воля всех добрых людей, судите сами.

Вы видите, что до сих пор ничто не улучшилось, не подвинулось вперед благодаря сговорам, хитростям, жестокости или мести. Докажите теперь, что могут сделать снисходительность и доброжелательность! Война порождает войну, и месть влечет за собой месть. Теперь милосердие должно породить милосердие, добрые дела вызывать на добрые дела, и самым царственным будет тот, кто раздарит большую часть своих королевских прав.

Я сказал!

Эразм Роттердамский. Жалоба мира // Трактаты о вечном мире. М., 1975. С. 39–65.

Иммануил Кант

«К ВЕЧНОМУ МИРУ»

Раздел первый

(1795 г.)

1. «Ни один мирный договор не должен считаться таковым, если при его заключении тайно сохраняется основание для будущей войны».

В самом деле, иначе это было бы только перемирие, временное прекращение военных действий, а не мир, который означает конец всякой вражды и прибавлять к которому прилагательное «вечный» есть уже подозрительный плеоназм. Мирный договор уничтожает все имеющиеся причины будущей войны, которые, быть может, в данный момент даже неизвестны самим договаривающимся сторонам или впоследствии могут быть отысканы в архивных документах. Если называть вещи своими именами, то сохранение на будущее старых претензий, о которых в данный момент ни одна из сторон не упоминает, так как обе слишком истощены, чтобы продолжать войну, хотя и исполнены преступного намерения использовать для этой цели первый удобный случай, есть иезуитская казуистика, недостойная правителя, так же как и готовность к обоснованию подобных действий недостойна его министра.

Разумеется, тем, кто в соответствии с просвещенными понятиями политики видит истинное достоинство государства в постоянном увеличении его могущества любыми средствами, наше мнение покажется ученическим и педантичным.

2. «Ни одно самостоятельное государство (большое или малое — это безразлично) не должно быть приобретено другим государством ни по наследству, ни в обмен, ни куплей, ни в виде дара».

Дело в том, что государство (в отличие, скажем, от земли, на которой оно находится) не есть имущество. Государство — это сообщество людей, повелевать и распоряжаться которыми не должен никто, кроме него самого. Поэтому всякая попытка привить, как ветвь, государство, имеющее подобно стволу собственные корни, к дру-

тому государству означала бы уничтожение его как морального лица и превращение морального лица в вещь и противоречила бы идее первоначального договора, без которой нельзя мыслить никакое право на управление народом. Общеизвестно, какую опасность создает в наше время для Европы (другие части света никогда не знали ничего подобного) такой способ приобретения, когда даже государства вступают в брак; он известен каждому, с одной стороны, как вновь изобретенный ловкий способ без затраты сил увеличить свое могущество благодаря семейным союзам, с другой стороны, как средство расширить свои владения. Сюда же следует отнести и передачу войск одного государства другому в качестве наемников, используемых против не общего врага; в этом случае подданные используются и потребляются как вещи, которыми можно распоряжаться по своему усмотрению.

3. «Постоянные армии должны со временем полностью исчезнуть».

В самом деле, будучи постоянно готовы к войне, они непрестанно угрожают ею другим государствам. Они побуждают их превзойти друг друга в количестве вооруженных сил, которое не знает никакого предела, и поскольку связанные с миром расходы становятся в конце концов более обременительны, чем короткая война, то сами постоянные армии становятся причиной военного нападения с целью избавиться от этого бремени. К тому же нанимать людей, для того чтобы они убивали или были убиты, означает пользоваться ими как простыми машинами или орудиями в руках другого (государства), а это несовместимо с правами человечества в нашем собственном лице. Совершенно иное дело — добровольное, периодически проводимое обучение граждан обращению с оружием с целью обезопасить себя и свое отечество от нападения извне. Накопление богатств могло бы привести к тем же результатам.

Наследственная монархия не есть государство, которое может быть передано по наследству другому государству; лишь его право управлять может перейти по наследству к другому физическому лицу. В таком случае государство приобретает правителя, а не правитель, как таковой (т.е. как владеющий уже другой державой), приобретает [данное] государство.

4. «Государственные долги не должны использоваться для внешне-политических дел».

Поиски средств внутри страны или вне ее не внушают подозрений, если это делается для хозяйственных нужд страны (улучшения дорог, устройства, новых поселений, создания запасов на случай неурожайных лет и т.д.). Но как орудие борьбы держав между собой кредитная система, при которой долги могут непомерно увеличиваться, оставаясь в то же время гарантированными (поскольку кредиторы не предъявляют свои требования одновременно), — остроумное изобретение одного торгового народа в этом столетии — являет собой опасную денежную силу, а именно фонд для ведения войны. Превосходя фонды всех других государств, вместе взятых, этот фонд может быть истощен лишь из-за прекращения поступления налогов (что, однако, можно надолго отсрочить оживлением оборота, воздействуя на промышленность и ремесло). Таким образом, эта легкость ведения войны, связанная со склонностью к ней власть имущих, которая кажется присущей человеческой природе, представляет собой большое препятствие на пути к вечному миру. Предварительные статьи [мирного договора] тем более должны предусмотреть устранение этого препятствия, что неизбежное в конце концов государственное банкротство незаслуженно нанесло бы ущерб другим государствам. Стало быть, другие государства имеют по меньшей мере право объединяться против такого государства и его притязаний.

5. «Ни одно государство не должно насильственно вмешиваться в политическое устройство и правление других государств».

В самом деле, что может дать ему право на это. Быть может, дурной пример, который одно государство показывает подданным другого государства? Напротив, этот пример может служить предостережением, показывая, какое огромное зло навлек на себя народ своим беззаконием. Да и вообще дурной пример, который одно свободное лицо дает другому, не может считаться нанесением ущерба последнему. — Сюда, правда, нельзя отнести тот случай, когда государство вследствие внутренних неурядиц распалось на две части, каждая из которых представляет собой отдельное государство, претендующее на полную самостоятельность; если одному из них будет оказана помощь посторонним государством, то это нельзя рассматривать как вмешательство в политическое устройство другого (иначе возникла бы анархия). Но до тех пор пока этот внутренний спор не решен, вмешательство посторонних держав означает нарушение прав независи-

мого народа, борющегося лишь со своей внутренней болезнью. Такое вмешательство, следовательно, было бы дурным примером для других и угрожало бы автономии всех государств.

6. «Ни одно государство во время войны с другим не должно прибегать к таким враждебным действиям, которые сделали бы невозможным взаимное доверие в будущем состоянии мира, как, например, засылка убийц из-за угла, отравителей, нарушение условий капитуляции, подстрекательство к измене в государстве неприятеля и т.д.»

Это бесчестные военные хитрости. Ведь и во время войны должно оставаться хоть какое-нибудь доверие к образу мыслей врага, потому что иначе нельзя заключить мир и враждебные действия превратятся в истребительную войну. Война есть печальное, вынужденное средство в естественном состоянии (когда нет никакой судебной инстанции, приговор которой имел бы силу закона) утвердить свои права силой, когда ни одна из сторон не может быть объявлена неправой (так как это уже предполагает судебное решение) и лишь исход войны (подобно тому, как это имеет место в так называемом суде Божьем) решает, на чьей стороне право. Карательная война между государствами немыслима (поскольку между ними нет отношения высшего к низшему). — Отсюда следует, что истребительная война, в которой могут быть уничтожены обе стороны, а вместе с ними и всякое право, привела бы к вечному миру лишь на гигантском кладбище человечества. Следовательно, подобная война, а стало быть, и применение средств, ведущих к ней, должны быть безусловно запрещены. — А то, что указанные средства неизбежно приводят к ней, явствует из того, что эти сами по себе гнусные дьявольские приемы, будучи введены в употребление, недолго удерживаются в пределах войны, как, например, шпионаж, когда одни пользуются бесчестностью других (которую сразу невозможно искоренить), а переходят и в мирное состояние, совершенно уничтожая тем самым его цель.

Хотя приведенные законы объективно, т.е. по замыслу правителей, все без исключения запрещающие законы, однако некоторые из них относятся к разряду строгих, имеющих силу при любых обстоятельствах и нуждающихся в немедленном осуществлении (статьи 1, 5, 6); другие же (статьи 2, 3, 4), субъективно расширяющие, правда, не как исключения из правовой нормы, но силой обстоятельств в отношении ее соблюдения, содержат в себе разрешение отсрочить исполнение;

причем не нужно терять из виду цель, не допускающую отсрочки до бесконечности (*ad calendas graecas*, как говорил обычно Август), например восстановления свободы государств, лишившихся ее по статье 2; исполнение этих законов не равносильно восстановлению, а должно осуществить его более медленно только для того, чтобы восстановление не было слишком поспешным и, таким образом, не шло бы во вред самой цели. Ведь запрещение касается здесь лишь способа приобретения, который впредь не должен иметь силы, а не владения, которое хотя и не имеет требуемого правового основания, однако в свое время (честного приобретения) всеми государствами считалось правомерным, согласно тогдашнему общественному мнению.

Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1966. С. 259–264.

Генри Дэвид Торо

«О ГРАЖДАНСКОМ НЕПОВИНОВЕНИИ»

(1849 г.)

Мне по душе девиз: «То правительство хорошо, которое правит меньше всего» — хотелось бы, чтобы этому следовали если не постоянно, то как можно чаще. Но, хорошо подумав, можно сказать: «То правительство лучше всего, которое вовсе не правит», — лично я в этом уверен. И когда люди осознают это, именно такое правительство у них и будет. В лучшем случае правительство всего лишь практически целесообразно, но, к сожалению, большинство правительств, если не все, — нецелесообразны. Многочисленные протесты против содержания постоянной армии заслуживают поддержки, но они должны быть выдвинуты также и против постоянной армии чиновников правительства. Постоянная армия — это руки постоянного правительства. Само правительство, которое есть лишь способ, выбранный людьми для исполнения своей воли, в равной степени склонно как обманывать, так и быть обманутым людьми, действующими с его благословения. Нынешняя мексиканская война — это пример действий сравнительно немногих людей, использующих постоянное правительство как свое орудие, потому что народ с самого начала не согласился бы на эту меру.

Что такое американское правительство, как не традиция, хотя и возникшая совсем недавно, но уже закостеневшая, каждое мгновение теряющая часть своей целостности и в таком виде стремящаяся передать себя будущим поколениям? Если один человек может подчинить его своей воле, значит, у правительства нет жизненности и силы. Для народа это что-то вроде деревянного ружья. Хотя от этого правительство не становится для него менее необходимым, потому что людям хочется реализовать свою идею правительства. Именно это дает правительству возможность успешно надувать людей, и даже самих себя к своей же собственной выгоде. Не правда ли, замечательно. К тому же правительство, как правило, никогда само ничего не делает, а лишь с готовностью уклоняется от работы. Не оно хранит свободу страны. Не

оно заселяет Запад. Не оно дает образование. В характере американского народа — доводить любое дело до завершения, и он бы делал больше, если бы правительство не становилось у него на пути. Правительству выгодно, когда люди разобщены, а еще лучше оно себя чувствует, когда об управляемых можно вовсе не думать. Предпринимательство и торговля, если бы они не были подобны резиновому мячу, никогда не смогли бы перепрыгнуть через препятствия, непрерывно воздвигаемые законниками на их пути; и если бы этих людей судили по результатам их действий, а не только по намерениям, то пришлось бы рассматривать их и наказывать как злоумышленников, устраивающих аварии на железных дорогах.

Рассматривая все с позиции здравого смысла, я, как гражданин, не являюсь противником вообще правительства, но призываю уже сейчас подумать о лучшем правительстве. Если каждый человек начнет размышлять о том, какое правительство будет вызывать у него уважение, — это уже явится шагом к его появлению.

Практика показывает, что причиной прихода к власти народа, когда большинству позволено, и довольно долго, управлять, является не правота большинства и не мнение меньшинства, что это справедливо, а лишь то, что большинство физически сильнее. Поэтому, в любом случае, правительство, которым управляет большинство, основано не на справедливости, как бы ни понимали ее люди. Разве не может существовать правительство, в котором большинство решает, что верно, а что нет, не в соответствии с делом, а в соответствии с совестью; правительство, в котором большинство решает только те вопросы, к которым применимо правило разумной целесообразности? Может ли гражданин хоть на секунду передоверить свою совесть законодателю? Зачем тогда каждому человеку совесть? Я думаю, что мы прежде всего должны быть людьми и только потом — подданными. Нежелательно воспитывать такое же уважение к закону, как к справедливости. Единственная обязанность, которую я могу принять на себя, — это в любое время делать то, что я считаю справедливым. Довольно точно сказано, что у общества нет совести, но общество совестливых людей — это общество с совестью. Закон не делает людей ни на йоту более справедливыми, а поскольку они чтут его, то даже доброжелательные ежедневно становятся вершителями несправедливости. Результатом всеобщего заблуждения из-за чрезмерного

почитания закона является то, что вы можете видеть колонны солдат, рядовых и полковников, капитанов, капралов и всех прочих, марширующих стройными рядами через горы и доли на войну против своей воли и, увы, против здравого смысла и совести, что делает их марш, в самом деле, невероятным и вызывает сердечную боль. Внутри себя каждый из них не сомневается, что дело, которым их принуждают заниматься, — отвратительно, ибо миролюбие — естественное свойство человека. Так кто же они теперь? Люди или маленькие подвижные крепости и склады на службе какого-то бесчестного человека у власти? Посетите военный порт и взгляните на морского пехотинца, — вот человек, какого может создать американское правительство или черный маг, — просто тень и воспоминание о человеке, — еще живой, еще на ногах, но уже, можно сказать, погребенный под похоронный марш и прощальный залп, хотя бывает и иначе...

Над той могилой в барабан не били,
И залп прощальный не звучал,
Его мы тут же спешно и зарыли
На поле боя, где он пал.

Массы людей служат таким образом правительству не как люди, а как машины, — своими телами. Они составляют постоянную армию, милицию, тюремщиков, констеблей и свидетелей шерифа. У большинства из них нет нравственного чувства, они не способны к свободному суждению и этим ставят себя на уровень бессловесного дерева или камня. Если бы можно было сделать деревянных людей, они бы также хорошо служили этим целям. Эта команда заслуживает уважения не больше, чем соломенное чучело или чурбан. Они такое же имущество, как лошади и собаки. Однако они обычно считают себя добрыми гражданами. Другие — в большинстве своем законодатели, политики, юристы, священники и чиновники — служат государству, главным образом, головой, и поскольку они редко делают какие-либо моральные разграничения, кажется, что они служат скорее дьяволу, чем Богу, не затрудняясь даже скрывать это. Лишь немногие люди — герои, патриоты, мученики, подлинные реформаторы — служат государству на совесть, и поэтому, зачастую в силу необходимости, сопротивляются его искажениям, и за это их обычно считают врагами государства. Мудрец может быть полезен только как человек и не потерпит,

чтобы его превратили в затычку для дыры, «чтобы не дуло», в крайнем случае он отойдет в сторону:

...так высок мой род,
Что не могу я быть ничьим слугой,
Приказы получать, как подчиненный,
Как подданный, и быть слепым орудием
Какой-нибудь державы.

Тот, кто отдает всего себя на служение своим собратям, кажется им бесполезным и эгоистичным, а тот, кто отдает лишь часть себя, — провозглашается благодетелем и филантропом.

Как должен человек в наше время относиться к такому американскому правительству? Я отвечаю: он не может связаться с ним, не запятив себя позором. У меня в голове не уместается, что такая политическая организация, как мое правительство, является также правительством рабов.

Все признают право на революцию, т.е. право отказать в лояльности и оказать сопротивление правительству, когда его тирания или неспособность к управлению велики и невыносимы, но почти все говорят, что сейчас не такой случай. Они думают, что такой случай был в Революцию 1775 года. Если мне скажут, что то правительство было плохое, потому что оно облагало налогами некоторые заграничные товары, привозимые в порты, то я, скорее всего, не стал бы поднимать шума: ведь можно обойтись без этих товаров. У всех механизмов есть трение, и возможно, сама машина приносит достаточно пользы, чтобы уравновесить это зло. В любом случае неправильно акцентировать на нем всеобщее внимание. Но когда трение само становится машиной, производящей угнетение и грабеж, не хватит ли нам терпеть такую машину, спрашиваю я. Другими словами, когда шестая часть нации, провозгласившей себя прибежищем свободы, остается рабами, а целая страна завоевывается и разграбляется армией захватчиков и управляется по военным законам, то я думаю, что сейчас самое время для честного человека оказать сопротивление и неповиновение. А что делает это необходимым и настоятельным, так это то, что разграбленная страна не наша собственная, и мы являемся армией захватчиков.

Пейли, признанный авторитет в моральных вопросах, в своей книге, в главе «Обязанность подчинения гражданскому правитель-

ству», сводит все гражданские обязанности к рассудочной целесообразности и говорит следующее: «Пока интересы всего общества требуют этого, т.е. пока назначенному правительству нельзя оказать сопротивление или сменить его, не вызывая общественного беспокойства, в воле Божьей повиноваться такому правительству, но не дольше... Применяя этот принцип, следует свести справедливость каждого частного случая сопротивления к расчету количества опасности ущерба с другой». Об этом, считает он, каждый человек будет судить самостоятельно. Но Пейли, кажется, никогда не размышлял о случаях, к которым неприменимо правило рассудочной целесообразности, когда и народ, и отдельный человек должны вершить справедливость во что бы то ни стало. Если я несправедливо вырвал опору у тонущего, то я должен вернуть ее ему, хотя бы сам и утонул. Согласно Пейли, это не совсем так, не стоит так горячиться. Но тот, кто хочет подобным образом душу свою сберечь, потеряет ее. Наш народ должен положить конец рабовладению и войне с Мексикой, хотя бы это стоило ему существования как народу.

В своей обыденности народы согласны с Пейли, но мог ли кто предположить, что Массачусетс сделает именно то, что нужно при нынешнем кризисе?

Несете яркий шлейф на шлюхе-государстве,
Когда душа его волочится в грязи.

В сущности, противниками реформы в Массачусетсе является не сотня тысяч политиков на Юге, а сотни тысяч лавочников и фермеров на Севере, которых больше волнуют вопросы торговли и хозяйства, чем проблемы гуманности, — они не готовы совершить справедливость по отношению к рабам и Мексике во что бы то ни стало. Так что я выступаю не против далеких врагов, а против тех, кто здесь, дома, своей пассивностью пособляет им, без чего те, далекие, не имели бы той силы. Рассуждения о том, что реформы медленны, потому что массы не готовы, не делают меньшинство умнее и лучше, чем большинство. И не стоит плевать на все вокруг только потому, что где-то есть абсолютное добро, на фоне которого люди выглядят непривлекательно. Как много тех, которые только на словах являются противниками рабства и войны, но ничего не делают, чтобы положить этому конец; тех, которые, считая себя последователями Вашингтона и

Франклина, сидят сложа руки, говоря, что они не знают, что делать, и не делают ничего; тех, которые поднимают вопрос о свободе только в связи со свободой торговли и спокойно читают послеобеденную газету с сообщениями о последних ценах и новостями из Мексики, и после этого спокойно засыпают. Что значат последние цены для честного человека и патриота? Эти многие сожалеют, раскаиваются и иногда негодуют, но ничего не делают всерьез и надолго. Они выжидают, предпочитая, чтобы другие устранили зло и избавили их от мук совести. Самое большое, на что они способны, это отдать свой дешевый голос, хилую моральную поддержку и пожелание успеха правому делу. 999 покровителей добродетели приходится на одного добродетельного человека. Но легче иметь дело с одним настоящим владельцем вещи, чем с ее временным хранителем.

Все голосования — это род игры, вроде трик-трака, с легким моральным оттенком, игры в правильное и неправильное с вопросами морали, и заключение пари, естественно, сопровождают ее. Причина этого в том, что у избирателей нет кровной заинтересованности. Я отдаю свой голос случайно, за то, что считаю правильным, но я не заинтересован жизненно в том, чтобы эта сторона победила. Я полагаюсь на волю большинства. Поэтому обязательность голосования никогда не выходит за пределы рассудочности. Проголосовать за справедливость — еще не значит что-то сделать для нее. Это лишь слабое проявление перед людьми вашего желания победы справедливости. Мудрец не оставит справедливость на произвол случая и не пожелает ей победы силой большинства: в действиях большинства слишком мало добродетели. Когда большинство в конце концов проголосует за отмену рабства, то это случится или потому, что они безразличны к рабству, или потому, что от рабства уже почти ничего не останется, и поэтому станет возможным отменить его голосованием. Они будут тогда единственными рабами. Лишь голос того может ускорить отмену рабства, кто отстаивает таким образом собственную свободу.

Я слышал о конференции, которая пройдет в Балтиморе или еще где-то, для выбора кандидата в президенты, и что на ней будут присутствовать главным образом редакторы и профессиональные политики, и я подумал: какое значение будет иметь решение, к которому они придут, для любого независимого, разумного и почтенного человека, каковыми большинство себя считает? Почему же, несмотря ни

на что, подобный человек не воспользуется преимуществами ума и чести? Неужели мы не в состоянии подсчитать независимые голоса? Разве мало людей в стране, которые не посещают конференций? Но вот я вижу, что так называемый почтенный человек уже сменил под их влиянием свою позицию и потерял веру в свою страну, хотя у страны гораздо больше оснований потерять веру в него. Он уже принял одного из кандидатов, избранного таким образом, как единственно перспективного, доказывая тем самым, что он сам перспективен, как цель для любой демагогии. Его голос не намного лучше, чем голос любого беспринципного иностранца или продажного обывателя. О, где же человек, что был бы Человеком и которого, как говорит мой сосед, не скрутить, не подкупить! Наша статистика заблуждается, сообщая, что население очень велико. Сколько Человек приходится на тысячу квадратных миль в этой стране? Едва ли один. Почему бы Америке не придумать какой-нибудь стимул, чтобы в ней рождались Люди? Американец выродился в чудака, известного развитым органом стадности, недостатком интеллекта и неунывающей самоуверенностью, чья первая и главная мысль по пришествии в мир — убедиться, что богадельни в полном порядке, и, еще не облачившись законно в мужской костюм, собирать фонд для поддержки вдов и сирот; в нечто такое, что рискует жить только с помощью страховой компании, которая обещает похоронить его благопристойно.

Разумеется, в обязанности человека не входит искоренение любого, даже самого вопиющего, зла, — здесь каждый волен руководствоваться своими взглядами на этот счет, но необходимо, по крайней мере, умыть руки, чтобы если уж отстраняться от борьбы, то хотя бы никак не поддерживать зло. Если я решил, что борьба со злом — это не мое дело, а мое дело — совсем в другом, то по меньшей мере необходимо понять, что не следует делать это другое дело, сидя у кого-нибудь на шее. Сначала я должен отпустить его, чтобы и он мог заняться своим делом. Посмотрите, какое огромное противоречие получается! Я слышал, как один из моих земляков сказал: «Приказали бы они мне участвовать в подавлении восстания рабов или маршировать в Мексику, — только б они меня и видели». Но между тем эти же самые люди либо непосредственно своей лояльностью, либо опосредованно, по крайней мере своими деньгами, обеспечивают себе замену. Солдату, который отказывается участвовать в несправедли-

вой войне, аплодируют те, кто не отказывается поддерживать несправедливое правительство, ведущее эту войну; те, чьи действия и власть он, на словах, не признает; это все равно, как если бы государство, раскаиваясь, наняло кого-нибудь, чтобы бичевать его за свои грехи, но умеренно, ибо оно не может перестать грешить хоть на мгновение. Приходится констатировать, что, прикрываясь именем Порядка и Гражданского Правительства, все мы в конце концов воздаем уважение и поддержку собственной низости. После первой краски стыда за грех приходит безразличие, и из аморального это становится, как уже бывало, внеморальным и, следовательно, не слишком необходимым для той жизни, какую мы ведем.

Одно из самых больших заблуждений — это рассчитывать на бескорыстие и добродетельность. Благородного человека чаще всего могут упрекнуть в недостатке патриотизма. Тот же, кто хоть и осуждает меры правительства, но тем не менее лоялен и поддерживает его, несомненно, делает это сознательно, — именно эти люди чаще всего являются наиболее серьезным препятствием для реформ. Некоторые требуют, чтобы штаты распустили союз и игнорировали полномочия президента. Так почему бы им не распустить самих себя — союз между собой и штатом — и отказаться платить свою долю в его казну? Разве они не в том же положении по отношению к штату, как штат — к союзу? И разве не одни и те же причины вызывают сопротивление штата по отношению к союзу и между людьми и штатом?

Разве может человек найти удовлетворение и радость в затаенной мысли? Разве может быть радость от мысли, вызванной обидой? Если сосед надул вас на один доллар, то ведь вы не удовлетворитесь только осознанием этого, или высказыванием этого вслух, или обращением к нему с требованием вернуть причитающееся; вы примете решительные меры, чтобы получить все сполна и позаботитесь, чтобы вас не надули снова. Действия в соответствии с основами, понимание и следование справедливости, — именно это изменяет сущность и обстоятельства, — они истинно революционны, а не слеплены из обломков прошлого. Это разделяет не только государства, церкви и семьи, увы, это разделяет и человека, отделяя в нем дьявольское от божественного.

Существуют несправедливые законы. Должны ли мы их просто соблюдать или нужно пытаться изменить их, соблюдая существую-

щие, пока не добьемся своего, а может, лучше сразу отменить их? Обычно люди при таком правительстве, как нынешнее, считают, что они должны ждать, пока не завоюют большинства, чтобы сменить правительство. Они думают, что если станут сопротивляться существующему, то средство может оказаться хуже самого зла. Это очень устраивает правительство. Но именно само это суждение и есть худшее зло. Почему правительство не может предвидеть и провести реформы? Почему оно не заботится о мудром меньшинстве? Почему оно вопит и возмущается еще до того, как его оскорбили? Почему оно не заботится о том, чтобы граждане имели возможность указать на его ошибки, для их исправления? Почему всегда распинают Христа, отлучают Коперника и Лютера, а Вашингтона и Франклина объявляют бунтовщиками?

Можно подумать, что сознательное несогласие с политикой правительства не является правонарушением, но тогда почему за это предусмотрено вполне определенное и соответствующее наказание? Если человек, у которого нет собственности, хотя бы раз откажется заработать 9 шиллингов для штата — его посадят в тюрьму на не определенное никаким, насколько я знаю, законом время, по усмотрению того, кто посадит его туда, но если он украдет у штата 90 раз по 9 шиллингов — его достаточно быстро выпустят на свободу.

Если несправедливость — это часть необходимого трения правительственной машины, то и пусть его; понятно, что машина будет снашиваться. Если же несправедливость становится всем механизмом, действующим только для себя, то вы, вероятно, можете подумать: не будет ли лекарство хуже болезни, а если этот механизм к тому же требует, чтобы вы совершали несправедливость по отношению к другим, то я посоветую разбить его. Пусть ваша жизнь станет тем, что остановит подобную машину. Во всяком случае, я должен следить за тем, чтобы не служить тому злу, которое я осуждаю.

Что же касается методов, которыми государство обеспечивает устранение зла, то я таких не знаю. Все это отнимает слишком много времени, а человеческая жизнь коротка. У меня же много других дел. Я пришел в этот мир не для того, чтобы превратить его в место, сносное для жизни, но для того, чтобы жить в нем, хорош он или плох. Нельзя объять необъятное, но то, что человек не в состоянии сделать все, вовсе не означает, что что-то можно делать плохо. У

меня нет желания обращаться с прошениями к губернатору или в законодательный орган штата, ведь они же не обращаются подобным образом ко мне, но если они не прислушиваются к моим аргументам, то что я тогда должен делать? Для этого случая государство не предоставляет линии действия: сама его конституция есть зло. Это может показаться резким, упрямым и непримиримым, но нужно с крайней доброжелательностью и вниманием рассмотреть сам дух этого и оценить его по достоинству. Все изменяется к лучшему именно подобным образом, — рождение и смерть одинаково сотрясают тело.

Я не сомневаюсь, что все, кто называет себя аболиционистами, должны сразу, решительно отвергнуть поддержку правительства Массачусетса, как моральную, так и материальную, и не ждать, пока получат большинство, позволяя закону господствовать над ними. Я убежден, что Бог на их стороне, а что еще надо. Можно утверждать, что эти люди более правы, чем их соседи, составляющие большинство.

Непосредственно, лицом к лицу, я встречаюсь с американским правительством или правительством штата не более раза в год в лице их представителя — сборщика налогов; это единственный случай, когда всем нам приходится, по необходимости, встречаться с ним. Правительство четко заявляет: «Признавай меня». Так вот, простейший и наиболее эффективный в данных обстоятельствах, необходимейший способ обращения с ним — это, выказав минимум радости и признательности, отказать ему в этом. Хочу рассказать вам о моем соседе: он, по воле случая, является как раз тем самым сборщиком налогов и был выбран исполнителем воли правительства произвольно, но мне-то приходится дискутировать не с бумагой, а с ним. Как могу я узнать, кто он и в какой мере он действует как должностное лицо и в какой — как человек; мне нужно подумать: относится ли он ко мне, своему соседу, которого он уважает, как к ближнему, благоразумному человеку или как к маньяку и нарушителю спокойствия, и посмотреть, сможет ли он преодолеть добрососедские чувства из грубого и опрометчивого намерения выступать в соответствии со своим положением. Я убежден, что если бы тысяча или сотня, даже десяток уважаемых людей, которых я мог бы назвать поименно, — всего лишь десяток, — да, если бы хоть один уважаемый человек в штате Массачусетс отказался бы иметь рабов и был бы по этой причине изгнан из общества и посажен в тюрьму графства, то это и было бы отменой рабства в Америке. В таких делах,

каким бы незначительным не показалось начало, действует закон: что сделано однажды, то сделано навсегда. Но мы предпочитаем рассуждать об этом, сетуя, что такова наша судьба. Реформе служит множество газет, но ни одного человека. Если бы мой почтенный сосед, член палаты представителей штата, посвящающий свои дни обсуждению в палате вопроса о правах человека и подвергающийся опасности попасть за решетку в штате Каролина, сидел бы в тюрьме в Массачусетсе, том штате, что так яростно приписывал грех рабства своей соседке, — хотя ныне предметом спора с ней может стать лишь закон о неукрытии беглых рабов, — то тогда законодательное собрание штата не смогло бы этой зимой отложить обсуждение вопроса на неопределенное время.

При правительстве, которое судит только несправедливо, настоящее место для такого человека именно в тюрьме. Сегодня единственное подходящее место, какое Массачусетс может обеспечить своим свободным и наименее подавленными душами, — это его тюрьмы, куда они могут быть брошены по закону штата и куда они сели бы в соответствии со своими принципами. Именно здесь должны были бы найти их и беглый раб, и мексиканский военнопленный, и индеец, выступающий против угнетения своего народа, в том изолированном, но более свободном и почтенном месте, куда государство помещает тех, кто не с ним, а против него, — единственном доме в рабовладельческом государстве, где свободный человек может пребывать с честью. Кто-то может решить, что так они утратят влияние и их голоса больше не достигнут ушей правительства, что их, запертых в этих стенах, уже не будут учитывать как врагов, но они заблуждаются и не понимают, что куда более убедительно и решительно сражается с несправедливостью тот, кто хотя бы немного испытал ее на себе. Отдайте не просто листок бумаги, не просто голос, но устремите все ваши усилия. Меньшинство бессильно, пока оно соглашается с большинством, — тогда оно даже не меньшинство, но оно непобедимо, когда препятствует чему-либо всеми своими устремлениями. Если государство будет поставлено перед выбором: либо посадить в тюрьму всех таких людей, либо положить конец войне и рабству, — то оно не станет колебаться. Если бы тысяча человек не заплатили налоги в этом году, это не было бы такой жестокой и кровавой мерой, нежели, заплатив их, дать возможность правительству совершать насилие и проливать невинную кровь. По сути дела, это решающий фактор в мировой рево-

люции, если такая возможна. Если сборщик налогов или любой другой государственный служащий спросит меня, как было однажды: «Но, что же мне делать?» — я отвечу: «Если вы действительно хотите что-нибудь сделать, откажитесь от своей службы». Когда подданный отказался от лояльности, а офицер отверг службу — революция свершилась. Но предположим, что даже прольется кровь. Разве это та кровь, что течет, когда ранена совесть? Из этой раны вытекает подлинная человечность и бессмертие, а агония длится бесконечно. Я вижу, как течет сейчас такая кровь.

Я пришел к выводу, что заключение в тюрьму подобного нарушителя закона предпочтительнее, чем конфискация его имущества, хотя и то и другое служит одной цели, потому что те, кто отстаивает высшее право и, следовательно, наиболее опасны для продажного государства, обычно не тратят много времени на накопление собственности. Таким людям государство дает сравнительно небольшие должности, а необременительный налог не представляется чрезмерным, особенно если они должны отработать его своими руками на особых работах. А если бы нашелся тот, кто жил бы вовсе не пользуясь деньгами, то государство само постеснялось бы требовать их у него. Но богатый человек — не делая никаких оскорбительных сравнений — всегда запродан тому строю, который делает его богатым. Говоря проще, — чем больше денег, тем меньше добродетели, ибо деньги становятся между человеком и его предназначением и обеспечивают его, а получать — это, конечно, не великая добродетель. Они устраняют многие проблемы, которые в ином случае ему бы пришлось решать, но с ними возникает главная проблема, которая ставит вопрос, трудный, но не излишний: на что их потратить? Поэтому его моральная опора уходит из-под ног. Возможность жизни уменьшается в той пропорции, в какой увеличиваются так называемые средства. Лучшее, что может сделать человек для своей эпохи, когда он богат, — это постараться осуществить те замыслы, которые он лелеял, будучи бедным. Как Христос ответил иродианам о такой ситуации? «Покажите мне монету, которою платится подать», — сказал он, и один из них достал пенни из своего кармана. Если вы пользуетесь деньгами с избранием кесаря, которые он выпускает и устанавливает ценными, т.е. если вы люди государства и счастливо наслаждаетесь преимуществами правления кесаря, то платите ему часть его собственности,

когда он потребует. «Отдайте кесарево кесарю, а Божие Богу», — и остались они не мудрее, чем прежде, ибо они не хотели знать.

Когда я разговариваю с самым свободомыслящим из своих соседей, я убеждаюсь, что, чтобы они ни говорили о важности и серьезности вопроса и своем отношении к общественному спокойствию, суть дела в том, что они не могут обойтись без защиты существующего правительства и боятся последствий своего неповиновения ему из-за своих семей и имущества. Что касается меня, то я не думаю, что когда-либо буду нуждаться в защите государства. Но если я отрицаю право государства предъявлять мне налоговую декларацию, то оно быстро отберет и продаст всю мою собственность и будет при этом без конца выматывать меня и моих детей. Это трудно. Невозможно человеку жить честно и в то же время благополучно, пользуясь уважением окружающих. Тогда стоит ли накапливать имущество, если уверен, что снова потеряешь его? Нужно или наняться, или поселиться где-нибудь, чтобы можно было вырастить хотя бы маленький урожай и быстро употребить его. Необходимо жить самостоятельно и зависеть только от себя, не иметь много дел и всегда быть готовым сняться с места. Человек может стать богатым даже в Турции, если он будет во всех отношениях добрым подданным турецкого правительства. Конфуций сказал: «Когда государство управляется согласно с разумом, постыдны бедность и нужда; когда государство не управляется согласно с разумом, то постыдны богатство и почести». Когда я хочу, чтобы защита властей Массачусетса простиралась на меня в каком-либо далеком южном порту, где моя свобода подвергается опасности, — это одно, но когда я склонен заниматься дома мирным хозяйством, я могу позволить себе отказать в лояльности Массачусетсу и его праву на мою собственность и жизнь. В любом случае это обойдется мне дешевле: лучше подвергнуться наказанию за неповиновение государству, чем подчиняться ему. В последнем случае я бы чувствовал себя ничтожеством.

Несколько лет назад государство явилось ко мне от имени церкви и повелело платить определенную сумму для поддержки священников, чьи проповеди посещал мой отец, но никогда — я сам. «Плати, — было сказано, — или попадешь в тюрьму». Я отказался платить. Но, к несчастью, другой человек счел нужным заплатить за меня. Я не понимаю, почему школьный учитель должен платить налог на нужды свя-

щенника, а не священник — учителя; я не был государственным школьным учителем, но я собирал себе средства по свободной подписке. Я не понимаю, почему бы школе не предоставить собственные претензии на налог и не заставить государство удовлетворить ее потребности, так же как и церкви. Однако, по просьбе некоторых близких, я унизился до составления некоего заявления в следующих выражениях: «Настоящим заявляю ко всеобщему сведению, что я, Генри Торо, не желаю считаться членом любого корпоративного сообщества, в которое я не вступал». Я вручил это городскому клерку, и он хранит его. Государство, извещенное таким образом, что я не желаю считаться членом этой церкви, с тех пор никогда не предъявляло мне подобных требований, хотя оно и заявило, что будет строго придерживаться своих положений. Если бы у меня был полный перечень, я бы отказался от членства во всех обществах, в которые не вступал, но я не знал, где найти его.

Я не платил подушный налог шесть лет. Однажды из-за этого меня посадили в тюрьму на одну ночь, и, пока я находился там, рассматривая каменные стены двух или трехфутовой толщины, деревянную дверь толщиной в фут, окованную железом, и железную решетку, заслонявшую свет, я не мог не поражаться глупости того общественного устройства, что рассматривало меня просто как кусок плоти с кровью и костями, который можно запереть. Я полагаю, они наконец-то решили, что нашли мне наилучшее применение, но жаль, что они не додумались воспользоваться моими услугами каким-либо иным образом. Я думал о том, что если бы между мной и моими согражданами была бы действительно каменная стена, то им бы пришлось с большими трудностями перебираться или пробиваться через нее, чтобы стать такими же свободными, как и я. Ни на мгновение я не чувствовал себя заключенным, а стены являли собой пустую трату камней и раствора. У меня было ощущение, что я один из всех моих сограждан не заплатил налог. Они просто не знали, что делать со мной, и вели себя как невежды. В каждой угрозе и в каждой похвале была грубая ошибка, потому что они думали, что мое главное желание — быть по ту сторону этой каменной стены. Я не мог не улыбаться, глядя как старательно запирали они мои мысли, которые, однако, не испытывали никаких помех, а ведь именно они и были опасны. Что ж, поскольку мысли им не доступны, они решили наказать мое тело, как маль-

чишки, обижающие собаку человека, на которого они затаили зло. Я понял, что государство страдает слабоумием, что оно отжило свой срок, как старая дева со своими серебряными ложками, и уже не отличает друзей от врагов, и тогда я потерял к нему остатки уважения и пожалел его.

Вот почему государство не в состоянии что-либо предпринять против человеческого сознания, интеллектуального или морального, а только против его тела и его чувств. Оно не обладает верховной мудростью и честностью, а имеет только превосходящую физическую силу. Но я не рожден для принуждения. Я хочу жить на свой собственный лад. Посмотрим, кто сильнее. Разве толпа обладает силой? Она может лишь физически уничтожить меня, того кто повинуется высшему закону. Она хочет вынудить меня стать подобным ей самой, но я не слышал о Людях, которых толпа заставила бы жить тем или иным образом. И что это за жизнь? Когда я сталкиваюсь с правительством, которое заявляет: «Кошелек или жизнь», — почему я должен торопиться отдать ему свои деньги? Может быть, оно в большом затруднении и не знает, что делать, но мне нечем ему помочь. Оно должно учиться само себе помогать: как это делаю я. И не стоит причитать по этому поводу. Я не отвечаю за успешную работу общественного механизма. Я не сын инженера. Ведь понятно, что когда желудь и каштан падают рядом, то ни один не может уступить дорогу другому, но оба, повинаясь собственной природе, пускают корни, растут и расцветают, пока кто-нибудь из них, случайно, не затенит другого. Если растение не может жить в соответствии со своей природой — оно умирает. Точно так же и человек.

Ночь в тюрьме была для меня делом новым и довольно интересным. Когда я вошел, заключенные, в одних рубашках, наслаждались болтовней и вечерним воздухом у входа. Но тюремщик сказал: «Идите ребята, пора запирать», — поэтому они разошлись, и я слышал звук их шагов, когда они возвращались в пустые камеры. Тюремщик представил мне моего сокамерника как «умника и выдающуюся личность». Когда дверь заперли, этот умник показал мне, где повесить шляпу и расположиться. Камеры ежемесячно белили и наша, хотя и предельно просто меблированная, была, вероятно, самым белоснежным и опрятным помещением в городе. Естественно, что он захотел узнать, откуда я и что привело меня сюда. Рассказав ему, я, в свою оче-

редь, тоже спросил, как он сюда попал, не сомневаясь, конечно же, в его порядочности и честности, — поскольку у меня все было в порядке, то я верил, что и у него также. «Они почему-то считают, — сказал он, — что я сжег амбар, но я не делал этого». Насколько я мог понять, он, вероятно, уснул пьяным в амбаре и курил там трубку, — вот амбар и сгорел. Здесь у него репутация умного человека, и он уже около трех месяцев ждет суда и готов ждать сколько угодно, так как он — человек легко привыкающий и вполне доволен тем, что живет на всем готовом и с ним хорошо обращаются.

Он устроился у одного окна, а я у другого, сообразив, что если остаться здесь надолго, то главным моим делом станет смотрение в окно. Скоро я прочел все оставшиеся здесь надписи, узнал о случившихся прежде побегах и о том, как подпиливалась решетка; услышал рассказы о бывших обитателях этой камеры и обнаружил, что даже здесь есть своя история, сплетни и светская хроника, никогда не выходящие за стены тюрьмы. Вероятно, это единственный дом в городе, где сочиняющиеся стихи передаются из уст в уста, но не печатаются. Мне показали довольно длинный список стихов, сочиненных какими-то молодыми людьми, уличенными в подготовке побега, которые распевали их, вымещая таким образом свою досаду.

Я выкачал из моего сокамерника все, что он знал, боясь, что никогда не увижу его снова, но в конце концов он показал мне мою постель и поручил задуть лампу.

Все это напоминало путешествие в далекую страну, несколько неожиданное для меня, — одна ночь в тюрьме. Мне казалось, что никогда прежде я не слышал ни боя городских часов, ни вечерних звуков поселка, ведь мы спали с окном, открытым по эту сторону решетки. Мой родной поселок представился мне в свете средневековья, а наш Конкорд превратился в Рейн, — образы рыцарей и замков проходили передо мной, а голоса, доносившиеся с улицы, принадлежали старым бюргерам. Я был невольным наблюдателем и свидетелем того, что происходило по соседству, в кухне поселковой гостиницы, — это были совершенно новые и необычные для меня впечатления. Это был более проникновенный и пристальный взгляд на мой родной городок. Я был полностью внутри него. Никогда прежде я не видел этих заведений. А это было — одно из особых, ведь городок был центром графства. И я начал понимать, что представляют собой его обитатели.

Утром наш завтрак подали через отверстие в дверях в маленьких прямоугольных жестяных чашках, вставляющихся одна в другую, и содержащих пинту какао с серым хлебом. Когда забирали посуду, я оказался настолько неопытным, что собирался вернуть оставшийся хлеб, но мой товарищ вовремя перехватил его, сказав, что я должен оставить хлеб для ленча и обеда. Скоро он отправился работать на сенокос в ближайшее поле, куда ходил ежедневно, и должен был вернуться не раньше полудня, поэтому он пожелал мне всего хорошего и сказал, что не думает увидеть меня снова.

Выходя из тюрьмы, — потому что кто-то вмешался и уплатил этот налог, — я и не подозревал, какие огромные изменения произошли в обычном мире: как если бы кто-то расстался с юношей, а встретил его потом уже трясущимся и седым стариком, — правда, изменения в городе, государстве и стране, представившиеся моему взору, были большими, чем производит время. Я более ясно стал все видеть. Например, что люди, среди которых я жил, могут считаться добрыми соседями и друзьями, но дружба их — лишь на один сезон. Еще я увидел, что они не слишком расположены вершить справедливость и что они, со своими предубеждениями и предрассудками, были чуждым мне народом, как китайцы или малайцы. Я увидел, что они легко приносят в жертву гуманность ради собственности и что, кроме всего прочего, они не столь уж и благородны, ибо поступают с вором так же, как и он с ними, но при этом рассчитывают спасти свои души исполнением нескольких внешних ритуалов, молитвами и, иногда, правильным жизненным путем, — правда, в ложном направлении.

Раньше в нашем поселке был такой обычай: когда бедный должник выходил из тюрьмы, его знакомые спрашивали его: «Как поживаешь?» — и делали пальцами решетку. Мои соседи не приветствовали меня таким образом, но смотрели на меня и друг на друга так, будто я вернулся из долгого путешествия. Кстати, меня забрали в тюрьму, когда я собирался идти к сапожнику, чтобы починить башмаки. Когда же на следующее утро меня выпустили, я поспешил закончить это дело и, обув починенные башмаки, присоединился к компании, собравшейся за черникой и ждавшей, когда я их поведу; уже через полчаса — лошадь быстро оседлала — я был в гуще зарослей черники в двух милях от городка, на одном из самых высоких холмов, откуда можно было увидеть весь штат.

Вот и вся история «Моих темниц».

Я никогда не отказывался платить дорожный налог, потому что я так же жажду быть добрым соседом, как и плохим подданным; и что касается поддержки школ, то я тоже делаю свой вклад в образование моих сограждан. Но я отказываюсь платить подушный налог, потому что в налоговой декларации не указано, на что он идет. Я просто хочу отказать в лояльности государству, отойти и действительно стоять в стороне от его дел. При всем желании я не могу проследить путь моего доллара до того момента, когда его выплатят наемнику или купят на него мушкет, чтобы застрелить из него кого-нибудь, — доллар анонимен, — но я в состоянии отследить действие своего неповиновения. По сути дела, я по-своему, тихо объявляю войну государству и надеюсь, что это принесет если не преимущество, то хотя бы некоторую пользу.

Если другие платят тот налог, что требуют с меня, из симпатии к государству, то этим они делают больше, чем нужно, ибо они подпитывают несправедливость в большей степени, чем того требует государство. Если они платят налог из-за ошибочного понимания налогообложения, или из-за боязни потерять свою собственность, или из страха перед тюрьмой, то это лишь потому, что не рассудили достаточно мудро, позволив своим чувствам переплестись с общественным мнением.

Такова сейчас моя позиция. Но это не означает, что нужно жестко стоять на своей позиции, — необходимо следить, чтобы действия не определялись упрямством или предвзятым отношением к мнению окружающих. Нужно понять, что следует делать только то, что соответствует человеку и данному моменту.

Я думаю иногда: ведь эти люди тоже хотят добра, они просто невежественны, они поступали бы лучше, если бы знали как, — зачем же причинять боль своим ближним, обращаясь с ними так, как они того не желают? Но между тем я понимаю, что это не причина, чтобы мне поступать так же, как они, или причинять другим различные страдания. И вновь я говорю себе: когда миллионы людей, без всякого умысла, злой воли или какого-либо личного чувства, поддерживают законность претензии на несколько ваших шиллингов и не используют возможность, которую дает им конституция, чтобы отменить или изменить это положение, тем самым лишая вас возможности

апеллировать к другим миллионам, то почему вы должны уступать этой подавляющей грубой силе? Вы не проявляете неповиновение холоду или голоду, ветру или волнам, — вы спокойно воспринимаете тысячи подобных естественных обстоятельств. Вы не сунете голову в огонь. Ибо, в сравнении с тем, о чем я говорил, это не является проявлением грубого насилия, это — естественные вещи, и как человек, которому все это не безразлично и который не относится ко всем этим миллионам людей как к грубым и неодушевленным предметам, я вижу, что необходимо: во-первых, обратиться к Создателю и, во-вторых, — к самим себе. Но уж если я сам сую голову в огонь, то нужно только на себя и обижаться, а не предъявлять претензии огню и Создателю. Если я убежден, что необходимо принимать людей такими, какие они есть, а не в соответствии со своими требованиями и желаниями, то, подобно доброму мусульманину и фаталисту, я должен тогда удовольствоваться тем, что есть, и говорить, что такова воля Божья. Конечно, последствия неповиновения могут быть разные, и я не могу, как Орфей, менять природу скал, деревьев и животных.

Я не хочу спорить ни с одним человеком или народом. Я не хочу вдаваться в детали, чтобы проводить тонкие различия или ставить себя выше своих соседей. Я, можно сказать, даже ищу повода, чтобы подчиниться законам страны. Я слишком готов подчиниться им. У меня, действительно, есть причина подозревать себя в этом. Каждый год, при очередной встрече со сборщиком налогов, я готов вновь рассмотреть действия и позицию центрального правительства и правительства штата, сам дух народа и найти основания для подчинения.

К отчизне надобно иметь сыновнее почтение,
И если мне когда-нибудь случится
Священным этим долгом пренебречь,
Пусть это будет только по велению
Души моей и совести, и веры,
Но не затем, чтоб выгоды искать.

Я верю, что в скором времени государство будет в состоянии принять все мною накопленное, что, впрочем, вряд ли сделает меня большим патриотом на фоне моих соотечественников. С обычной точки зрения большинства, конституция, несмотря на ее огрехи, достаточно хороша; закон и суд весьма почтенны, даже нынешнее американское

правительство, как и правительство штата, — замечательные и редкие явления, и за все это следует быть благодарными, но, глядя с несколько более возвышенной точки зрения, они таковы, как я их описал; глядя же с наивысшей позиции, кто может сказать, что они такое и стоят ли они вообще взгляда и размышления? Однако правительство не слишком занимает меня, и я не буду тратить на него и нескольких мыслей. Лишь в редкие моменты я жил под властью правительства в этом мире. Человек свободомыслящий, с независимыми взглядами и представлениями, не будет долго обольщаться недолженствующим и несущественным, и недалекие правители и реформаторы не смогут фатально повлиять на него.

Я знаю, что большинство людей думает иначе, чем я, но те, чья профессиональная жизнь посвящена изучению подобных или близких к ним предметов, менее всего согласятся со мной. Государственные деятели и законодатели, полностью находясь внутри организации, никогда не смогут четко и ясно увидеть ее. Они говорят о развивающемся обществе, но не оставляют никакого места для развития. Они могут быть людьми известного опыта и проницательности и несомненно придумали благородные, хитроумные и даже полезные системы, за которые мы им искренне благодарны, но вся их мудрость и полезность лежат в определенных и не слишком широких пределах. Они хотели бы забыть, что мир управляется не политикой, а разумной необходимостью. Уэбстер непоследователен в отношении правительства и поэтому не может авторитетно говорить о нем. Его слова — мудрость для тех законодателей, которые не в состоянии предпринять серьезных реформ в существующем правительстве, но для мыслящих и для тех, кто следует вечным законам, он слишком поверхностен. Я знаю тех, чьи сокровенные и мудрые размышления на эту тему смогли бы быстро проявить пределы и глубину его ума. Однако, по сравнению с низким уровнем большинства реформаторов и столь же легковесной мудростью и красноречием вообще всех политиков, его слова являются единственно разумными и ценными, и мы благодарим Небеса за то, что он есть. По сравнению с другими, он всегда силен, оригинален и, кроме того, практичен. И все же главное его качество не мудрость, а рассудительность. Истина законников не есть Истина, а только некая логичность или логичная целесообразность. Истина всегда в гармонии с собой и не озабочена установле-

нием справедливости, которая может являть и неправильные действия. Он заслуженно получил имя — Защитник Конституции. Он не наносил ударов, а лишь защищал. Он — последователь, но не лидер. Люди 1787 года не его идеалы. «Я никогда не делал попыток, — говорит он, — нарушить первоначальное соглашение, по которому различные штаты входят в Союз, и никогда не поощрял их». Но все же, размышляя о санкции, которую Конституция дает рабству, он говорит: «Раз это часть первоначального договора, то пусть она остается». Не обольщаясь его особой интуицией и талантом, необходимо отметить, что он не может рассмотреть явление вне его политической стороны и увидеть его со стороны разума или хотя бы рискнуть дать открыто ответ, пусть и невозможный, как частное лицо, например, на такой вопрос: как надлежит сегодня человеку в Америке относиться к рабству? Или на такой: из чего должен быть выведен новый и единственный принцип социального долга? «Способ, — говорит он, — которым правительства штатов, где существует рабство, его регламентируют, руководствуясь ответственностью перед своими избирателями, это: собственное разумение, общие законы собственности, гуманность и справедливость перед лицом Бога. Возникшие где-либо организации, основанные на чувстве человечности или по другой причине, не должны вмешиваться в это. Они никогда не получали от меня никакой поддержки, да они и не хотят ее».

Те, кто не ведает более чистых источников истины и не может подняться вверх по их течению, придерживаются Библии и Конституции, принося к ним с благоговением и смирением, но те, кто усмотрел, откуда они струятся в это озеро или в этот пруд, препоясывают свои чресла и совершают паломничество вплоть до истоков.

В Америке не появился еще человек с талантом законодателя. Такие люди редки в мировой истории. Есть тысячи ораторов, политиков и просто красноречивых людей, но еще не заговорил тот, кто способен определить самые большие вопросы современности. Мы любим красноречие ради него самого, а не за ту истину, которую оно может открыть, или за тот героизм, который оно может вдохновить. Наши законодатели еще не усвоили всей ценности для народа свободной торговли и свободы, согласия и нравственности. У них не достает способностей и таланта для сравнительно простых вопросов налогообложения и финансов, торговли, промышленности и сельского хозяйства.

Если бы мы руководствовались только премудрыми речами законодателей из Конгресса, без учета повседневного опыта и действенного недовольства народов, Америка не смогла бы сохранить своего места среди других народов. Восемнадцать столетий назад был написан Новый Завет, но, — возможно, у меня и нет права судить об этом, — где же тот законодатель, у которого хватило бы ума и таланта использовать свет, отбрасываемый этим Заветом на науку законодательства?

Сила правительства, — даже такого, которому я с готовностью бы подчинился, такого, которое знает и может действовать лучше, чем я, а уж тем более такого, которое не слишком хорошо знает и действует, — совершенно недостаточна, если у правительства нет поддержки и согласия управляемых. У него нет никаких прав на мою личность и собственность, кроме тех, которые я ему передам. Развитие от абсолютной монархии к ограниченной и от ограниченной монархии к демократии — это развитие в направлении подлинного уважения к человеку. Китайский философ был очень мудр, считая человека основой империи. Является ли демократия, какой мы ее знаем, последним возможным усовершенствованием формы правления? Разве нельзя сделать еще один шаг к признанию и упорядочению прав человека? Никогда не будет подлинно свободного и просвещенного государства до тех пор, пока оно не начнет признавать личность как высшую и независимую силу, из которой слагается могущество государства. Я с восторгом представляю себе государство, которое обращалось бы справедливо со всеми людьми и относилось бы к личности с уважением, как к ближнему, не беспокоясь, что кто-то живет отдельно от него и не участвует в его делах, и в тое время честно выполняло бы все свои обязанности ближнего и соотечественника. Государство, которое выносит подобный плод и терпеливо дожидается его созревания, может приготовить путь для еще более совершенного и удивительного государства, которое я тоже могу вообразить, но, увы, нигде не наблюдаю.

Торо Г.Д. О Гражданском неповиновении // Эстетика американского романтизма. М.: Искусство, 1977.

№ 5

Лев Николаевич Толстой

**«КАРФАГЕН ДОЛЖЕН БЫТЬ РАЗРУШЕН
(о войнах и милитаризме)»**

(1898 г.)

Не могу скрыть того чувства отвращения, негодования и даже отчаяния, которое вызвало во мне это письмо. Люди нашего христианского мира, просвещенные, разумные, добрые, исповедующие закон любви и братства, считающие убийство ужасным преступлением, неспособные, за самыми редкими исключениями, убить животное, все эти люди вдруг, при известных условиях, когда эти преступления называются войной, не только признают должным и законным разорение, грабеж и убийство людей, но сами содействуют этим грабежам и убийствам, готовят к ним, участвуют в них, гордятся ими. При этом повторяется всегда и везде одно и то же явление, а именно то, что огромное большинство людей, все рабочие люди, те самые, которые производят грабежи и убийства и несут всю тяжесть этого дела, не затевают, не готовят, не желают этих убийств, а участвуют в них против своей воли только потому, что они поставлены в такое положение и так настроены, что им кажется, каждому отдельно, что им будет хуже, если они откажутся от участия в этих грабежах и убийствах и приготовлениях к ним; затевают же, готовят эти грабежи и убийства и заставляют рабочий народ совершать их — очень незначительное меньшинство, живущее в роскоши и праздности на труды рабочих. Обман этот происходит уже давно, но в последнее время дерзость обманывающих дошла до последней степени: большая доля произведений труда отбирается у рабочих и употребляется на приготовления к грабежам и убийствам. Во всех конституционных государствах Европы сами рабочие, все без исключения, призываются к участию в этих грабежах и убийствах, умышленно усложняются все больше и больше международные отношения, долженствующие привести к войне, разграбляются без всякого повода мирные страны, каждый год где-нибудь грабят и убивают и все живут под постоянным

страхом всеобщего взаимного грабежа и убийства. Казалось бы, очевидно, что если происходит такое явление, то происходит оно оттого, что большие массы обмануты меньшинством, которому выгоден этот обман, и что потому первое дело тех, которые хотят избавить людей от бедствий этих взаимных грабежей и убийств, должно состоять в том, чтобы разоблачить обман, в котором находятся массы, указать массам, как совершается обман, чем он поддерживается и как освободиться от него. Но просвещенные люди Европы не делают ничего подобного, а под предлогом содействия установлению мира сначала собираются то в одном, то в другом городе Европы и с серьезнейшими лицами садятся за столы и рассуждают о том, каким образом лучше уговорить тех разбойников, которые живут своим разбоем, чтобы они перестали разбойничать и стали бы мирными гражданами, а потом задают глубокомысленные вопросы: первый о том, требуют ли войны история, право, прогресс, как будто выдуманнные нами фикции могут требовать от нас отступления от основного нравственного закона нашей жизни; второй вопрос — какие могут быть последствия войны, как будто может быть какое-нибудь сомнение в том, что последствиями войны всегда будут всеобщее бедствие и всеобщее развращение; и, наконец, третий вопрос, как разрешить проблему войны, как будто существует какая-то трудная проблема о том, как освободить обманутых людей от того обмана, который мы ясно видим.

Ведь это ужасно. Мы видим, например, что здоровые, покойные, часто счастливые люди из года в год приезжают в игорные вертепы вроде Монте-Карло и оставляют там для выгоды содержателей этих вертепов свое здоровье, спокойствие, честь, часто жизнь. Нам жалко этих людей, мы ясно видим, что обман, которому подвергаются эти люди, состоит в тех соблазнах, которыми заманиваются игроки, в неровности шансов и в увлечении игроков, хотя и знающих, что в общем они всегда будут в проигрыше, все-таки надеющихся быть хоть один раз счастливее других. Все это совершенно ясно. И вот для того, чтобы избавить людей от этих бедствий, мы, вместо того чтобы указать им на соблазны, которым они подвергаются, на то, что они наверно проиграют, на безнравственность игры, основанной на ожидании несчастья других, мы с важными лицами собираемся в заседания и обсуждаем вопросы о том, как бы устроить так, чтобы содержатели игорных домов добровольно закрыли свои учреждения, пишем

об этом книги и задаем себе вопросы о том, не требуют ли история, право и прогресс существования игорных домов, какие могут быть последствия от рулетки: экономические, интеллектуальные, нравственные и др.

Если человек пьянствует и я ему скажу, что он может сам перестать пьянствовать и должен сделать это, то есть надежда, что он меня послушается: но если я скажу ему, что пьянство его составляет сложную и трудную проблему, которую мы, ученые люди, постараемся разрешить в наших собраниях, то все вероятия за то, что он, ожидая разрешения проблемы, будет продолжать пьянствовать. То же и с ложными и утонченными научными, внешними средствами прекращения войны, вроде международных судилищ, третейского суда и т. п. глупостей, когда мы при этом старательно умалчиваем о самом простом существенном средстве прекращения войны, бросающемся в глаза каждому. Для того, чтобы люди, которым не нужна война, не воевали, не нужно ни международного права, ни третейского суда, ни международных судилищ, ни разрешения вопросов, а нужно только людям, подлежащим обману, очнуться, освободиться от того околдования, в котором они находятся. Средство для того, чтобы не было войны, состоит в том, чтобы не воевали те, которым не нужна война, которые считают грехом участие в ней. Средство это проповедовалось с древнейших времен христианскими писателями — Тертуллианом, Оригеном, проповедовалось павликианами и продолжателями их менонитами, квакерами, гернгутерами; про средство это писали Даймонд, Гаррисон, Балу; вот уже скоро 20 лет тому назад и я всячески разъяснял грех, вред и безумие военной службы. Средство это и применялось уже давно и в последнее время стало особенно часто применяться как отдельными лицами в Австрии, Пруссии, Швеции, Голландии, Швейцарии, России, так и целыми обществами, как квакеры, менониты, назарены и в последнее время духоборы, целое пятнадцатитысячное население которых вот теперь уже третий год борется с могущественным русским правительством, несмотря на все страдания, которым их подвергают, не уступая ему в его требованиях неучастия в преступлениях военной службы.

Но просвещенные друзья мира не только не предлагают это средство, но терпеть не могут упоминания о нем, и когда слышат про него, то делают вид, что не замечают, или если и замечают, то с важным

видом пожимают плечами, высказывая сожаление о тех необразованных и неразумных людях, употребляющих такое недействительное, глупое средство, когда у них есть такое хорошее, состоящее в том, чтобы посыпать соли на хвост той птицы, которую хочешь поймать, т.е. уговорить правительства, живущие только насилем и обманом, отказаться от этого насилия и обмана.

Говорят: возникающие между правительствами недоразумения будут разрешаться судилищами или третейским судом. Но правительства вовсе не желают разрешения недоразумений; напротив, правительства выдумывают недоразумения, если их нет, потому что только недоразумения с другими правительствами дают им повод содержать то войско, на котором основана их власть. Так стараются просвещенные друзья мира отвести глаза рабочего, страдающего народа от единственного средства, освобождающего его от рабства, в котором держат его с детских лет патриотизмом, потом с помощью продажных жрецов извращенного христианства, связывая людей клятвой и, наконец, пугая их наказаниями.

В наше время установившегося близкого мирного общения между людьми разных народностей и государств обман патриотизма, всегда требующий преимущества одного государства или народности перед другими и потому всегда вовлекающий людей в бесполезные и губительные войны, уже слишком очевиден, чтобы разумные люди нашего времени не освобождались от него; в обман обязательности религиозной клятвы, явно запрещенной тем евангелием, которое исповедуют правительства, слава Богу, верят все меньше и меньше, так что действительным препятствием для отказа от участия в военной службе для огромного большинства людей есть только страх наказаний, налагаемых правительствами за такие отказы. Но и страх этот есть только следствие обмана правительств и не имеет никакого основания, кроме гипноза.

Правительства могут и должны бояться отказывающихся и действительно боятся их, потому что каждый отказ подрывает тот престиж обмана, в котором правительства держат людей, но отказывающимся нет никакого основания бояться требующего преступления правительства. Отказываясь от военной службы, всякий человек рискует гораздо меньше, чем он рискует, поступая на службу. Отказ от военной службы и наказание — тюрьма, изгнание есть часто только

выгодное страхование себя от опасностей военной службы. Поступая на службу, всякий человек рискует тем, что он будет участвовать в войне, для чего он и готовится, и на войне попадет в такое положение, в котором он, в самых тяжелых, мучительных условиях, будет как приговоренный к смерти почти наверное убит или изувечен, как это я видел в Севастополе, где полк приходил на бастион, на котором уже было выбито два полка, и стоял там до тех пор, пока и этот новый полк был весь уничтожен. Другая, уже более выгодная случайность та, что поступивший не будет убит, но только заболит и умрет от нездоровых условий военной службы. Третья случайность та, что, получив оскорбление, он не выдержит, скажет грубость начальнику, нарушит дисциплину и подвергнется наказанию худшему, чем то, которому он подвергался бы, отказавшись от военной службы. Самая же выгодная случайность та, что, вместо тюрьмы или ссылки, которой подвергнется отказавшийся от военной службы, человек проведет три или пять лет своей жизни в упражнениях к убийству, в развратной среде и такой же неволе, как и в тюрьме, но только в унижительной покорности развратным людям.

Это во-первых. Во-вторых, отказываясь от военной службы, всякий человек, как это ни невероятно, все-таки может рассчитывать на то, что ему не придется нести никакого наказания, что его отказ будет тем последним обличением обмана правительств, вследствие которого нельзя уже будет наказывать, потому что не найдется уже более настолько одуроченных людей, чтобы они могли содействовать наказанию того человека, который отказался участвовать в их угнетении. Так что подчинение требованиям военной службы есть, очевидно, только подчинение гипнозу толпы, есть совершенно бесполезное прыгание Панурговых овец в воду на явную погибель.

Но, кроме расчета выгоды, есть еще другая причина, которая должна побудить всякого свободного от гипноза и понимающего значение своих поступков человека к отказу от военной службы. Каждый человек не может не желать того, чтобы жизнь его не была бессмысленным, никому не нужным существованием, а была бы служением Богу и людям. Часто человек проживает жизнь, не находя случая этого служения. Призыв к участию в военной службе есть этот случай, представляющийся каждому человеку нашего времени. Всякий человек, отказываясь от личного участия в военной службе, как призываю-

щийся или как плательщик податей тому правительству, которое употребляет эти подати на военное дело, служит отказом этим великую службу Богу и людям, потому что этим отказом самым действительным способом содействует движению вперед человечества к тому лучшему общественному устройству, к которому стремится и должно придти человечество.

Но мало того, что выгодно отказаться от участия в военной службе и что должно это сделать, большинству людей нашего времени, если только они свободны от гипноза, невозможно не отказаться от военной службы. Для всякого человека есть поступки нравственно невозможные, столь же невозможные, как невозможны бывают действия физические. И таким нравственно невозможным поступком для огромного большинства людей нашего времени, если только человек свободен от гипноза, есть обещание рабского повиновения чуждым и безнравственным людям, заведомо имеющим целью убийство людей. А потому всякому человеку нашего времени не только выгодно и должно отказаться от участия в военной службе, но даже невозможно не сделать этого, если только он свободен от одурения гипноза.

«Но что же будет, когда все люди откажутся от военной службы и не будет узды и страха на злых, и злые восторжествуют, и не будет защиты от диких — от желтой расы, — которые придут и завоюют нас».

Не буду говорить о том, что злые уже давно восторжествовали и торжествуют, и, борясь между собой, давно уже властвуют над христианами, так что нельзя бояться того, что давно уже совершилось, не буду говорить и о том, что страх перед дикими и желтыми, которых мы старательно раздражаем и обучаем войне, есть пустая отговорка, что для воображаемой защиты от этих диких и желтых достаточно одной сотой части войск, которые теперь содержит Европа, не буду говорить про это потому, что рассуждения о том, что может произойти вообще для мира от такого или иного нашего поступка, не могут служить руководством, наших поступков и нашей деятельности. Человеку дано другое руководство, и руководство несомненное — руководство его совести, следуя которому, он, несомненно, знает, что делает то, что должно. И потому все рассуждения о той опасности, которая предстоит отдельному человеку, отказывающемуся от военной службы, так же как и о том, какая опасность грозит миру вследствие таких отказов, всё это частицы того огромного и ужасного обмана, которым опутано христианское челове-

чество и который старательно поддерживается правительствами, живущими этим обманом.

Оттого, что человек будет поступать так, как велит ему его разум, его совесть, его Бог, может выйти только всё самое хорошее, как для него, так и для мира.

Люди нашего времени жалуются на дурное течение жизни в нашем христианском мире. Да разве это может быть иначе, когда всеми нами признан в сознании провозглашенный за тысячи лет тому назад не только основной божеский закон «не убий», но и закон любви и братства всех людей, и, когда, несмотря на это, каждый мужчина нашего европейского мира на деле отрекается от этого, признаваемого им, основного закона Бога и, по приказанию президента, императора, министра, Николая, Вильгельма, наряжается в дурацкий костюм, берет орудия убийства и говорит: «я готов, — кого велют, буду бить, разорять, убивать».

Каково же должно быть общество, составленное из таких людей? Общество это должно быть ужасно, и действительно оно ужасно.

Опомнитесь, братья, не слушайте вы ни тех злодеев, которые с детства заражают вас дьявольским, противным добру и истине, духом патриотизма, нужным только для того, чтобы лишить вас и вашего имущества, и вашей свободы, и вашего человеческого достоинства, ни тех старых обманщиков, которые проповедуют войну во имя Бога, ими выдуманного, жестокого и мстительного, и извращенного ими лживого христианства, ни еще менее этих новых саддукеев, которые во имя науки и просвещения, желая только продолжения существующего порядка, собираются на собрания, пишут книги и говорят речи, обещая устроить добрую и мирную жизнь людям без их усилия. Не верьте им. Верьте одному своему чувству, говорящему вам, что вы не животные и не рабы, а люди свободные, ответственные за свои поступки и потому не могущие быть убийцами ни по своей воле, ни по воле распорядителей, живущих этими убийствами. И стоит вам только опомниться, чтоб увидеть весь ужас и безумие того, что вы делали и делаете, и, увидав, перестать делать то зло, которое вы сами ненавидите и которое губит вас. А перестанете делать зло, которое сами ненавидите, и исчезнут сами собой, без вашего усилия, как совы от дневного света, те теперь властвующие обманщики, которые сначала развращают, а потом мучают вас, и сложатся сами собой те новые

человеческие, братские условия жизни, которых жаждет уставшее от страданий и измученное обманом, завязшее в неразрешимых противоречиях христианское человечество.

Пусть только каждый человек без всяких хитроумных и сложных соображений и предположений исполнит то, что ему в наше время несомненно говорит его совесть, и он узнает справедливость слов Евангелия: «Кто хочет творить волю его, тот узнает о сем учении, от Бога ли оно, или я сам от себя говорю» (Иоанн. VII, 17).

Толстой Л.Н. «Карфаген должен быть разрушен» (о войнах и милитаризме.) М.: Посредник, 1917.

Эдин Баллу

**«УЧЕНИЕ О ХРИСТИАНСКОМ
НЕПРОТИВЛЕНИИ ЗЛУ НАСИЛИЕМ» Глава 1.**

(1846 г.)

1. Различные роды непротивления

Что есть христианское непротивление?

Это первоначальный и особый род непротивления, которому словом и делом учил Иисус Христос, слова и дела которого изложены в Новом Завете.

Существуют ли еще другие роды непротивления?

Во-первых, есть философское непротивление различных оттенков. Оно не признает ни божественного откровения, ни значения Иисуса Христа, как Божественного Учителя, исключает все религиозные соображения и выводит свои умозаключения из законов природы, из предполагаемой целесообразности всего существующего и необходимости всех последствий.

Во-вторых, существует еще сентиментальное непротивление, различных тоже оттенков, — оно происходит, как уверяют, вследствие внезапного внушения высших человеческих чувств на высоких степенях его развития.

В-третьих, есть еще невольное непротивление, обыкновенно называемое пассивным послушанием, — оно повелительно проповедуется деспотами своим подданным и именуется священным долгом и высшею добродетелью.

Этот род непротивления рекомендуется мирскою осторожностью всем жертвам гнета и насилия, пока угнетаемые не могут избавиться от притеснителя.

С этой последней разновидностью христианское непротивление не имеет ничего общего. С первыми же двумя категориями непротивления: философским и сентиментальным, общих точек соприкосновения много, так как они не что иное, как искаженные человечеством копии с настоящего христианского непротивления, которое совмещает в себе все доброе обеих копий без примеси зла, находящегося в каждой из них.

2. Значение слова «непротivление»

Прежде всего, следует точно определить значение слова «непротivление». Я употребляю его исключительно и единственно в применении к образу действия человека относительно других людей и не касаюсь вопроса этого по отношению к животным, неодушевленным предметам и силам природы.

Я иду дальше, и не допускаю употребления этого слова в смысле совершенного бездействия в отношении к людским делам. Я требую права самого высшего нравственного сопротивления (на какое Господь дал мне способности) всякому проявлению зла в роде человеческом. Мало того, я считаю такое нравственное протivление своим долгом.

В этом смысле самое мое непротivление становится высшею степенью протivления злу.

Но я и на этом не останавливаюсь. Я заявляю смело, что существует безобидная, безвредная, благожелательная и благодетельная физическая сила. Бывают случаи, при которых не только позволительно, но и обязательно сдерживать и усмирять людей этою благою физической силой. Помешанные, лежащие в бреду больные, злые и капризные дети, люди, находящиеся в состоянии умственной или нравственной невменяемости, пьяные, бешеннострastные и все вспыльчивые люди бывают часто способны совершить такие злодейства, от которых удержать их необходимо даже при содействии мускульной силы. И этот род протivления будет безобиден и благ.

Если же злодей, с заранее обдуманном намерением, посягает на жизнь брата, тогда надо бесстрашно ставить собственное свое тело преградой между убийцей и его беспомощной жертвой. Предпочтительнее смерть в этом положении противника, чем положение индифферентного зрителя. Итак, христианское непротivление есть только полное воздержание от нанесения личного вреда, от непротivления обиде — обидой, вреду — вредом, злу — злом. Далее этого непротivление не идет.

Почти что всемирное убеждение и вся практика человечества были всегда на стороне протivления обиде — обидой, вреду — вредом. Признано человеческой мудростью справедливым и необходимым, как для отдельных личностей, так и для целых наций, делать известную долю зла в виде острastки предполагаемому еще большему злу.

Последствиями этих убеждений оказались: всеобщее недоверие, подозрительность, вооружения, насилия, пытки, смертные казни.

Земля стала полем сражения, громадной бойней, театром взаимного лицемерия и ужасающих жестокостей.

Люди опьянели от взаимного мщения, и те из них, которые имели возможность делать наиболее зла в воображаемую защиту жизни, чести и прав собственности, государственных установлений и законов, те люди были обоготворены, их чтят, как героев и правосудных владык мира.

Непротивление отвергает этот ужасный обман, восстает против такого дикого самообольщения, возвещает невозможность победить зло — злом, и, обращаясь с искренним воззванием ко всем униженным и обиженным рода человеческого, увещевает и поучает их, во имя Бога, никогда более не противиться обиде — обидой. Оно убеждает их в том, что, повинувшись закону любви, несмотря ни на какие вызовы и искушения, и перенося добровольно всякую невзгоду, лишь бы самим не провиниться в ней, они в конце концов со славою победят зло — добром и избавятся от всех врагов своих, обратив их в верных друзей.

3. Значение слова «сила»

Определив и ограничив значение слова «непротивление», — нам кажется уместным сделать то же и относительно некоторых других выражений, которые часто будут употребляемы при дальнейшем изложении.

Одно из таких слов будет слово «сила».

Непротивящиеся, равно как и другие, имеют привычку употреблять это слово слишком свободно и тем самым дают непосвященным повод к недоразумению, а заинтересованным противникам тем самым дают повод к искажению и лжетолкованию смысла, в котором слово это употребляется в учении о христианском непротивлении.

Значение слова «сила», *force*, определяется в словарях следующим образом: сила (телесная), крепость (телесная), власть, насилие, мужество, могущество, мощь, власть закона, воинственные приготовления, вооружения, судьба, неизбежность, роковое столкновение.

Но кроме этих значений, слово это может еще означать: могущество, власть и крепость нравственную. Так, мы можем говорить о силе любви, о силе истины, о силе общественного мнения, о силе убеждения, о силе непротивления и т.д.

По отношению к телесной силе людей мы можем говорить о благодетельной, милостивой, благой, безвредной и безобидной силе, подразумеваемая под этими выражениями применение мускульной силы с целью благожелательного предупреждения какого-либо вреда, наносимого людьми другим людям.

В этом сочинении слово «сила» будет иметь одно из следующих условных значений: насилия, военной силы, положительного мщения, разрушительной, смертоносной силы, — словом, в смысле обидной, вредной силы.

Применение вредной силы всех родов и степеней между людьми несовместимо с непротивлением.

Выражение — нравственная сила — должно быть, вследствие вышеизложенного, понимаемо, как синоним выражения: нравственная власть, действительное влияние нравственного могущества, крепости, твердости нравственной.

Выражение — физическая сила, — в отличие от нравственной, будет употребляться в смысле: материальной силы, действия одного тела на другое (принуждение слабого уступать сильному), посредством чисто животной силы или механических приспособлений.

Как нравственная сила может быть доброю или злою, вредною или безвредною, обидною или безобидною, смотря по своему духу, по способу применения и по преследуемым целям, так точно и физическая сила может быть добра или зла, полезна или вредна по тем же самым соображениям.

4. Значение слова «обида»

Я употребляю слово это в несколько особом значении, а именно, в смысле нравственного или физического насилия одного человека над другим с тем неперемным условием, чтобы последствием тех действий было бы уничтожение или повреждение жизни, физических или умственных способностей, извращение нравственного или религиозного чувства, уничтожение и повреждение общего благосостояния или полного благополучия той личности, над которой сделано означенное нравственное или физическое насилие, причем безразлично — права ли та личность или виновна, вредна или полезна, преступна или невинна, больна или здорова, взрослая ли она или малолетняя.

Некоторые лексикографы определяют слово «обида» следующим образом: вред, оскорбление, насилие, которым известная личность

несправедливо подвергнута, и этим определением как бы дают понять, что оскорбление, вред или насилие, нанесенные личности, ничего лучшего не заслуживающей или подвергшейся тем насилиям по справедливости, вовсе не есть обида. Я отвергаю такого рода толкования и называю обиду — обидой, будь она заслужена или незаслуженна, преднамеренна или нечаянна.

На этот тезис всегда готова масса стереотипных возражений:

— А что, если вам будет доказано, что подвергать в некоторых случаях личной обиде людей преступных или вредных справедливо и согласно с Законом Бога? — говорят одни.

«Тогда, конечно, будет доказано, что учение о непротивлении — ложно», — отвечаю я.

— А что, если вам докажут, что нанесение мелких частных обид предупреждает гораздо большее зло?

«Тогда будет доказано, — скажу я, — что люди должны делать зло для того, чтобы вышло добро; тогда будет доказано, что миру следует оставаться точь-в-точь в таком же состоянии, в каком находится теперь».

— А что, если будет доказано, что лицо, нанесшее обиду, искренно и честно считало обиду ту благодеянием?

«Это будет только доказывать, что означенное лицо, искренно и честно заблуждалось и потому порицания не заслуживает».

— А если человек убивает и наносит ряд других обид на строгом основании установленных законов человеческих, да к тому же делает это без злобы и мстительности и без злого умысла?

«Тогда он совершает дела антихристианские, не сознавая значения своих поступков; дела те простятся ему потому, что он ходил во тьме, но просветить его разум и совесть необходимо; надо научить его жить по учению Христа, но ни в каком случае не следует упускать из виду, была ли нанесена обида или нет, не рассуждая, не определяя, не задавая даже вопроса о том, был ли обиженный преступен или невинен, справедливо ли она нанесена или несправедливо».

Если действие заключает в себе обиду, оно противно учению христианского непротивления, и никто не может повторить обиды той под каким бы то ни было предлогом, не нарушив тем заповеди Христа».

— А что делать, если безобидная сила окажется несостоятельной, — продолжает свои инсинуации рутинная нравственность, — надо ли

будет снова жертвовать человеческими жизнями, прибегать к пыткам, казням и всякого рода обидам, дозволенным законами человеческими в крайних случаях?

«Никогда! Основное учение о безобидности должно соблюдаться ненарушимо. Одно это учение стоит целых миров. Оно должно быть незыблемо, непоколебимо и охраняемо от всяких случайностей».

Что не может быть сделано безобидно, того не надо делать вовсе, к тому же все эти крайние случаи по большей части вымышлены.

Истина в следующем: то, что не может быть сделано безобидно, того вовсе и никогда не следует делать.

5. Значение выражения «христианское непротivление»

Слово «непротivление» имеет своим корнем изречение Христа: «Не противься злomu» (Матфей. V, 39). Отглагольной форме — не противься — придано значение имени существительного и создано было слово — непротivление. Выражение это поразительно многозначительно, — им выражается лучше, сильнее и яснее всякого другого слова и основное правило и обязанность, возлагаемая на нас учением нашего Спасителя.

Названо же оно христианским в отличие от философского, сентиментального и невольного, как первообраз их.

Итак, христианское непротivление есть то первообразное непротivление, которому учил Иисус Христос словом и примером, то правило, которое в применении своем должно быть изучаемо в писании Евангелия.

Краткий обзор применений этой заповеди уже произведен мною в предшествующих определениях, но я объясню их пространнее. Мое стремление направлено к тому, чтобы нести возложенные на меня обязанности настолько, насколько они возложены на меня Христом. Очень легко зайти дальше или не дойти до настоящих границ. Ультра-радикалы и ультра-идеалисты ушли гораздо далее учения Христа, а ультраконсерваторы до него не дошли. Даже и те люди из обоих лагерей, которые признают себя исповедующими учение Христа и считают себя солидарными с Ним, так перетолковывают само учение, что сами же поощряют обоюдные заблуждения. Ультра-радикалы хватаются за иносказательные, гиперболические и напряженно-сжатые формы выражения и обороты речи и придают им такой смысл, что кажется, будто Христос подразумевал нечто гораздо больше того, что

Он сказал или мог подразумевать. Ультраконсерваторы ловко отскребают, устраняют и уничтожают основной смысл, самую суть учения, так что кажется, будто Христос подразумевал гораздо менее того, что Он мог подразумевать.

Существует, однако, общее правило, которое почти безошибочно обнаруживает заблуждения представителей обоих лагерей. Нужно всегда иметь в виду общую связь всех текстов — контексты, параллельные тексты, — нужно принимать во внимание евангельские примеры и дух учения Христа. Всякое толкование речей и действий Христа, записанных в Евангелии, в которых все согласно и сходно, всегда будет толкованием истинным и здоровым. Те же, которые не сходятся в чем-либо с вышеизложенными основами, будут, вероятно, ошибочны.

6. Основной текст непротивления

«А Я говорю вам: не противься злomu» (Матфей. V, 39). Когда он правильно истолкован, текст этот дает ключ к истинному пониманию самой сути рассматриваемого учения и его приложения. Это одно из тех изречений, которые поддаются самым произвольным перетолкованиям, так что можно ему придать значение гораздо больше и шире, чем подразумевал изрекший его Учитель, или можно умалить значение до минимума требований практических.

Правило это высказано в сжатой, напряженной форме и может быть понято только при помощи его контекстов.

Первым вопросом для разрешения будет: как понимал Христос слова: «злomu» и «не противься».

Существует разного рода зло. Под это слово подходят понятия, во-первых, страдания, потери, бедствий, переносимых вследствие причин, ничего не имеющих общего с нравственными началами; во-вторых, порок, грех, т.е. зло нравственное; в-третьих, искушения греховные или зло умственное и, в-четвертых, личные непосредственные обиды, оскорбления и вред.

О каком зле говорит Христос в своем изречении? Говорит ли Он о пожарах, наводнениях, голоде и недугах, — словом, о зле стихийном? Конечно, нет. А следовательно, и не запрещает противиться этому злу.

Говорит ли Он о пороке и грехе вообще? — Да нет же! И мы наверно можем заключить, что противление пороку и греху вообще не только не запрещено, но входит в круг наших обязанностей.

Говорит ли Он об искушениях, о тех улавливающих нас в грех соблазнах, на которые так падки люди, благодаря плотским их наклонностям и страстям? — Еще раз нет. А потому не воспрещается нам противиться, бороться со злыми побуждениями нашей собственной плоти и усмирять злые наши вожеления.

Говорил ли Он о зле личном, об обиде, наносимой человеком человеку?

Да. «Вы слышали, что было сказано прежде: око за око, зуб за зуб, а Я говорю вам: не противься злому», т.е. личному насилию, оскорблению, обиде. Здесь, в связи с остальной речью, слово «зло» — бесспорно означает обиду, нанесенную человеком человеку.

Что же значит выражение: не противься. Существуют разного рода противления, применимые против угрожающих еще или уже осуществившихся личных обид. Между ними следует различать: во-первых, противление пассивное, бездействующее, — мертвое молчание, унылая неподвижность, полная телесная беспомощность, совершенное отречение от способности говорить и действовать. Есть ли в контексте указание на то, чтобы Иисус имел в виду такого рода противление? Нет.

Во-вторых, существует еще противление нравственное, деятельное, справедливое, благожелательное, — кроткое, но твердое обличение, — словом, протест. Указывают ли соединенные тексты на то, чтобы Иисус запрещал такое кроткое противление? Нет.

В-третьих, есть еще физическое противление, деятельное, твердое, примиряющее, безобидное и имеющее целью удержать от насилия или от оскорбления человеком человека. Об этом ли противлении размышлял Иисус? Есть ли в контекстах указание на то, чтобы запрещалось непротивление с целью добра? Нет и нет!

В-четвертых, существует противление личной обиде нанесением такой же личной обиды. Случаи, когда человек лишает жизни, чтобы спасти свою жизнь, повреждает глаз противника с тем, чтобы защитить свой глаз, наносить сильный удар, чтобы предупредить удар. Существуют законы возмездия, в силу которых человек считает себя вправе жертвовать жизнью в наказание за погубленную жизнь, берет око за око, зуб за зуб, руку за руку и т.д. Существуют правительственные установления, в назначенье которых входит подвергать личность, признанную вредной или опасной, разного рода наказаниям.

Вот об этой-то разновидности противления и говорит Христос. Именно такое противление Он запрещает.

«Не противься личной обидой — личной обиде», — говорит Христос.

Сказанного достаточно для определения сути и ограничений этого учения. Оно обнимает все человечество, относится ко всем общественным отношениям, касается всех обиженных и находящихся в неминусовой опасности быть обиженными. Оно повелевает воздерживаться от личных обид и в виде средства для предупреждения обид воздерживаться от возмездия и самообороны: если ударят тебя по правой щеке, подставь и левую, — лучше подвергнуть себя второй обиде, чем унизить себя до нанесения оскорбления брату.

7. Необходимые применения непротивления

Применение этого учения необходимо во всех случаях человеческого общения, во всех тех случаях, когда обида одного человека другим должна быть отстранена или предупреждена.

Люди могут быть поставлены лицом к лицу с вопросом об обиде обидою, во-первых, как отдельные личности, во-вторых, в качестве незаконного сообщества нескольких личностей, в-третьих, как члены дозволенных сообществ, в-четвертых, в качестве установленных властей, правителей, избирателей — как столпы существующих государств или народоправительств. Находясь в каждом из этих четырех положений, люди противятся обиде обидой — или для немедленной самозащиты, или для возмездия и наказания. Они могут действовать непосредственно или при посредстве пособников — лиц, употребляемых для исполнения их воли. Соединяясь в незаконные сообщества, они могут совершать насильственные действия сообща, прямо и открыто, или тайно при посредстве тайных пособников, или же, как обыкновенно и происходит, при посредстве признанных и уполномоченных вожак. Как члены дозволенного свободного сообщества, они имеют возможность пользоваться громадным влиянием и не прибегая к явному насилию. Школы, кафедры и амвоны в их руках, и они пользуются этими орудиями, чтобы обманывать, развращать людей, повреждать человеческое разумение, возбуждать дурные страсти, научать злу и науськивать людей друг на друга.

Как существенная поддержка и опора человеческих правительств, люди нравственно ответственны за все конституции, уложения и

законы, которые они обязались поддерживать, причем безразлично, поддерживают ли они те учреждения сознательно или только покоряются им без увещаний, без возражений, без протеста.

Итак, если политическое собрание, гражданский или военный союз, лига, договор или конституция поддерживают или допускают войну, смертную казнь, рабство или какую-либо иную форму безусловной обиды, то и человек, который клянется, присягает, т.е. связывает себя обязательством поддерживать такой союз, лигу или конституцию, ответствен за каждое насилие, совершаемое в силу тех договоров или конституций.

Его ответственность прекращается только с нарушением конституции, но за все, что сделано согласно с узаконениями, которые он под присягою обязался поддерживать, он ответствен. Войско — его войско, флот — его флот, позорный столб, эшафот, каленое железо, тюрьмы, одиночное заключение, крепости, каторга — все это его, его каторга, его плаха, его каленое железо.

И он не может отнекиваться и оправдываться тем, что принадлежал к гуманитарному меньшинству: он принадлежал правительству. Он клялся, присягал в том, что большинство будет иметь право произвольно совершать всякие акты насилия: объявлять войну, ссылку или смертную казнь. Он связал себе руки этим антихристианским обязательством. Он приказал своему разуму стоять заодно с большинством во всех случаях, претящих ему лично, и все ужасы войны, пыток и казней совершены с его торжественного разрешения.

И нет ему выхода из этого страшного нравственного сообщества, кроме сознательного полного устранения себя от солидарности с таким правительством и непримиримого протеста против антихристианских начал, которые положены в основу таких государственных узаконений.

8. Чего истинный христианин делать не может

Из того, что уже сказано, ясно, что христианин-непротивник не может:

- 1) Убивать, калечить человека или наносить ему какую-либо обиду, ни в видах самозащиты, ни в защиту своей семьи или кого-либо другого.
- 2) Участвовать в каком-либо заговоре, бунте, народном восстании, имеющем целью совершение какого-либо насилия.

- 3) Не может быть членом какого бы то ни было, хотя бы порядочного, почтенного и дозволенного сообщества, если оно допускает даже мысль о возможности войны, смертной казни и судебного возмездия.
- 4) Не может быть ни офицером, ни солдатом, ни священником.
- 5) Не может быть ни чиновником, ни представителем обвинительной власти, ни избирателем, ни присяжным.
- 6) Не может быть членом какого-либо политического или иного общества, уставы коих обязывают своих служащих, позволяют им или понуждают входить в деловые сношения с правительствами, допускающими насилие.

Словом, христианин-непротивник не может ни лично, ни через посредство других совершать какое-либо деяние, наносящее или угрожающее нанесением безусловной личной обиды, он не может ни помогать, ни содействовать тому подачею адреса, прошения, подачею голоса.

Таковы необходимые обязанности, ограничения и применения учения о христианском непротивлении.

Суть учения и круг деятельности его тщательно поставлены на прочном основании, и все его особенности точно разграничены. Да не будет сказано, что это учение направлено против всякой религии, всякого правительства, всех общественных учреждений, против всех законов, правил и регламентаций. Напротив того, учение это стоит за все это в высшем и лучшем их выражении. Оно восстает против тех религий, правительств, общественных порядков, учреждений, законов, которые, безусловно, противны закону Христа.

9. Основное правило непротивления

Закончу эту главу кратким обзором разбираемого учения по отношению к первоначальному правилу, от которого оно происходит, а также и по отношению к правилу, составляющему его непосредственную основу, и к обязанности, в которой включены все его применения.

Правило непротивления исходит из всесовершенной любви, той беспредельной, независимой, безошибочно-мудрой, святой любви, которая отличает Сына человеческого от существ низших и, выливаясь в естественное чувство человеческой благожелательности, производит высшее и совершеннейшее добро. Про нее-то сказано: «Любовь не делает зла ближнему, так как она есть исполнение закона». —

Иоанн выразил ту же мысль, сказав: «Пребывающий в любви в Боге пребывает и Бог в нем».

Любовь эта не есть ни естественная привязанность к родным и близким, ни сентиментальное чувство. Эта любовь — чистое, просветленное, сознательное убеждение, божественный источник того образа действий, который вдохновенно и внезапно внушает человеку делать добро всем людям без исключения — как добрым, так и злым; эта любовь действует независимо от внешних влияний, и так как она по природе своей не себялюбива, то не смущается ни достоинствами, ни недостатками предмета любви своей. Она не спрашивает: любишь ли меня? делаешь ли добро мне? ценишь ли мои достоинства? будешь ли меня благословлять, или, быть может, станешь ненавидеть меня, будешь оскорблять, проклинать и осуждать?

Любят ли, ненавидят ли, благословляют ли, проклинают ли, творят ли добро или неправду и зло другие люди, любовь говорить свое: «Буду творить правду, буду любить. Буду благословлять, не обижу даже самых отъявленных злодеев, — буду побеждать зло добром». И потому доброта-любовь не взвешивается и не измеряется добротой других, но всегда находит сама в себе повод, силу и награду.

Иисус, в котором высшее выражение этой святой любви, найдя древний закон: возлюби ближнего своего, как самого себя, — извлек его, покрытого ржавчиною времени и помраченного людским непониманием, из ковчега завета Моисея и сделал его светочем божественного учения своего.

Истина заключалась в этой заповеди, но люди не умели выделить ее из массы Моисеевых постановлений, а тем менее умели они понять ее совершенство. Иисус указал, что ближний, о котором говорит заповедь, есть всякий человек: и иноплеменник, и неприятель, и жестокий враг; словом, всякий, кто нуждается в помощи или находится в опасности, всякий страждущий вследствие людского себялюбия, жестокости, гнева или зависти, все равно будь он хотя бы и величайшим преступником, хотя бы отъявленный изверг рода человеческого.

Затем, зная, что мудрые постановления мира узаконяют обиду, наносимую обидчику, оправдывают ненависть к врагам, предписывают даже убийство убийц, Иисус отменил древние заповеди, отверг закон возмездия и провозгласил обязательность безграничного терпения, милосердия и кротости.

Ветхозаветная религия, светски мудрая философия и мстительное себялюбие провозгласили, как догмат, что, перейдя за известные границы, терпение перестает быть добродетелью. Божественным дыханием своим Иисус рассеял этот безобразный обман и показал славный пример постоянного и неуклонного следования влечениям закона любви, не делая различия между друзьями и врагами.

«Я говорю: не отнимай жизнь за жизнь, око за око, зуб за зуб. Не бей ударившего тебя, просящему дай, от хотящего занять не отвращайся. Люби врагов, благословляй проклинаящих тебя, благотвори ненавидящим и молись за обижающих и гонящих тебя. Будь сыном Отца твоего небесного, того Отца, который посылает дождь на нивы праведных и неправедных и солнцем освещает всех. Если же ты будешь любить только любящих тебя, то чем же ты будешь отличаться от язычника?».

Таков истинный свет, исходящий из предвечной благодати бесконечного Отца и воссиявший над возрожденным миром, отражаясь в образа Иисуса. Что такое все слащавые нежные дифирамбы поэтов, все хитросплетенные мудрствования философов, все торжественные таинства мстительных церковников в сравнении с божественным совершенством и простотою той истины, которую положил Христос в основу своего учения!

Непротивление — прямое следствие этой всесовершенной, самодовлеющей, неизреченной любви, — любви божественной. А неминуемым последствием применения закона любви будет могущество добра, как противодействующей силы для искоренения зла.

Мудрость учения мира искала опоры в могуществе обиды, страха и зла, она верила в это могущество, надеялась на него во все предшествующие века и воспитала человеческий род в этих верованиях, внушая подрастающим поколениям, будто и благополучие их, и безопасность находятся в зависимости от тех вождей, которые имеют и силу и власть наносить обиды. И все стремление лиц, захвативших власть в свои руки, было в обладании достаточными средствами насилия, для того чтобы отразить врагов извне и своих соплеменников держать в страхе и подчинении.

Мудрость мира твердит: «Каждый сверчок знай свой шесток. На чужой каравай рта не разевай. Честь дороже жизни. В чужой монастырь со своим уставом не ходи. Власть от Бога и воле моей перечить грех.

Ласковый теленок двух маток сосет». Если же ты не проникнешься всею истинностью этих изречений, а станешь перечить власти, то она спустит на тебя своих воинов, защитников отечества, и ты почувствуешь всю тяжесть ее мщениа. Стесняться средствами власть не станет; она в порыве самозащиты пустит в ход и арест, и одиночное заключение в тесной и омерзительной тюрьме, а затем будут применены и пытки нравственные и физические; не остановится она и перед плахою. А потому бойся, дрожи, не перечь власти ни в чем и, главное, не оспаривай ее права действовать по учению мира, а не по заповеди Христа.

И до того забиты с детства умственные способности детей мира сего, до того внушена им вера в насилие, как в главную опору безопасности общественной, что едва ли один из тысячи, при первом знакомстве с мыслью о непротивлении, допустит возможность того, чтобы в этом учении заключалось что-либо лучшее, чем проповедь презренной трусости, с одной стороны, и всемирной анархии — с другой.

Да неужели человечество так уже хорошо охранено и защищено страхом личного насилия и обид? Какое имеют основание предполагать охранители узаконенных бесчинств и злодеяний, что как только эти злодеяния прекратятся, то немедленно им на смену начнут люди друг друга резать? Увы! очень мало еще число людей, понимающих всю явную и бесстыжую ложь таких утверждений. Масса привыкла поклоняться насилию, и она молится на него в виде меча, тюрьмы, виселицы. Этому богу воздают почести, учреждая во имя его псевдохристианское священство, постоянные армии, флоты, народные ополчения, крепости, арсеналы, суды исправительные и присяжные; на предложение же отложить все эти возмутительные дела в сторону и поверить на слово тому, кого они же называют Богом своим, мы слышим полное ужаса восклицание:

«Отойдите от нас, не искушайте; деятельность ваша вредна; проповедь ваша клонится к низвержению всех тех благ, которые завоевало себе человечество кровью и потом всех прежних поколений. Не мучьте нас. Велика Диана Эфесская! Велик меч, велика виселица, велика и благодетельна власть колесовать, четвертовать и убивать того, кто по произволу назван преступником».

Толпа вопит и, что ужаснее всего, это то, что она вопит искренно: «Что станет с человечеством, если война и смертная казнь вдруг будут отменены?!».

На алтарь бога насилия столько уже принесено жертв, что этих жертв хватило бы на заселение двадцати планет таких, как Земля, а достигнута ли хотя бы одна-одинешенькая цель?

Ничего нет, кроме отрицательных результатов, и все же насилие остается богом толпы. Перед его, залитым запекшеюся кровью, алтарем человечество как будто порешило преклоняться вовеки под звук барабана, под грохот орудий и под стон окровавленного человечества.

10. Заключение

Великий непротивник — Христос, принесший себя в жертву за истину, — наш Пророк и Вождь.

Обезумевшие от порывов желчной злобы люди, хотя и глухи до сих пор на зов Его, но настанет время, и они услышат голос Христа, зовущий в Царство Бога на земле. Голос тот поучает нас тому, что добро — единственный противник зла, что только добром можно победить зло, и потому вера во всесильное превосходство добра над злом, истины над заблуждением, правды над неправдой, любви над ненавистью — есть основа учения о непротивлении.

Не противься обиде — обидой.

Да будут слова эти отличительным правилом жизни на все грядущие времена; да служат они компасом в плавании по пути к человеческому совершенствованию до тех пор, пока все люди, все правительства и все общественные установления достигнут полной нравственной гармонии с великою и простою заповедью Бога:

Возлюби ближнего своего, как самого себя.

И тогда — любовь, это высшее имя Бога, будет со всеми нами и во всем!

Балу А. Учение о христианском непротивлении злу насилием. М.: Посредник, 1908. С. 14–34.

№ 7

Мартин Лютер Кинг

«ПАЛОМНИЧЕСТВО К НЕНАСИЛИЮ»

(1958 г.)

Вопрос относительно моего собственного духовного паломничества к ненасилию встает часто. Для ответа на него следует вернуться к времени моей ранней юности, проведенному в Атланте. Я вырос, питая отвращение не только к самой сегрегации, но и к варварским и тягостным ее последствиям. Я бывал там, где негров жестоко линчевали, и видел ку-клукс-клан во время его ночных сборищ. Я наблюдал собственными глазами жестокость полиции и самую жуткую несправедливость суда в отношении негров. Все это оказало влияние на формирование моей личности. Я был недалеко от того, чтобы возненавидеть всех белых людей.

Кроме того, я осознал неотделимость расовой несправедливости от экономической. Хотя вырос я в стабильных и относительно комфортных материальных условиях, я не мог избавиться от мысли об отсутствии экономической устойчивости у многих моих приятелей и катастрофической бедности тех, кто жил рядом со мной. В юношеском возрасте я работал во время двух летних каникул. Это случилось против воли моего отца, никогда не хотевшего, чтобы мы с братом работали рядом с белыми из-за тяжелых условий на том заводе, куда на работу брали и негров, и белых. Здесь я впервые столкнулся с экономической несправедливостью и пришел к пониманию того, что белые, как и негры, подвергаются эксплуатации. Благодаря приобретенному раннему опыту я вырос глубоко убежденным в существовании самых разнообразных проявлений несправедливости в нашем обществе.

Став в 1944 году первокурсником колледжа Мурхауз в Атланте, я понял обоснованность собственных волнений по поводу расовой и экономической несправедливости. В студенческие годы в Мурхаузе я в первый раз прочитал «Очерки по гражданскому неповиновению» Торо. Очарованный его идеей отказа от сотрудничества с этой несправедливой системой, я был настолько потрясен, что несколько раз пере-

читал эту работу. Это был мой первый духовный контакт с теорией ненасильственного сопротивления.

Однако только после поступления в теологическую семинарию Крозера я всерьез занялся интеллектуальным поиском способа устранения социального зла. Хотя мой основной интерес относился к сфере теологии и философии, я проводил много времени, читая произведения выдающихся социальных философов. Я рано познакомился с работой Уолтера Раушенбаха «Христианство и социальный кризис», которая оставила неизгладимый отпечаток в моем сознании, явилась теологическим базисом для формирования у меня с юности благодаря раннему жизненному опыту потребности думать об обществе. Естественно, что я не был согласен с Раушенбахом в некоторых моментах. Я чувствовал, что он пал жертвой присущего XIX столетию «культу неизбежности прогресса», который привел его к поверхностному оптимизму в оценке природы человека. Более того, он рискованно близко подошел к отождествлению Царства Божьего с определенной социальной и экономической системой, что было несвойственно христианской церкви. Невзирая на эти недостатки, Раушенбах сослужил церкви хорошую службу, отстаивая точку зрения, согласно которой проповедь должна быть обращена к человеку в целом — не только к его душе, но и к телу, обосновывая необходимость заботиться не только о духовном, но и о материальном благополучии человека. С тех пор как я прочитал Раушенбаха, моим убеждением стало то, что религия, признающая важность заботы о людских душах, но не затрагивающая общественные и экономические условия, ранящие эти души, — это религия с умирающим духом, ожидающая только того дня, когда ее похоронят. Хорошо сказано: «Религия кончается там, где кончается человек».

После знакомства со взглядами Раушенбаха я обратился к серьезному изучению социальных и этических теорий великих философов — от Платона и Аристотеля до Руссо, Бентама, Гоббса, Милля и Локка. Эти великие умы стимулировали развитие моего мышления. Обращая внимание на спорные моменты у каждого из них, я многому научился.

Во время рождественских каникул 1949 года я решил провести свободное время, читая Карла Маркса, для того чтобы попытаться понять привлекательность идеи коммунизма для многих людей. Впервые я тщательно исследовал «Капитал» и «Коммунистический манифест».

Кроме этого я ознакомился с некоторыми комментариями к учениям Маркса и Ленина. Анализируя эти произведения, я пришел к выводам, которые стали моими убеждениями и остаются ими по сегодняшний день. Прежде всего, я не принял материалистическое понимание истории. При коммунизме, открыто секуляристическом и материалистическом, для Бога нет места. Этого я, как христианин, никогда не мог понять, так как я верю, что в этой вселенной существует творящая персональная сила, которую языком материализма объяснить невозможно. В конечном счете, и история направляется духом, а не материей. Во-вторых, я убежденно не согласен с коммунистическим этическим релятивизмом. С тех пор как для коммуниста не существует божественного правления, не существует и абсолютного морального закона, неизменных непреложных моральных принципов, в результате этого почти все — сила, насилие, убийство, ложь — является оправданным средством для достижения «тысячелетней» цели. Такой релятивизм вызывает у меня отвращение. Конструктивные цели не могут давать абсолютное моральное оправдание деструктивным средствам, потому что в конечном итоге существованию цели предшествует существование средства. В-третьих, я выступаю против политического тоталитаризма коммунизма. При коммунизме человек погибает, поглощенный государством. Правда, марксист стал бы спорить, что государство является «временной» реальностью, которая будет ликвидирована, когда возникнет бесклассовое общество; но пока государство существует, именно оно является целью, а человек — только средством для ее достижения. И если какие-либо из так называемых прав или свобод человека станут на пути достижения этой цели, они просто будут сметены в сторону. Свобода слова, свобода голосования, свобода слушать те новости, которые нравятся самому человеку, или свобода выбора книг для чтения — все это имеет определенный предел. Человек при коммунизме становится едва ли чем-то большим, чем стандартный зубец во вращающемся колесе государства.

Я не мог принять принижение индивидуальной свободы. И сейчас я убежден в том, что человек является целью, потому что он — творение Бога. Не человек создан для государства, а государство для человека. Лишить человека свободы — это значит принизить его в большей степени до статуса вещи, а не поднять до уровня личности. К

человеку никогда нельзя относиться как к средству для достижения целей государства, а только как к цели самой по себе.

Несмотря на то что мое отношение к коммунизму было и остается негативным и я рассматриваю его как зло, в нем есть некоторые моменты, которые представляются привлекательными. Прежний архиепископ Кентерберийский Уильям Темпл к коммунизму относился как к христианской ереси. При этом он понимал, что в коммунистическом учении придается определенное значение тем истинам, которые являются сутью христианского понимания вещей, но с этим граничат концепции и практические действия, которые ни один христианин не сможет принять или исповедовать. Коммунизм заставил бывшего архиепископа, как заставил и меня, обратить внимание на проблему социальной справедливости. При всех его ложных посылах и порочных методах, коммунизм возник в качестве протеста на лишения неимущих. Теоретически в коммунистическом учении придается особое значение бесклассовому обществу и заботе о социальной справедливости, но мир знает из печального опыта, что на практике были созданы новые классы и новый язык несправедливости. Христианин всегда обязан откликаться на любой протест против несправедливого отношения к бедным, христианство само является таким протестом, нигде более не выраженным так красноречиво, как в словах Иисуса: «Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим, и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедовать лето Господне благоприятное» (Лк., IV. 18–19).

Еще я пытался найти четкие ответы на критику Марксом современной буржуазной культуры. Он представил сущность капитализма как борьбу между владельцами производственных ресурсов и рабочими, которых Маркс считал настоящими производителями. Под экономическими силами Маркс понимал диалектический процесс, благодаря которому общество продвинулось от феодализма через капитализм к социализму. Основным механизмом этого исторического движения является борьба экономических классов, имеющих несовместимые интересы. Очевидным представляется то, что эта теория не приняла во внимание имеющие большое значение многочисленные сложные образования — политические, экономические, моральные,

религиозные и психологические, которые играли жизненно важную роль в создании созвездия институтов и идей, известных сейчас под именем западной цивилизации. Сверх того, к этому можно отнести и тот факт, что капитализм, о котором писал Маркс, имеет только частичное сходство с современным капитализмом, известным нам в этой стране.

Несмотря на недостатки своего анализа, Маркс поставил ряд важнейших вопросов. С ранней юности меня глубоко задевала пропасть между чрезмерным богатством и крайней нищетой, чтение Маркса же заставило меня прочувствовать эту пропасть еще глубже. Хотя современный американский капитализм путем социальных реформ во многом уменьшил это расхождение, потребность в лучшем распределении богатств еще существует. Более того, Маркс обнаружил опасность корыстолюбивых побуждений как самого глубокого основания экономической системы, при капитализме всегда существует опасность настраивания человека на большую заботу о проживании, чем о жизни. Мы склонны скорее судить об успехе по индексу заработной платы или по размеру автомобиля, чем по качеству работы и отношению к человечеству, — таким образом, капитализм может привести нас к практическому материализму, который так же пагубен, как и материализм, которому учит коммунизм.

Короче говоря, я прочитал Маркса, как прочитал всех влиятельных исторических мыслителей, — диалектически, сочетая частичные «да» с частичными «нет». Пока Маркс постулировал метафизический материализм, этический релятивизм и удушающий тоталитаризм, я отвечал недвусмысленным «нет»; но когда он указывал на слабость классического капитализма, внося тем самым свой вклад в рост самосознания масс и бросая вызов учению христианской церкви, я отвечал четким «да».

Мое чтение Маркса убедило меня еще и в том, что истину нельзя обнаружить ни в марксизме, ни в традиционном капитализме. И там и там заключена лишь ее часть. Исторически капитализм не смог увидеть истину в коллективном начинании, а марксизм не смог найти ее в начинаниях индивидуальных. Капитализм XIX столетия не смог заметить, что человеческая жизнь является социальной, а марксизм не обнаружил и до сих пор не замечает, что жизнь является индивидуальной и глубоко личностной. Царство Божье — не тезис индивиду-

ального начинания и не антитезис коллективного, но синтез, способный примирить истину обоих.

Во время моего пребывания в семинарии Крозера я впервые раскрыл для себя истины пацифизма в лекциях доктора А.Дж. Масте. Я был увлечен речью доктора Масте, но далек от веры в практическую значимость его позиции. Как и большинство студентов, я чувствовал, что война не может быть оценена положительно или в качестве абсолютного блага, но может быть полезной в смысле предотвращения распространения и роста силы зла. Война, ужасная сама по себе, может быть предпочтительнее подчинению тоталитарной системе — нацистской, фашистской или коммунистической.

В этот период я почти разуверился в силе любви в решении социальных конфликтов. Быть может, моя вера в любовь временно пошатнулась под влиянием философии Ницше. Я читал отрывки из «Происхождения морали» и полностью «Волю к власти». Прославление власти — а в учении Ницше вся жизнь является выражением воли к власти — отражало его презрение к обычной морали. Он атаковал всю древнееврейскую христианскую мораль с ее добродетелями благочестия и смирения и ее отношением к страданию как к прославлению слабости, с ее утверждением добродетелей из необходимости и бессилия. Он уповал на становление сверхчеловека, который превзойдет человека в той же степени, в какой человек превзошел обезьяну.

Однажды в воскресенье днем я поехал в Филадельфию, чтобы услышать проповедь доктора М. Джонсона, президента Хоувордского университета. Он был там для того, чтобы молиться за Дом Товарищества в Филадельфии. Доктор Джонсон накануне вернулся из поездки в Индию и, что меня особенно заинтересовало, говорил о жизни и учении Махатмы Ганди. Его сообщение было настолько глубоким и зажигательным, что, покинув собрание, я купил полдюжины книг о жизни Ганди и его собственные труды.

Как и большинство, я слышал про Ганди, но серьезно его никогда не изучал. Во время чтения я был совершенно покорен его кампаниями в поддержку ненасильственного сопротивления. Особенно поразил меня Солевой Марш к морю и огромное число его сторонников. Концепция Сатьяграхи в целом имела для меня огромное значение. Когда я углубился в изучение философии Ганди, мой скептицизм относительно силы любви значительно ослабел, и я впервые увидел ее

реальную способность действовать в сфере социальных реформ. До чтения Ганди я пришел к выводу, что мораль Иисуса является эффективной только для личных отношений. Мне представлялось, что принципы «подставьте другую щеку», «возлюбите врагов ваших» имели практическую ценность и там, где индивиды конфликтовали друг с другом; там же, где был конфликт между расовыми группами или нациями, был необходим другой, более реалистичный подход. Но после прочтения Ганди я осознал, что полностью ошибался.

Ганди был, наверное, первым в истории человечества, кто поднял мораль любви Иисуса над межличностными взаимодействиями до уровня мощной и эффективной силы большого размаха. Для Ганди любовь была сильнодействующим орудием в деле социальных коллективных преобразований. Именно в том, что Ганди придавал особое значение любви и ненасилию, я нашел метод для социальных преобразований, который искал много месяцев. То интеллектуальное и моральное удовлетворение, которое мне не удалось получить от утилитаризма Бентама и Милля, от революционных методов Маркса и Ленина, от теории общественного договора Гоббса, от оптимистического призыва Руссо «назад к природе», от философии сверхчеловека Ницше, я нашел в философии ненасильственного сопротивления Ганди. Я начал чувствовать, что это был единственный моральный и практически справедливый метод, доступный угнетенным в их борьбе за свободу.

Но моя духовная одиссея к ненасилию на этом не закончилась. Во время последнего года обучения в теологической школе я начал читать произведения Рейнхольда Нибура. Пророческие и трезвые элементы страстного стиля Нибура взывали ко мне, и я был настолько очарован его социальной этикой, что практически попал в ловушку всего им написанного.

К тому времени я читал критику Нибуром пацифистской позиции. Нибур сам примыкал к рядам пацифистов. В течение нескольких лет он был национальным председателем Товарищества Примирения. Его разрыв с пацифизмом относится к началу 30-х годов, а первым деятельным критическим заявлением в адрес пацифизма была его книга «Моральный человек и аморальное общество». Там он настаивал на том, что не существует внутреннего отличия насильственного сопротивления от ненасильственного. По его утверждению, социальные

последствия этих двух методов отличались, но это было отличие в частностях, не по существу. Позже Нибур стал подчеркивать безответственность упования на то, что ненасильственное сопротивление может стать успешным в предотвращении распространения тоталитарной тирании. Оно может иметь успех только в том случае, утверждал Нибур, если те группировки, против которых сопротивление направлено, обладают определенным уровнем развития морального сознания, как это было в борьбе Ганди против англичан. Полное неприятие Нибуrom пацифизма было основано преимущественно на учении о человеке. Он утверждал, что пацифизм не смог справедливо отнестись к учению об оправдании верой, заменив его сектантским перфекционизмом зла, при этом утверждает, что «божественное благоволение вознесет человека над грешными противоречиями истории и установит его над греховным миром».

Вначале критика Нибуrom пацифизма привела меня в смятение. Продолжая читать, я, однако, стал замечать все больше недостатков в его позиции. К примеру, во многих его утверждениях обнаруживалось, что он толкует пацифизм как разновидность пассивного несопротивления злу, выражающую наивную веру и любовь. Но это было серьезным искажением. Мое изучение Ганди убедило меня, что настоящий пацифизм является не несопротивлением злу, а ненасильственным сопротивлением злу. Между этими двумя позициями существует большая разница. Ганди сопротивлялся злу с огромной энергией и силой, но он оказывал сопротивление любовью, а не ненавистью. Настоящий пацифизм не является безвольной покорностью силе зла, как утверждал Нибур. Это скорее мужественное противостояние злу силой любви, основанное на вере в то, что лучше терпеть зло, чем причинять его, так как последнее только увеличивает количество зла и несчастья во вселенной, тогда как терпение может вызвать чувство стыда у противника и тем самым произвести изменения в его сердце,

Несмотря на тот факт, что некоторые утверждения Нибура можно оспаривать, его взгляды оказали конструктивное влияние на мое мышление. Огромный вклад Нибура в современную теологию связан с тем, что он опроверг ложный оптимизм, свойственный большей части протестантского либерализма, не впадая при этом в антирационализм европейского теолога Карла Барта или полуфундаментализм других теологов-диалектиков. Более того, у Нибура было потрясаю-

щее внутреннее видение человеческой природы, особенно поведения наций и социальных групп. Он четко осознавал сложность человеческих мотивов и отношений между моралью и силой. Его теология является настойчивым напоминанием о реальности существования греха на любом уровне существования человека. Эти элементы Нибура помогли мне осознать иллюзии поверхностного оптимизма касательно природы человека и опасность ложного идеализма. Тогда я еще уповал на способность человека к добру, Нибур же заставил меня понять и его способность ко злу. Более того, Нибур помог мне осознать сложность социальных связей и бросающуюся в глаза реальность существования коллективного зла.

Я ощущал, что большинству пацифистов понять этого не удалось. Слишком многим из них был свойствен неоправданный оптимизм относительно человека, и они бессознательно склонялись к уверенности в собственной правоте. Под влиянием Нибура у меня выработалось отвращение к такому отношению, чем объясняется то, что, невзирая на мою сильную тягу к пацифизму, я никогда не вступал в пацифистские организации. После прочтения Нибура я пришел к мысли о реальном пацифизме. Другими словами, я стал принимать пацифистскую позицию не как безгрешную, а как меньшее зло при существующих обстоятельствах. Тогда я почувствовал и чувствую это сейчас, что пацифизм мог бы быть более привлекательным, если бы не претендовал на свободу от моральных дилемм, чему противостоят христиане-непацифисты.

Следующая стадия моего духовного паломничества к ненасилию наступила во время работы над докторской диссертацией в Бостонском университете. Там у меня была возможность беседовать со многими представителями направления ненасилия, как со студентами, так и с теми, кто приходил на территорию университета. В теологической школе Бостонского университета с глубокой симпатией относились к пацифизму благодаря влиянию Дина Уолтера Милдера и профессора Алана Найта Челмерса. И Дин Милдер, и доктор Челмерс были страстными сторонниками идеи социальной основы справедливости, причиной чего был не поверхностный оптимизм, а глубокая вера в возможность человеческих существ к возвышению, если они станут следовать учению Господа. Именно в Бостонском университете я пришел к выводу, что Нибур переоценил испорченность человеческой при-

роды. Его пессимизм относительно природы человека не был уравновешен оптимизмом в отношении природы божественного. Он был настолько увлечен постановкой диагноза о подверженности человека греху, что проглядел исцеление молитвой.

Философию и теологию в Бостонском университете я изучал под руководством Эдгара С. Брайтмена и Л. Харольда де Вулфа. Оба они во многом стимулировали мое мышление. Главным образом под их руководством я познал философию персонализма — учение, в котором ключ к пониманию вечной реальности находится в личности человека. Этот персональный идеализм и сейчас остается моей основной философской позицией. Уверенность персонализма в том, что только личность — ограниченная и беспредельная — является абсолютной реальностью, укрепила два моих убеждения: дала мне метафизическое философское обоснование идеи о персональном Боге, предоставила метафизический базис для утверждения достоинства и ценности всей личности человека.

Незадолго до смерти доктора Брайтмена мы с ним начали заниматься философией Гегеля. Хотя — в основном — курс заключался в изучении монументальной работы «Феноменология духа», я проводил свободное время за чтением «Философии истории» и «Философии права». Были моменты в философии Гегеля, с которыми я был решительно не согласен. Например, его абсолютный идеализм был мне совершенно несимпатичен, потому что имел тенденцию к поглощению множественного единым. Но были другие аспекты его учения, которые показались мне стимулирующими развитие мысли. Его утверждение, что «истина — это целое», привело меня к философскому методу рациональной связи. Его анализ диалектического процесса, невзирая на недостатки, помог мне увидеть, что развитие происходит через борьбу.

К 1954 году я завершил изучение всех этих относительно расходящихся интеллектуальных традиций, объединив их в позитивную социальную философию. Одним из основных догматов этой философии было убеждение в том, что ненасильственное сопротивление является одним из мощнейших орудий, доступных угнетенным людям в их поиске социальной справедливости. В то время, однако, у меня было только интеллектуальное понимание этой позиции, без твердой решимости воплотить ее в реальных социальных условиях.

Когда я ехал служить священником в Монтгомери, у меня не было и мысли, что я окажусь вовлеченным в кризисную ситуацию, когда придется на практике применять метод ненасильственного сопротивления. Я не начинал действий протеста и не предлагал их. Я просто отозвался на людской призыв стать их представителем. Когда начался протест, мои мысли осознанно или неосознанно возвратились к Нагорной проповеди с ее величественным учением о любви и к методу ненасильственного сопротивления Ганди. С течением времени я начал понимать силу ненасилия все глубже и глубже. Пройдя через действительный опыт протеста, ненасилие стало больше чем метод, с которым я был теоретически согласен; оно стало обязательством жить определенным образом. Многие из проблем, касающихся ненасилия, которые я не мог прояснить для себя интеллектуально, разрешились в сфере практических действий.

С тех пор как философия ненасилия сыграла такую важную роль в Движении в Монтгомери, было бы разумно обратиться непосредственно к краткому обсуждению некоторых основных аспектов этой философии.

Во-первых, следует обязательно выделить, что ненасильственное сопротивление — это не метод для трусов, это сопротивление. Если кто-нибудь использует этот метод потому, что боится, или просто потому, что у него не хватает орудий насилия, то он ненастоящий сторонник ненасилия. Поэтому Ганди часто говорил, что если считать трусость единственной альтернативой насилию, то лучше сражаться. Он сделал, это заявление, будучи уверенным, что всегда существует и другая альтернатива: ни один человек, ни группа людей не должны подчиняться никакой несправедливости, не должны они и использовать насилие, чтобы оправдать эту несправедливость, — существует путь ненасильственного сопротивления. Это, в конечном счете, путь сильных людей. Это не является воплощением инертной пассивности. Фраза «пассивное сопротивление» часто производит ложное впечатление, будто бы это является разновидностью метода неучастия, согласно которому сопротивляющийся спокойно и пассивно принимает зло. Но ничто другое так не далеко от истины, как это утверждение. На протяжении того времени, в течение которого сторонник ненасильственного сопротивления пассивен, в том смысле, что он не агрессивен физически в отношении своих противников, его разум и

эмоции всегда направлены на убеждение противника в его неправоте. Это — метод физической пассивности, но мощной духовной активности. Это не пассивное непротivление злу, а активное ненасильственное сопротивление злу.

Вторым основным моментом для характеристики ненасилия является то, что с его помощью не стремятся победить или унижить противника, но пытаются завоевать его дружбу и понимание. Участник ненасильственного сопротивления вынужден зачастую выражать свой протест путем несотрудничества или бойкотов, но он понимает, что это не является целью самой по себе, а только лишь средством для пробуждения морального стыда у противника. Целью является освобождение и примирение. Последствия ненасилия заключаются в создании общности, тогда как последствием насилия является трагическая горечь.

Третьей характеристикой этого метода является то, что атака направлена против сил зла в большей степени, чем против тех людей, которым пришлось творить это зло. Именно зло стремится победить участник ненасильственного сопротивления, а не людей, ставших жертвами этого зла. Если он противостоит расовой несправедливости, то понимает, что основное напряжение связано не с отношением между расами. Как я любил говорить людям в Монтгомери: «Напряжение в городе существует не между белыми и неграми. В своем основании оно существует между справедливостью и несправедливостью, между силами света и силами тьмы. И если будет наша победа, то это будет победа не пятидесяти тысяч негров, но победа справедливости и светлых сил. Мы выступили для того, чтобы победить несправедливость, а не против тех белых людей, которые являются ее носителями».

Четвертым пунктом, характеризующим ненасильственное сопротивление, является желание принимать страдания без возмездия — принимать удары противника, не отвечая на них. «Реки крови, быть может, протекут, пока мы завоюем себе свободу, но это должна быть наша кровь», — говорил Ганди своим соотечественникам. Участник ненасильственного сопротивления стремится принять насилие, если это неизбежно, но никогда не нанесет ответный удар. Он не ищет при этом возможности уклониться от тюрьмы. Если тюремное заключение неизбежно, он входит в тюрьму, «как жених входит в комнату невесты».

Каждый может задать справедливый вопрос: «Какое оправдание имеют сторонники ненасильственного сопротивления для тех суровых испытаний, которым они подвергают людей, призывая следовать старинной позиции “подставить другую щеку”?»). Ответ заключается в том, что незаслуженные страдания являются искуплением. Страдание — в понимании сторонников ненасилия — имеет огромное количество образовательных и преобразовательных возможностей. «Те вещи, которые имеют для людей фундаментальное значение, не могут быть достигнуты с помощью одного лишь разума, их необходимо выстрадать», — говорил Ганди. Он продолжал: «Страдание безгранично сильнее закона джунглей в деле обращения противника в свою веру, чтобы он услышал то, что недоступно для голоса разума».

Пятым пунктом, определяющим ненасильственное сопротивление, является то, что с его помощью можно избежать не только внешнего физического насилия, но и внутреннего насилия духа. Борец за ненасилие отказывается не только стрелять в противника, но и ненавидеть его. Центром ненасилия является принцип любви. Борец за ненасилие будет утверждать, что в борьбе за человеческое достоинство угнетенные люди всего мира не должны уступить искушению ожесточиться или дать себе волю участвовать в кампаниях ненависти. Это бы не привело ни к чему, кроме усиления существующего зла во вселенной. На протяжении всего существования жизни кто-нибудь должен иметь достаточно разума и моральности, чтобы разорвать цепочку зла и ненависти. Этого можно достичь, только возводя мораль любви в центр всей нашей жизни.

Говоря о любви в этом смысле, мы не отсылаем к сентиментальным нежным эмоциям. Было бы нелепо настаивать на том, что люди должны любить и относиться с нежностью к тем, кто их угнетает. В этой связи любовь означает понимание, искупающее добрую волю. Здесь на помощь приходит греческий язык. Для обозначения любви в греческом варианте Нового Завета есть три слова. Первое — это эрос. В платонической философии эрос означал стремление души к сфере божественного. Теперь это стало означать разновидность эстетической, романтической любви. Во-вторых, существует филиа, которая обозначает интимные чувства между людьми. Филиа обозначает вид взаимной любви, когда человек любит, потому что любят его. Когда же мы говорим о любви к тем, кто нам противостоит, мы говорим не

о филиа и не об эресе — мы говорим о любви, которая в греческом языке обозначается словом «агапе». Агапе обозначает понимание, распространенное доброй волей всех людей. Это переполняющая любовь, которая чисто спонтанная, немотивированная, необоснованная и созидательная. Она не начинается из-за наличия какого-либо качества или свойства объекта. Это божественная любовь, живущая в сердцах людей.

Агапе — это незаинтересованная любовь. Это любовь, в которой индивид стремится найти добро не для себя, а для своего ближнего (1 Кор., 10; 24). Агапе не начинается с разного отношения к достойным и недостойным людям и качествам, которыми они обладают. Она начинается с любви к другим ради них самих. Это полностью «касающаяся ближнего забота об остальных», которая находит ближнего в каждом встречном человеке. В данном случае агапе не делает различия между другом и врагом, этот вид любви касается обоих. Если кто-то любит кого-то только из чувства дружелюбия, он любит его в большей степени ради пользы, которую он получает в результате этой дружбы, чем ради своего друга. Следовательно, лучшим способом, чтобы убедить себя в незаинтересованности любви, является любовь к своему врагу-ближнему, от которого нельзя ожидать в ответ ничего хорошего, кроме враждебности и преследования.

Другим важным моментом, характеризующим агапе, является то, что она возникает из потребности в другом человеке — его потребности принадлежать к лучшему, что есть в человеческом обществе. Самаритянин, который помог еврею по дороге на Иерихон, был «добрым», потому что чувствовал себя ответственным за потребности всего человечества, которое он представлял. Любовь Бога является вечной и не ослабевает потому, что она нужна человеку. Святой Павел уверил нас, что акт любви-спасения произошел, «когда мы были еще грешниками», — и это пик нашей великой потребности в любви. С тех пор как личность белого человека в большой степени разрушена сегрегацией, он нуждается в любви негра. Негры обязаны любить белых, потому что белые нуждаются в их любви, чтобы стереть пятно напряжения, нестабильности и страха.

Агапе не является слабой, пассивной любовью. Это любовь в действии. Это любовь, стремящаяся защитить и сотворить сообщество. Она настаивает на общности, даже когда кто-то стремится эту общ-

ность разрушить. Агапе — это желание идти до конца ради восстановления общности. Она не остановится на первой миле, а пройдет вторую, чтобы восстановить общность, Это желание просить не семь раз, а семьдесят семь, чтобы восстановить общность. Крест — это вечное выражение длины, до которой дойдет Бог, чтобы восстановить общность. Воскрешение является символом божественного превосходства над всеми силами, которые стремятся этой общности препятствовать. Святой Дух является продолжающейся общностью, создающей реальность, проходящую через все существующее. Тот, кто действует вопреки общности, действует вопреки творению. Поэтому, если я отвечаю на ненависть эквивалентной ненавистью, я не делаю ничего, кроме усиления раскола в разрушенной общности. Я могу закрыть брешь в разрушенной общности, только встречая ненависть любовью. Если я встречу ненависть ненавистью, я перестану быть личностью, потому что так создано, что личность может быть полной только в контексте общности. Т. Вашингтон был прав: «Не позволяйте человеку завести вас так далеко, чтобы ненавидеть его». Когда он заведет вас так далеко, он приведет вас к той позиции, которая будет против общности, он втянет вас в разрушение создания, разрушив тем самым личность.

В конечном итоге, агапе — познание того факта, что жизнь взаимосвязана. Все человечество включено в единый процесс, а все люди — братья. В той мере, в какой я причиняю вред своему брату, независимо от того, что он делает мне, — я причиняю вред себе. Например, белые люди часто отказывают в федеральной помощи образованию, чтобы избежать предоставления неграм их прав, но из-за того, что все люди братья, они не могут отказывать негритянским детям, не причиняя вреда своим собственным. Напротив, их усилия заканчиваются нанесением ущерба самим себе. Почему так происходит? Потому что все люди — братья. Если нанесешь вред мне, нанесешь и себе.

Любовь, агапе, является единственным цементом, способным укрепить разрушенную общность. Когда мне свыше приказано любить, мне приказано соединять разрушенную общность, противостоять несправедливости и удовлетворять потребности моих братьев.

Шестой основной характеристикой ненасильственного сопротивления служит понимание того, что на стороне справедливости находится весь мир. Поэтому тот, кто верит в ненасилие, — глубоко верит

в будущее. Вера является причиной, по которой участник ненасильственного сопротивления принимает страдания без возмездия. Он знает, что в его борьбе за справедливость космос на его стороне. Есть преданные, верящие в ненасилие люди, которые не могут верить в существование персонального Бога. Но даже эти люди верят в наличие некой творящей силы, которая действует ради полноты вселенной. И как бы мы ни называли это — неосознаваемым безличностным процессом или Персональным существом, — мы признаем существование творящей силы и некой любви, которая действует, чтобы привести несвязанные аспекты реальности в гармонию.

Кинг М.-Л. Паломничество к ненасилию // Ненасилие: философия, этика, политика / отв. ред. А.А. Гусейнов. М.: Наука, 1993. С. 175–187.

Учебное издание

**Иванов Андрей Александрович
Воронов Василий Михайлович**

**НЕГАТИВИСТСКАЯ
КОНФЛИКТОЛОГИЯ**

Учебное пособие

Подписано в печать 10.10.2014.
Электронное издание для распространения
через Интернет.

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва,
ул. Бутлерова, д. 17-Б, комн. 324
Тел./факс: (495)334-82-65; тел. (495)336-03-11
E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru